

**ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
Воронежская психолингвистическая ассоциация
Кафедра общего языкознания и стилистики
Центр коммуникативных исследований**

Психолингвистика и лексикография

Издается с 2014 г.

Выпуск 9

*Посвящается памяти
доктора филологических наук,
профессора Иосифа Абрамовича Стернина*

**Москва
2022**

УДК 81'33
ББК 81

Редакционная коллегия:

Рудакова Александра Владимировна – научный редактор, к.ф.н., доцент кафедры общего языкознания и стилистики филологического факультета Воронежского государственного университета; директор Центра коммуникативных исследований (Воронеж, Россия)

Заварзина Галина Анатольевна – д.ф.н., заведующий кафедрой русского языка, современной русской и зарубежной литературы гуманитарного факультета Воронежского государственного педагогического университета (Воронеж, Россия)

Лемяскина Наталия Александровна – д.ф.н., профессор кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы гуманитарного факультета Воронежского государственного педагогического университета (Воронеж, Россия)

Маклакова Елена Альбертовна – д.ф.н., заведующий кафедрой иностранных языков Воронежского государственного лесотехнического университета им. Г.Ф. Морозова (Воронеж, Россия)

Новичихина Марина Евгеньевна – д.ф.н., профессор кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна факультета журналистики Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия)

Стеблецова Анна Олеговна – д.ф.н., заведующий кафедрой иностранных языков Воронежского государственного медицинского университета им. Н.Н. Бурденко (Воронеж, Россия)

Компьютерная верстка и оригинал-макет – А.В. Рудакова

Девятый выпуск сборника научных работ «Психолингвистика и лексикография» посвящен теоретическим и прикладным проблемам лингвистического и психолингвистического описания содержания языковых единиц.

Предназначен для филологов, преподавателей русского и иностранных языков, преподавателей русского языка как иностранного, специалистов в области психолингвистических и когнитивных исследований, лексикографии, семасиологии, межкультурной коммуникации.

Психолингвистика и лексикография: сборник научных трудов / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Москва: Издательство ООО «РИТМ: издательство, технологии, медицина», 2022. – Вып. 9. – 233 с.

ISBN 978-5-00208-015-1

© Коллектив авторов, 2022
© ООО «РИТМ», 2022

ОТ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА

Девятый выпуск научного сборника «Психолингвистика и лексикография» подготовлен Центром коммуникативных исследований ВГУ, кафедрой общего языкознания и стилистики филологического факультета Воронежского государственного университета и Воронежской психолингвистической ассоциацией.

Данный выпуск является очередным в серии продолжающихся научных изданий, посвященных теоретическим и прикладным проблемам психолингвистического описания содержания языковых единиц.

Издание отражает результаты исследований семантики единиц языка в рамках теоретико-лингвистической научной школы Воронежского государственного университета в области общего и русского языкознания, основателями и руководителями которой долгое время были заслуженные деятели науки РФ, доктора филологических наук, профессора Зинаида Даниловна Попова и Иосиф Абрамович Стернин. В сборник также вошли работы ученых других вузов Воронежа и других городов России (Борисоглебска, Костромы, Курска, Москвы, Смоленска, Твери, Тулы), а также Сенегала, Казахстана, работающих в русле проблематики научной школы и тематики сборника.

В сборнике размещены как исследования докторов и кандидатов наук, аспирантов, соискателей, так и тех, кто только делает первые шаги в научных исследованиях (работы студентов и магистрантов).

Сборник включает несколько разделов. Раздел «Теоретические и прикладные проблемы психолингвистических исследований» содержит результаты исследования языковых единиц психолингвистическими методами. В разделе «Теоретические и прикладные проблемы исследований семантики слова» представлены статьи, содержащие результаты семантического описания языковых единиц, выполненного традиционными лингвистическими методами. В разделе «Теоретические и прикладные проблемы лексикографических исследований» публикуются исследования, описывающие принципы создания лексикографических изданий. Раздел «Дискурс и языковое сознание носителей языка» включает работы, обращенные к дискурсивным проблемам.

В сборник включен раздел «Лингвокриминалистика», содержащий материалы Круглого стола, посвященного памяти Иосифа Абрамовича Стернина (13 мая 2022 г.).

Редколлегия приглашает к сотрудничеству всех исследователей, занимающихся проблемами психолингвистических, семантических и лексикографических исследований.

Электронный адрес научного редактора сборника: a-rudakova@list.ru (Рудакова Александра Владимировна).

Удивительный Ученый, Педагог, Просветитель, Человек... СТЕРНИН ИОСИФ АБРАМОВИЧ

27 мая 2022 г. в рамках XX Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации «Российская психолингвистика: итоги и перспективы» прошел Круглый стол, посвященный памяти доктора филологических наук, профессора Воронежского государственного университета Иосифа Абрамовича Стернина. Участники Круглого стола поделились своими воспоминаниями о талантливом Ученом, непревзойденном Педагоге, замечательном Ораторе, щедром на душевную теплоту Человеке, горячем Просветителе.

Иосиф Абрамович Стернин родился 29 апреля 1948 г. в поселке Красово Ухтомского района Московской области. С 1965 по 1970 годы был студентом факультета романо-германской филологии Воронежского государственного университета. Учеба в аспирантуре в секторе общего языкознания Института языкознания АН СССР завершилась в 1973 г. защитой кандидатской диссертации «К проблеме дейктических функций слова». Целый год молодой кандидат наук прослужил рядовым в войсках связи ВВС Советской армии, был отличником боевой и политической подготовки, занесен в Книгу Почета части 65239. В 2021 г. была опубликована книга «Год в армии», в которой Иосиф Абрамович тепло вспоминает об армейском времени, своих боевых товарищах, с большинством из которых дружба продолжалась многие годы.

В 1975 году Иосиф Абрамович пришел работать на кафедру общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета и прошел путь от преподавателя до профессора кафедры. В 1987 г. состоялась блестящая защита докторской диссертации «Лексическое значение слова в речи» (Белорусский государственный университет, г. Минск), в 1989 г. – присвоение звания профессора. Одноименная монография до сих пор имеет большую популярность среди как начинающих, так и маститых лексикологов.

Трижды заведующий кафедрами (1991–2005 – кафедрой теории и практики коммуникации Воронежского областного института повышения квалификации и переподготовки работников образования, 1996–2015 – кафедрой общего языкознания и стилистики ВГУ, 2010–2014 – кафедрой общей и прикладной филологии факультета филологии и коммуникации Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова), Иосиф Абрамович твердой рукой и горячим сердцем руководил разными коллективами, которые при добром начальнике становились единомышленниками и просто настоящими друзьями.

Любимый педагог, удивительный оратор – так до сих пор отзываются об Иосифе Абрамовиче Стернине студенты разных стран и университетов, которым довелось учиться у замечательного профессора:

Воронежского государственного университета, Института славистики университета им. М. Лютера (ГДР), университетов Копенгагена, Орхуса (Дания), Ювяскюля (Финляндия), Варшавского университета (Польша), университета Хельсинки, Венского университета (Австрия), Бишкекского славянского университета (Киргизия) и др. Лекции Иосифа Абрамовича имели магическую силу – вызвали желание немедленно начать заниматься наукой (ведь это, оказывается, так интересно!), читать научную литературу (это нескучно!), приходить еще и слушать, слушать, слушать обаятельного ученого.

Профессор может убедить любого!

Для щедрого на идеи и талантливое научное руководство не было понятия «чужой» аспирант, студент: даже если ты пришел просто за советом, то всегда можешь рассчитывать на помощь в публикациях, в сборе и анализе материала, тебе предложат новые пути развития научных идей. Поэтому не случайно, что под руководством Иосифа Абрамовича Стернина в науку вошли 78 кандидатов и 15 докторов наук. Целая Воронежская научная школа!

Желание помочь молодым ученым, всем, кто интересуется лингвистикой, привело к созданию Фонда поддержки ученых-лингвистам ВГУ (совместно с Марино Абрамовной Стерниной – Фонд Стерниных), который каждый год дает возможность бесплатно опубликовать научную статью, съездить на конференцию, напечатать монографию, купить компьютер для работы и др. молодым по возрасту и молодым в душе ученым.

Особое место в жизни Иосифа Абрамовича занимал небольшой город в Воронежской области – Борисоглебск. Больше 20 лет профессор приезжал сюда на несколько недель, чтобы читать лекции студентам, работать с соискателями научных степеней Борисоглебского педагогического института. Каждому находилось место в науке и душе Иосифа Абрамовича!

Иосиф Абрамович Стернин считал, что ученый не должен замыкаться только в рамках своей темы, обязательно выезжать на конференции, слушать, чем занимаются коллеги, участвовать в работе научных семинаров, симпозиумов, поэтому каждый год сам бывал на десятках научных мероприятий и приучил к этому своих учеников.

На конференции. В.И. Карасик, И.А. Стернин, А.А. Романов

Два профессора – Е.Ф. Тарасов и И.А. Стернин

Научные интересы Иосифа Абрамовича поистине безграничны: лексикология и семасиология, когнитивная и контрастивная лингвистика,

речевое воздействие и риторика, психолингвистика и лингвокриминалистика. Каждое направление получило мощный научный заряд от Иосифа Абрамовича Стернина: монографии, учебные пособия, сборники статей... Так много научных идей, которые требуют еще нашего осмысления!

Иосиф Абрамович считал, что научные филологические знания должны быть достоянием всех: и исследователей, и людей других профессий. Просветительская деятельность Иосифа Абрамовича осуществлялась на разных площадках: на радио – авторская передача о русском языке «Территория слова»; на страницах воронежских газет – публикации о русском языке и культуре речи; на телевидении – участие в телепередачах о состоянии современного русского языка, русском этикете, эффективном речевом воздействии и бесконфликтном общении; в залах библиотек и школ – лекции о национальных особенностях общения, культуре речи и др.

Все последнее лето своей жизни Иосиф Абрамович посвятил редактированию своей мечты – монографии об истории и современном состоянии российской психолингвистики. Замечательный организатор, совместно с Н.В. Уфимцевой и Е.Ю. Мягковой, смог объединить ведущих психолингвистов и создать на 625 страницах яркую научную картину психолингвистики.

Иосиф Абрамович был счастливым человеком! Он занимался любимым делом, его окружали преданные и любящие его ученики и коллеги. Он многое сделал и мог сделать еще больше! Теперь его нет с нами, но он живет в нашей памяти, в наших исследованиях, наших делах! Светлая память Вам, Учитель, Педагог, Просветитель, Человек!

О милых спутниках, которые наш свет
Своим присутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет;
Но с благодарностью: были.

В. Жуковский

**Отдельные монографии и учебные пособия
Иосифа Абрамовича Стернина**

- Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж, 1979. 156 с.
 Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985. 170 с.
 Экспериментальные методы в семасиологии. Воронеж, 1989. 193 с.
 (соавт. В.В.Левицкий)
 Коммуникативное поведение младшего школьника. Воронеж, 2000. 195 с.
 (соавт. Н.А. Лемяскина).
 Очерк американского коммуникативного поведения. Воронеж, 2001. 206 с.
 (гр. соавторов).
 Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001. 252 с.
 Американское коммуникативное поведение. Воронеж, 2001. 224 с.
 (гр. соавторов)
 Коммуникативные аспекты толерантности. Воронеж, 2001. 135 с. (соавт. К.М. Шилихина)
 Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. Воронеж, 2002. (гр. соавторов)
 Русское коммуникативное поведение. М., 2002. (соавт. Ю.Е. Прохоров)
 Практическая риторика. М., Академия. 2003. 270 с.
 Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж, 2006. 226 с. (соавт. З.Д. Попова).
 Контрастивная лингвистика. М., 2007. 288 с.
 Когнитивная лингвистика. М., 2007. 314 с. (соавт. З.Д. Попова)
 Общее языкознание. М., 2007. 408 с.
 Теоретические и прикладные проблемы языкознания. Избранные работы. Воронеж, 2008. 595 с.
 Языковое сознание жителей Воронежа. Воронеж, 2010. 249 с.
 Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы. LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH Co.KG: Saarbrücken, 2011. 192 с. (соавт. А.В. Рудакова)
 Основы теории языка и коммуникации. М., 2012. 311 с. (соавт. О.Н. Чарыкова и З.Д. Попова).
 Теоретические проблемы семной семасиологии. Воронеж, 2013. 272 с. (соавт. Е.А. Маклакова)
 Психолингвистические методы в описании семантики слова. Воронеж, 2016. 157 с. (соавт. О.Е. Виноградова)
 Когнитивная лингвистика и семасиология. Воронеж, 2018. 229 с. (соавт. А.П. Бабушкин)
 Исследование значения как феномена языкового сознания. Алматы, 2018. 199 с.
 Основы лингвокриминалистики. Воронеж, 2021. 302 с.

А.В. Рудакова

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В.Ю. Бурносова (Воронеж)

ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА ДЯТЕЛ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ШКОЛЬНИКОВ

Аннотация: В статье анализируется гендерная специфика значения слова ДЯТЕЛ в языковом сознании учеников 5-6 классов. Выявляются семантические признаки, актуальные для языкового сознания девочек и мальчиков.

Ключевые слова: семантика, гендер, ассоциативный эксперимент

Abstract: The article analyzes the gender specificity of the meaning of the word WOODPECKER in the language consciousness of students of grades 5-6. Semantic features relevant to the linguistic consciousness of girls and boys are revealed.

Key words: semantics, gender, associative experiment

Впервые с понятием птиц в школьных учебниках учащиеся встречаются на уроках «Окружающий мир» еще в начальной школе.

На страницах учебника «Окружающий мир» 2-3 класса (автор А.А. Плешаков, УМК «Школа России», издательство «Просвещение») содержится следующее определение: Птицы – это животные, тело которых покрыто перьями. Оно позволяет выделить два параметра: тип живого существа – животное, его особенность – наличие перьев на его теле. Дается информация о размножении и развитии птиц. В частности, указывается, что птицы летают, вьют гнезда, высиживают яйца, из которых вылупляются птенцы, основной корм птиц – насекомые, родители защищают своих птенцов. Упоминаются утки, скворцы, синицы. На фотографиях представлены птицы без указания их названий (среди них и экзотические, такие как фламинго и др.). Приведены правила, которые следует соблюдать при общении с птицами. Ни в одном из учебников нет классификации птиц (кроме деления на диких и домашних).

Анализ учебников по окружающему миру позволяет сделать вывод о том, что учащиеся начальной школы имеют базовое представление о птицах без конкретизации. Следовательно, все знания об особенностях птиц (внешний вид, места обитания и др.) к началу средней школы у учащихся имеют наивный характер (из рассказов родителей, собственных наблюдений, по текстам художественной литературы и др.).

Цель данной работы – исследование гендерной специфики значения наименований птиц в языковом сознании школьников.

Материалом исследования послужили наименования птиц в русском языке – всего 50 лексем.

На первом этапе исследования был проведен свободный ассоциативный эксперимент со стимулами ДЯТЕЛ, ВОРОБЕЙ СОРОКА, ВОРОНА и др. Время опроса – 2021-2022 учебный год. Всего в опросе приняло участие 112 школьников 5-6 классов, из них 62 девочки и 50 мальчиков. Возраст испытуемых – 11-12 лет, жители г. Воронежа, родной язык – русский. Были сформированы ассоциативные поля соответствующих стимулов.

На втором этапе методом семантической интерпретации элементов ассоциативных полей были сформулированы психолингвистические значения всех исследуемых лексем (методика И.А. Стернина, А.В. Рудаковой [Стернин 2011]). Затем было предложено описание психолингвистического значения для фиксации в психолингвистическом словаре.

Структура словарной статьи психолингвистического словаря:

1. Название статьи
2. Ассоциативное поле стимула (АП)
3. Психолингвистическое значение слова
4. Фразы, включающие в себя прецедентные тексты, устойчивые выражения
5. Комментарий к словарной статье

Приведем пример психолингвистического описания значения слова ДЯТЕЛ.

Ассоциативное поле (5-6 класс)

ДЯТЕЛ 112: птица 31; дерево 13; стукач 5; красный 3; ворона 2, глупый человек 2, долбит 2, дуб 2, дупло 2, дятел 2, катер 2, маратель 2, метла 2, молоток 2, стук 2; человек 2; береза, большая птица, водитель, воробей, гвоздь, глупый, громкая птица, громкий, добрый, долбит дерево, долбит дупло, дрель, дядя, камера, копатель, куратор, метель, неумный, одноклассники, октябрь, орел, осел, перевал Дятлова, песец, поедатель, птица которая долбит дерево, с красной шапочкой, серый, сидит на скамейке, сыр, тупой, черный 1; отказ 4.

Психолингвистическое значение

1. Птица, которая долбит дерево

Птица 0,30 (*птица 31, большая птица, громкая птица, птица, которая долбит дерево*); в ряду птиц: орел 0,01 (*орел*), ворона 0,02 (*ворона 2*), воробей 0,01 (*воробей*); долбит дерево 0,25 (*долбит дерево 2, долбит 2, дерево 13, долбит дупло, дупло 2, птица, которая долбит дерево, молоток 2, гвоздь, копатель, береза, дуб 2*), издает громкий стук 0,07 (*стучач 3, стук 2, дрель, громкая птица, громкий*), поедает [личинки] 0,01 (*поедатель*); с красной шапочкой 0,03 (*красный 3, с красной шапочкой*), черного цвета 0,01 (*черный*), серого цвета 0,01 (*серый*), [с хвостом, как] метла 0,02 (*метла 2*); бывает большая 0,01 (*большая птица*).

СИЯ 0,75

Дятел долбит дерево.

2. Глупый человек

Глупый 0,04 (*неумный, глупый, глупый человек, тупой*) человек 0,03 (*человек 2, глупый человек*), например, водитель 0,01 (*водитель*), дядя 0,01 (*дядя*), одноклассники 0,01 (*одноклассники*), куратор 0,01 (*куратор*); бывает добрый 0,01 (*добрый*).

То же, что осел 0,01 (*осел*), дуб 0,02 (*дуб 2*)

СИЯ 0,14

Ну ты, Петя, и дятел: ничего не соображаешь!

3. Предатель

Человек 0,03 (*человек 2, глупый человек*), [предает]; сидит в камере 0,01 (*камера*).

То же, что стукач 0,04 (*стукач 5*).

СИЯ 0,08

Вася – дятел, он учителю все рассказал!

Фразы 0,03: сидит на скамейке 0,02 (*сидит на скамейке, на скамейке*); дятел – лесной доктор 0,01 (*доктор*)

Не интерпретируются 7: метель, песок, сыр, октябрь, перевал Дятлова, катер, маратель

Не актуально (отказ 4): 0,04

Сопоставление психолингвистического значения и значения, представленного в словарных источниках (например, в БТС), показывает, что ученики 5-6 классов, кроме прямого значения «Птица», единственного, которое указано в словаре, уже знакомы с жаргонными значениями данной лексемы («Глупый человек» и «Предатель»).

Лексикографическое значение «Птица» уже значения, представленного в языковом сознании школьников. Ср.:

БТС – Лесная птица с длинным, сильным клювом, позволяющим ей долбить кору и древесину и добывать пищу из выдолбленных щелей, трещин (БТС).

ПЛЗ – Птица 0,30; в ряду птиц: орел 0,01, ворона 0,02, воробей 0,01; долбит дерево 0,25, издает громкий стук 0,07, поедает [личинки] 0,01; с красной шапочкой 0,03, черного цвета 0,01, серого цвета 0,01, [с хвостом, как] метла 0,02; бывает большая 0,01.

Для языкового сознания школьников не актуальны такие признаки, как локация – лес, наличие длинного сильного клюва (вероятно, это воспринимается как априорные признаки, которые не требуют вербализации). Наиболее актуальными оказались иные внешние признаки (не указанные в словаре, о позволяющие дифференцировать городскому

жителю конкретный вид птицы): цвет оперения, цвет шапочки, форма хвоста, размер.

Интерес также представляет актуализация стереотипного представления о птице: дятел – лесной доктор, которое вербализуется в процессе начального обучения.

Для выявления гендерных особенностей семантики слова были сформулированы психолингвистические значения слова ДЯТЕЛ в языковом сознании мальчиков и девочек 5-6 классов. Результаты представлены в *Таблице*.

Таблица. Гендерные психолингвистические значения слова ДЯТЕЛ

Девочки 5-6 класс	Мальчики 5-6 класс
Ассоциативные поля	
ДЯТЕЛ 62: птица 15; дерево 10; стучач 3; глупый человек 2, дуб 2, катер 2, метла 2; береза, ворона, гвоздь, глупый, громкая птица, добрый, долбит, долбит дупло, дрель, дупло, дядя, копатель, красный, куратор, маратель, одноклассники, октябрь, песок, поедатель, с красной шапочкой, серый, сидит на скамейке, стук, человек, черный 1; отказ 1.	ДЯТЕЛ 50: птица 16; дерево 3; дятел 2, красный 2, молоток 2, стучач 2; большая птица, водитель, воробей, ворона, громкий, долбит дерево, долбит, дупло, камера, маратель, метель, неумный, орел, осел, перевал Дятлова, птица которая долбит дерево, стук, сыр, тупой, человек 1; отказ 3.
Психолингвистические значения	
1. Птица долбит дерево Птица 0,26; в ряду птиц: ворона 0,02; долбит дерево 0,31, издает громкий стук 0,11, <i>поедает [личинки] 0,02</i> ; с красной шапочкой 0,03, <i>черного цвета 0,02, серого цвета 0,02, [с хвостом, как] метла 0,02</i> . СИЯ 0,81	1. Птица долбит дерево Птица 0,36; в ряду птиц: ворона 0,02, <i>орел 0,02, воробей 0,02</i> ; долбит дерево 0,14, издает громкий стук 0,12; красного цвета 0,04; <i>бывает большая 0,02</i> . СИЯ 0,74
2. Глупый человек Глупый 0,03 человек 0,05, например, <i>одноклассники 0,02, куратор 0,02, дядя 0,02; бывает добрый 0,02</i> . <i>То же, что и дуб 0,03</i> СИЯ 0,19	2. Неумный человек Неумный 0,02 человек 0,02, например: <i>водитель 0,02</i> . <i>То же, что и осел 0,02</i> СИЯ 0,08
3. Предатель Человек 0,05; [предает]. То же, что стучач 0,05 СИЯ 0,10	3. Предатель Человек 0,02, [предает]; <i>сидит 0,02 в камере 0,02</i> . То же, что стучач 0,04 СИЯ 0,10
Фразы 0,02: <i>сидит на скамейке 0,02</i>	Фразы 0,02: <i>дятел – доктор леса 0,02</i>
Не интерпретируются 3: маратель, песок, октябрь Не актуально (отказ 1): 0,02	Не интерпретируются 6: маратель, сыр, метель, октябрь, дятел 2 Не актуально (отказ 3): 0,06

Комментарий

Лексема ДЯТЕЛ в языковом сознании девочек и мальчиков совпадает по трем значениям: *Птица, которая долбит дерево; Глупый человек / Неумный человек; Предатель.*

Эндемичные значения не выявлены.

Значение «Птица, которая долбит дерево»

Оба значения являются актуальными для языкового сознания мальчиков и девочек (СИЯ 0,81 и 0,74 соответственно). Данный уровень различий по шкале уровней яркости оценивается как слабо выраженный (различия на 7 пунктов).

Интегральные семантические компоненты гендерных значений (1,41): *птица 0,26 – 0,36; в ряду птиц: ворона 0,02 – 0,02; долбит дерево 0,31 – 0,14; издает громкий стук 0,11 – 0,12; с красной шапочкой 0,03 – красного цвета 0,04.* Всего 10 сем.

Наиболее яркие различия отмечены у интегральных сем: *птица 0,26 – 0,36; долбит дерево 0,31 – 0,14.*

Дифференциальные женские семы (0,08): *поедает [личинки] 0,02; черного цвета 0,02; серого цвета 0,02, [с хвостом, как] метла 0,02.* Всего 4 семы.

Дифференциальные мужские семы (0,08): *в ряду птиц: ворона 0,02, орел 0,02, воробей 0,02; бывает большая 0,02.* Всего 4 семы.

Всего у данной пары совпадающих значений 18 сем, из них 10 интегральных и 8 дифференциальных сем.

Индекс семного совпадения значений – 0,56; индекс семной дифференциации значений соответственно – 0,44.

Совокупная яркость 10 интегральных сем значений – 1,41, что обеспечивает достаточно высокий уровень близости данных значений. У 8 дифференциальных сем индекс совокупной яркости почти в 9 раз ниже (0,16).

Таким образом, для языкового сознания языкового сознания девочек наиболее важными являются внешние признаки птицы, что для мальчиков не является существенным. Актуальной для мальчиков является архисема – птица, которая поддерживается семами – в ряду других птиц. Для мальчиков также важным является признак – размер. Данное значение более ярко представлено в языковом сознании девочек.

Значение «Глупый человек/Неумный человек»

Оба значения являются актуальными для языкового сознания мальчиков и девочек (СИЯ 0,19 и 0,08 соответственно). Данный уровень различий по шкале уровней яркости оценивается как слабо выраженный (различия на 11 пунктов).

Интегральные семантические компоненты гендерных значений (0,12): *человек 0,05 – 0,02; глупый 0,03 – неумный 0,02*. Всего 4 семы.

Яркие различия у интегральных сем отсутствуют.

Дифференциальные женские семы (0,11): *однокурсники 0,02, куратор 0,02, дядя 0,02; бывает добрый 0,02; то же, что дуб 0,03*. Всего 5 сем.

Дифференциальные мужские семы (0,06): *водитель 0,02; то же, что осел 0,02*. Всего 3 семы.

Всего у данной пары совпадающих значений 12 сем, из них 4 интегральные и 8 дифференциальных сем.

Индекс семного совпадения значений – 0,33; индекс семной дифференциации значений соответственно – 0,67.

Совокупная яркость 4 интегральных сем значений – 0,12, что обеспечивает невысокий уровень близости данных значений. У 8 дифференциальных сем индекс совокупной яркости в 1,4 раз выше (0,17).

Таким образом, для гендерного языкового сознания важным является идентификация глупого человека. У девочек выявлен дополнительный признак *добрый*, а также более развернуто представлен признак – идентификатор.

Значение «Предатель»

Оба значения являются актуальными для языкового сознания для мальчиков и девочек (СИЯ 0,10 и 0,10 соответственно). По яркости значения не различаются, уровень различий – нулевой.

Интегральные семантические компоненты гендерных значений (0,16): *человек 0,05 – 0,02; то же, что стукач 0,05 – 0,04*. Всего 4 семы.

Яркие различия интегральных сем отсутствуют.

Дифференциальные женские семы отсутствуют.

Дифференциальные мужские семы (0,04): *сидит 0,02 в камере 0,02*. Всего 2 семы.

Всего у данной пары совпадающих значений 6 сем, из них 4 интегральных и 2 дифференциальные семы.

Индекс семного совпадения значений – 0,67; индекс семной дифференциации значений соответственно – 0,33.

Совокупная яркость 4 интегральных сем значений – 0,16, что обеспечивает достаточно высокий уровень близости данных значений. У 2 дифференциальных сем индекс совокупной яркости почти в 4 раз ниже (0,04).

Таким образом, в языковом сознании мальчиков данное значение представлено более детально.

Индекс психолингвистической гендерной специфики рассматриваемых лексем – заметный (количество семем совпадает,

эндемичные значения отсутствуют). Оба жаргонные значения актуальны для языкового сознания мальчиков и девочек.

В дальнейшем предполагается сравнение результатов психолингвистического описания семантики наименований птиц в языковом сознании мальчиков и девочек трех возрастных групп с последующим выявлением возрастной и гендерной специфики каждой группы испытуемых: начальные классы (2-4 классы), средние классы (5-6 классы), старшие классы (9-11 классы).

Литература

БТС – Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.

Стернин И.А. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы / И.А. Стернин, А.В. Рудакова. – LAP. LAMBERT Academic Publishing GmbH Co.KG: Saarbrücken, 2011. – 192 с.

УМК «Школа России»; «Окружающий мир» (А.А. Плешаков) // <https://uchebniki-shkola.com/Окружающий%20мир/Учебник%20Окружающий%20мир%203%20класс%20Плешаков%20часть%201/index.html>.

М.Е. Журацкая (Воронеж)

ЛЕКСЕМА ЧЕСТЬ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ И ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Аннотация: На примере материала лексемы *честь* представлены результаты сопоставления юридического, лексикографических и психолингвистических значений слова. В статье проиллюстрированы различия и сходства (частичного сходства) значений слова, закрепленных в различных источниках.

Ключевые слова: значение, понятие, честь, лексикография, психолингвистика, юриспруденция

Annotation. On the example of the material of the honor token, the results of comparing the legal, lexicographic and psycholinguistic meanings of the word are presented. the differences and similarities (partial similarity) of the meanings of the word, fixed in various sources, are illustrated.

Key words: meaning, concept, honor, lexicography, psycholinguistics, jurisprudence

Лексика юридического подъязыка характеризуется наличием понятий, юридически не определяемых. К таковым, например, относится понятие *честь*. В юридических текстах данная лексема выступает как терминологическая единица, элемент юридического подъязыка, она представлена в юридических документах, хотя и не определена содержательно ни в одном из них.

Слово *честь* нашло отражение в ряде нормативно-правовых актах российского законодательства.

- В статье 5.61 КоАП РФ определена ответственность за оскорбление, то есть унижение *чести* и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме.

- Статьей 152 ГК РФ предусмотрена ответственность за распространение сведений, порочащих *честь*, достоинство или деловую репутацию гражданина.

- В соответствии со статьей 128.1 УК РФ предусмотрена ответственность за клевету, которая понимается как распространение заведомо ложных сведений, порочащих *честь* и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию.

- Статьей 43 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» предусмотрено право граждан требовать от редакции средства массовой информации опровержения не соответствующей действительности и порочащей *честь* и достоинство сведений, которые были распространены в данном средстве массовой информации».

- В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 указано на то, что иски по делам о защите *чести* и достоинстве граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц «вправе предъявить граждане и юридические лица, которые считают, что о них распространены не соответствующие действительности порочащие сведения».

Следует отметить, что в нормативно-правовых актах понятие *честь* употребляется исключительно в сочетании с понятием *достоинство*, тем самым образуя устойчивую конструкцию официально-деловой речи, обслуживающую область юриспруденции. Анализ диспозиций статей права показал, что при описании противоправного деяния понятие *честь* в сочетании с понятием *достоинство* как объекты преступного посяательства присуще только человеку. По своему содержанию понятия *честь* и *достоинство* очень близки. Традиционно в юридическом понимании различия данных понятий заключаются лишь в субъективном или объективном подходе в оценке общественно значимых качеств личности. Так, под *честью* в юридическом толковании понимается позитивная общественная оценка личности; под *достоинством* – позитивная оценка собственной личности лицом.

Известно, что семантика слова в традиционных толковых словарях, в реальном языковом сознании носителей языка и в текстах определенного подъязыка (в нашем случае, юридического) может не совпадать.

В ходе исследований определено значение слова *честь* по наиболее авторитетным толковым словарям русского языка. По обобщенным данным толковых словарей (В.И. Даль 2004; Д.Ю. Ушаков 2005; МАС, 1981-1984; С.А. Кузнецов 2006; С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова 2010; Т.Ф. Ефремова 2000) слово *честь* имеет следующие значения в русском языке:

1. Совокупность высших морально-этических принципов личности (честность, порядочность, добросовестность и т.п.) человека, профессиональное, социальное и т.п. достоинство, вызывающее уважение, гордость к самому себе или со стороны окружающих.

2. Условное, светское, житейское благородство, нередко ложное, мнимое.

3. Самое драгоценное, то, что придает кому-чему-н. ценность, достоинство, то, чем или кем гордятся.

4. устар. Целомудрие, непорочность, девственность (о женщинах).

5. Почет, уважение.

6. Выражение безразличия на отказ.

7. *предл.* Специально ради кого-нибудь, в знак уважения, почтения, в память к кому-чему-нибудь.

8. *устар.* В дореволюционной России этикетная формула обращения к лицам высшего сословия.

9. Достойный выход из затруднительного положения, сопровождающийся сохранением своего достоинства.

10. (*устар.*) Почести, почетные звания, чины.

11. Хорошая, незапятнанная репутация, доброе, честное имя.

12. Военное приветствие.

13. (*устар.*) Читать.

14. (*устар.*) Считать, полагать.

Для выявления значений слова *честь*, закрепленных в реальном языковом сознании носителей языка, был проведен психолингвистический эксперимент, в котором приняли участие 200 испытуемых – жителей Курской области в возрасте от 16 до 74 лет (студенты, представители различных профессий, пенсионеры), среди них 61 женщина и 39 мужчин. Психолингвистический эксперимент был проведен в июле 2021 года посредством заполнения анкет испытуемыми. Был использован метод субъективных дефиниций [Вовк 2012, с. 4; Стернин 2011, с. 39]. Респондентам было предложено следующее задание: *Напишите, что для вас обозначает слово «честь». Любой ответ будет правильным. Нам важно ваше мнение. Укажите свой пол, возраст.*

В результате обобщения полученных реакций установлены следующие семантические компоненты понятия *честь* в обыденном понимании:

- **совокупность морально-нравственных принципов личности человека** 71 (совокупность внутренних убеждений о совести, нормах поведения в обществе, достоинстве и т.п. и постоянное придерживание этих норм; моральное качество человека, достойное уважения; наличие высоких моральных качеств и принципов; достойные уважения и гордости моральные качества личности 2; моральные качества человека, его соответствующие принципы; нравственные достоинства человека;

моральные качества человека; соответствие определенным качествам; внутренний нестигаемый стержень и внутренние принципы; положительное моральное качество личности; моральное качество человека; поступки, действия, выполняемые в соответствии с убеждениями, правилами общества, группы людей, нормами; высший показатель человеческого поведения; высокая мораль; качество личности, не допускающей не только низких поступков, но и недоброжелательных помыслов; личные принципы; качество; стержень человека; моральные ценности; моральное качество 2; нравственный стержень человека, человек чести ответственен за свои поступки; достойные уважения и гордости моральные качества человека 3; соблюдение жизненных принципов; моральные качества человека, его принципы; вызывать уважение окружающих своими моральными принципами; совершение поступков относительно своего достоинства и своей совести; духовное достоинство человека; качества личности, достойные уважения; следовать своим принципам; достойные уважения и гордости моральные качества; высокие морально-этические принципы человека; высокие качества, присущие каждому человеку; совокупность высших моральных этических норма и принципов, которыми не при каких обстоятельствах нельзя поступиться; «внутренний стержень»; совокупность нравственных принципов морали; человеческое качество, определяющее этические нормы его поведения; моральные качества человека; комплекс этических норм; свод моральных принципов человека; морально-этическая категория; наличие принципов, вписывающихся в принятые нормы закона и морали; наличие социального фундамента в моральном развитии; высокие моральные качества; личностное свойство; моральные качества человека; уважение самого себя, привержанность своих нравственных принципов и взглядов; принципы человека, его восприятие происходящего вокруг, его нравственные убеждения; совокупность внутренних принципов и взглядов на жизнь и на ее уклад; морально-волевое качество человека, его осознанное намерение отстаивать свое достоинство, независимость взглядов; система взглядов и убеждений, принятая в определенном обществе (сообществе); одно из важнейших качеств человека, которое в наше время очень ценится; совокупность моральных норм и принципов человека; нравственный стержень человека, его приверженность внутренней системе положительных ценностей и принципов, устанавливающих рамки того, что он может себе позволить совершить, не испытывая при этом чувства вины и раскаяния; человеческое кредо, если его нет, то и чести нет; положительное качество человека; совокупность моральных качеств; положительное моральное качество человека; совокупность черт характера; внутренний стержень человека, который определяет и направляет его деятельность; качественные характеристики человека, показывающие его высокий уровень правильного отношения к

социальным ситуациям, а также взвешенных и обдуманных решений, с целью оптимального их разрешения; внутренние волевые качества, которыми обладает человек. Честь помогает осознать себя в том обществе, в котором ты проживаешь. В нем есть общепринятые понятия, которые позволяют нам оценить степень своих поступков; наличие личностных ценностей, которые ориентируют на правильные поступки, поведение; чаще всего данные ценности относятся к общечеловеческим, универсальным; соответствует своим устоям и убеждениям; моральное качество человека, заставляющее его соблюдать моральные нормы; качества человека; уровень развития, который достигает высокой планки; принципы человека, которые определяет каждый для себя сам);

- **достоинство 48** (достоинство 15; достоинство уважение; чувство собственного достоинства; достоинство человека; достоинство; достоинство человека; достоинство человека; неотъемлемая часть, которая связана с <> достоинством человека; моральное, профессиональное достоинство; наличие собственного достоинства; чувство собственного достоинства; внутреннее нравственное достоинство человека; готовность отстаивать свои интересы, мнение; достойное поведение; моральное достоинство 2; духовная составляющая достоинства личности; духовное достоинство человека; общественно-моральные достоинства; то же, что достоинство; достоинство личности; связанная с понятием внутреннего достоинства человека в соответствии с социальными стереотипами; уважение в первую очередь к себе, вера в свои идеалы; не уронить свое достоинство; индивидуальное ощущение своего общественного и социального статуса в совокупности с морально-нравственными установками; достоинство человека; внутреннее достоинство человека; внутреннее достоинство человека; заслуженное человеком достоинство, с помощью которого человек самостоятельно оценивает себя и свои поступки; следование общезначимым внутренним принципам; чувство внутреннего достоинства человека; внутреннее нравственное достоинство человека; соотносится с чувством собственного достоинства; главное достоинство человека; достойное поведение в различных ситуациях);

- **уважение к себе 20** (уважение к самому себе; самоуважение 4; вызывающее уважение к самому себе; проявляет в уважении к себе; уважения к себе; вызывающее уважение к себе; умение нахождения в социуме без оскорбления и унижения как себе; самолюбие; внутреннее правило оценивать себя и свое существование в категориях самоуважения; внутреннее ощущение человека, который считает себя порядочным; вызывающие самоуважение; уважение к самому себе; вызывающее уважение к себе самому; уверенность в правоте своих действий, строгое соблюдение моральных принципов; уважение к самому себе; готовность отстаивать свои интересы; самоуважение и самообладание; достойны уважения);

- **уважение со стороны других людей 20** (окружающие тебя уважают; уважение со стороны окружающих; уважение <> со стороны окружающих; достойное уважения со стороны общества; способность вызывать уважение к себе со стороны других людей; уважение <> со стороны окружающих; вызывать уважение окружающих своими моральными принципами; почет, уважение; признание и почтение; то, что вызывает и поддерживает общее уважение; фундамент <> уважения общества; вызывающие <> общее уважение; такое поведение, которое вызывает чувство уважения у окружающих; подкрепленное общественным признанием и уважением; уважение в обществе; вызывающее уважение <> окружающих к тебе; вызывает, получает положительную оценку у общества; уважение <> со стороны общества; уважение к тебе от близких; ты уважаем в обществе);

- **хорошая, незапятнанная репутация 19** (честное имя; честное имя человека; незапятнанная репутация; хорошая репутация 2, доброе имя (2); незапятнанная репутация 2; честное имя; доброе имя человека, то, что нужно беречь смолоду; то, что нужно беречь с детства, такая поговорка есть; то, что нужно беречь; то, что берегут смолоду; берегут смолоду 2; ее берегут смолода; берегут смолоду; характеризуют его как достойного, с незапятнанной репутацией);

- **порядочность 15** (порядочность 5; чистая совесть 4; порядочный; порядочность человека; порядочное поведение; внутреннее состояние, проявляющееся внешними поступками в виде достойного <> поведения; порядочность в действиях; строгость в нравственном отношении);

- **гордость 15** (гордость 4; иметь гордость; когда ты горд за свои поступки; за что можешь быть гордым; гордость человека; чувство гордости в первую очередь перед самим собой; чувство гордости 3; то, что вызывает и поддерживает <> чувство гордости; внутреннее чувство, когда человек горд своими поступками; достойны <> гордости);

- **уважение других людей 12** (уважение; уважать природу человека; признание человеку ценностей; проявляет в уважении к <> окружающим; уважения к <> окружающим; умение нахождения в социуме без оскорбления и унижения <> остальных; то, что вызывает и поддерживает общее уважение; непредвзятое отношение к чему-кому-либо; уважение <> со стороны посторонних лиц; достойных уважения окружающих; уважение достоинства других людей; уважение достоинств человека);

- **мужество, доблесть, отвага 12** (отношение военных людей в погонах к работе, Родине; внутреннее качество человека к своей родине; верность долгу; морально-политическая стойкость, отвага, патриотизм и т.д.; проявление доблести и славы; определяется <> отвагой и смелостью; доблесть (2), мужество человека; готовность отстаивать свои интересы и интересы государства, даже с угрозой для жизни; смерть во имя чего-то; неотъемлемая часть, которая связана с мужеством);

- **честность 11** (честность 6; честное слово; честность перед собой и другими; внутреннее состояние, проявляющееся внешними поступками в виде <> честного поведения; определяется честностью; честность в первую очередь к себе самому и своей совести; честность по отношению к окружающим);

- **благородство 10** (благородство 7; внутреннее чувство благородство; нравственное внутреннее благородство; благородство души);

- **воспитанность 6** (воспитанность; воспитание; формируются и прививаются в процессе воспитания; фундамент воспитания; взращенное и воспитанное в себе все самые лучшие качества (не отступление от них в любой ситуации); знак качества воспитания);

- **справедливость 6** (справедливость 4, справедливое поведение; стремление поступать по справедливости);

- **ответственность за свои слова, действия 6** (например, сказал и сделал; ответственность за поступки; держать слово; способность держать слово; чувство ответственности на моральном уровне; верность данному слову);

- **целомудрие 6** (целомудрие 3; целомудренность; нечто непорочное, что нужно беречь молодым девушкам; непорочность);

- **добросовестность 3;**

- **достижения 2** (своих заслуг и достижений; характерное описание поступка, действия);

социальный статус 2 (поддержание определенного социального статуса, принятого в данном сообществе; вообще место в обществе, то, что о вас думают окружающие (их оценка ваших поступков));

- **верность 2;**

- **оценивается положительно обществом 1** (положительная оценка человека обществом);

- **доверие 1;**

- **умение анализировать свои личностные качества и поступки 1** (то, как свои действия оцениваете вы);

- **высокообразованный 1;**

- **осуществление своего гражданского или личного долга 1;**

- **бескорыстность 1;**

- **правдивость 1;**

- **слово 1.**

Затем было сформулировано психолингвистическое значение исследуемого слова с указанием индекса яркости каждого семантического признака и совокупного индекса яркости для каждого значения. Ранжирование психолингвистических значений производилось от большого коэффициента совокупности индекса яркости к меньшему.

ЧЕСТЬ

1. Совокупность морально-нравственных принципов личности, вызывающая уважение к самому себе и со стороны окружающих

Совокупность морально-нравственных принципов личности человека 0,71, включающая благородство 0,10, честность 0,11, порядочность 0,15, добросовестность 0,03, доверие 0,01, умение анализировать свои личностные качества и поступки 0,01, ответственность за свои слова, поступки 0,06, справедливость 0,06, бескорыстность 0,01, правдивость 0,01, мужество, доблесть, отвага 0,12, верность 0,02, проявляющаяся в уважении к себе 0,20 и к другим людям 0,12, уважении со стороны других людей 0,20, вызывающая гордость за себя 0,15, является результатом воспитания 0,06, оценки своих и чужих поступков 0,02, характерна для высокообразованных людей 0,01, предполагает исполнение гражданского долга 0,01, положительно оценивается обществом 0,01.

СИЯ 2,03

2. Достоинство чего-либо, кого-либо

Достоинство 0,48, вызывающее уважение к себе 0,20, гордость за себя 0,15, уважение со стороны других людей 0,20, является результатом воспитания 0,06, положительно оценивается обществом 0,01.

СИЯ 1,1

3. Хорошая, незапятнанная репутация

Хорошая, незапятнанная репутация 0,19, вызывающая уважение к себе 0,20, гордость за себя 0,15, уважение со стороны других людей 0,20, является результатом воспитания 0,06, положительно оценивается обществом 0,01; важно при высоком социальном статусе 0,02.

СИЯ 0,83

4. Целомудрие (о женщинах)

Целомудрие 0,06, вызывающее уважение к себе 0,20, гордость к самому себе 0,15, уважение со стороны других людей 0,20, является результатом воспитания 0,06, положительно оценивается обществом 0,01.

СИЯ 0,68

Была выявлена метаязыковая сема – является словом (ИЯ 0,01).

По результатам исследований установлено, что у лексикографических и психолингвистических толкований совпадают следующие значения: совокупность морально-нравственных принципов личности, вызывающая уважение к самому себе и со стороны окружающих; достоинство чего-либо, кого-либо; целомудрие (о женщинах); хорошая, незапятнанная репутация.

Юридическое значение совпадает с лексикографическим и психолингвистическим значением *совокупность морально-нравственных принципов личности, вызывающая уважение к самому себе и со стороны окружающих* в части *совокупность морально-нравственных принципов личности, вызывающая уважение <> со стороны окружающих*.

Таким образом, понятие *честь* в обыденном сознании понимается более широко и, помимо значения *совокупность морально-нравственных принципов личности, вызывающая уважение <> со стороны окружающих*, включает в себя значение *совокупность морально-нравственных принципов личности, вызывающая уважение к самому себе*, соотносимое с понятием *достоинство*, которое в юридической практике, как правило, понимается как внутренняя самооценка собственных качеств, способностей, мировоззрения, своего общественного значения. В связи с этим, становится очевидным, что нечеткость и неопределенность в трактовке основных юридических понятий способствует субъективности и нечеткости их толкования в правоохранительной деятельности.

Литература

Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.

Вовк Е.В. Методика интеграции результатов семантического описания языковых единиц разными методами / Е.В. Вовк, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2012. – 42 с.

Гражданский Кодекс Российской Федерации. Части первая, вторая, третья и четвертая по состоянию на 21 мая 2021 г. – М.: Проспект, 2021. – 752 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – М.: Олма-Пресс, 2004. – 700 с.

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т.Ф. Ефремова. – М.: Русский язык, 2000. – 1222 с.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 №195 – ФЗ (ред. от 01.07.2021).

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: около 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: ООО «А ТЕМП», 2010. – 874 с.

Основные понятия лингвокриминалистической экспертизы: справочное пособие / И.А. Стернин, Л.Г. Антонова, Д.Л. Карпов, М.В. Шаманова; под науч. ред. проф. И.А. Стернина. – Ярославль, 2013. – 80 с.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации юридических лиц».

Словарь русского языка (Малый академический словарь): В 4-х т./ под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык; Полиграфресурсы 1981—1984. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/mas> (дата обращения: 20.07.2021-10.08.2021).

Стернин И.А. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы / И.А. Стернин, А.В. Рудакова. – LAP. LAMBERT Academic Publishing GmbH Co.KG: Saarbrücken, 2011. – 192 с.

Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ: текст с изменениями и дополнениями на 2021 год. – М.: Эксмо-Пресс, 2021. – 112 с.

Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка/ Д.Н. Ушаков; под ред. д-ра филол. наук Татьянченко Н.Ф. – М.: Альта-Пресс, 2005. – 1216 с.

Н.А. Козельская, А.Г. Свиридова (Воронеж)

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ СЕМАНТИКИ ПАРОНИМОВ

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы паронимии слов в языковом сознании старшеклассников. Описываются психолингвистические значения паронимов, делается вывод о маркированных в паронимических парах единицах.

Ключевые слова: пароним, психолингвистическое значение, эксперимент

Abstract: The article discusses the issues of paronymy of words in the linguistic consciousness of high school students. The psycholinguistic meanings of paronyms are described, the conclusion is made about the units marked in paronymic pairs.

Key words: paronym, psycholinguistic meaning, experiment

Предметом данного исследования является экспериментальное изучение семантики паронимов, представленных в словаре ЕГЭ, в связи с тем, что «паронимия» является «самой уязвимой темой в лексических нормах дисциплины «русский язык» [Некрасов 2014, с. 71]. В материалах ЕГЭ термин «паронимы» впервые появился в 2014 году. Несмотря на то, что методисты отмечают достаточно хороший уровень усвоения лексических норм, наиболее низкий процент выполнения приходится на исправление ошибки, связанной с употреблением паронимов [Цыбулько 2021, с. 19].

Мы полагаем, что лексическая норма как неотъемлемая часть языкового сознания человека должна изучаться и в рамках психолингвистического подхода, так как он позволяет «описать содержание языковых знаков и структур в том виде, в каком они реально существуют в сознании носителей языка, а также выявить характер взаимодействия языковых единиц и структур в процессах понимания, хранения и порождения речевых произведений» [Стернин 2005, с. 160]. Выбор говорящим той или иной лексической единицы определяется не только ее системными характеристиками и отношениями, но и ее положением во внутреннем лексиконе человека. Представляется, что психолингвистический анализ позволит прояснить место данного разряда слов во внутреннем лексиконе человека и получить информацию о степени их дифференциации языковым сознанием школьника.

В рамках исследования паронимов как слагаемого лексических норм в школьном курсе русского языка мы провели свободный ассоциативный эксперимент (САЭ), в котором приняло участие 30 человек возрасте 15-17 лет. Целью исследования было выявление места паронимов во внутреннем лексиконе человека, степени их дифференциации языковым сознанием школьника.

Для проведения опроса было отобрано 15 паронимических пар из словаря – минимума ЕГЭ: *абонемент – абонент; адресант – адресат;*

вдох – вздох; выгодность – выгода; гордость – гордыня; гуманизм – гуманность; диктант – диктат; дипломант – дипломат; невежда – невежа; обрывок – отрывок; оклик – отклик; отличие – различие; зачинщик – зачинатель; наличие – наличность; терпеливость – терпимость. Все полученные ассоциации мы представили в виде ассоциативных полей с указанием количества ассоциатов. Затем описали психолингвистическое значение (ПЛЗ) слов, используя методику семантической интерпретации [Стернин 2011], сравнили семантемы исследуемых слов, вычислили индекс яркости каждого психолингвистического значения по методике И.А. Стернина (как отношение числа респондентов, актуализировавших в эксперименте значение, к общему числу участников).

В результате исследования определились три группы паронимических пар по количеству схожих реакций.

1. Минимально различающиеся пары (паронимические пары, имеющие минимальное разграничение в сознании респондентов, что проявляется в совпадении реакций на стимулы): *вдох/вздох, различие/отличие, невежа/невежда, зачинатель/зачинщик* – 4 пары слов, что составляет 26% от общего числа пар. Приведем пример.

НЕВЕЖДА

Ассоциативное поле

НЕВЕЖДА 30: невоспитанность 3, свет 3, грубиян 2, надежда 2, неряха 2, одежда 2, глупость, грубый, дурак, злость, злюка, злючка, невежа, невоспитанный, неграмотный, незнайка, необразованный человек, ответственный, плохой человек, старик, темный человек, хам 1.

Психолингвистическое значение

1. Невоспитанный человек 9 (*невоспитанность 3, грубиян 2, невежа, хам, невоспитанный, грубый 1*). СИЯ 0,30

2. Необразованный 4 (*неграмотный, необразованный человек, незнайка, темный человек 1*), неумный 2 (*дурак, глупость 1*) человек. СИЯ 0,20

3. Человек с отрицательными качествами 4 (*злюка, плохой человек, злючка, темный человек 1*). СИЯ 0,13

4. Неопрятный человек 4 (*одежда 2, неряха 2*). СИЯ 0,13

БТС: Невежда – необразованный, малосведущий человек; неуч. Человек, несведущий в какой-л. области знаний.

НЕВЕЖА

Ассоциативное поле

НЕВЕЖА 30: невоспитанный 5, невежда 4, безграмотный 2, воспитание 2, грубиян 2, плохо 2, глупец, грязнуля, любовь,

невоспитанность, недоросль, необученный, неуч, образование, плохой человек, пожалел, ребенок, человек, чистюля 1.

Психолингвистическое значение

1. Невоспитанный 15 (*невоспитанный 5, грубиян 2, воспитание 2, невоспитанность 1*), человек 2 (*ребенок, человек 1*). СИЯ 0,56

2. Необразованный 10 (*невежда 4, безграмотный 2, образование, неуч, глупец, необученный 1*) человек 2 (*ребенок, человек 1*). СИЯ 0,40

3. Неопрятный 2 (*чистюля, грязнуля 1*) человек 2 (*ребенок, человек 1*). СИЯ 0,13

Все значения несут отрицательную оценку 2 (*плохо, плохой человек 1*).

БТС: Невежа – 1. Грубый, невоспитанный человек. 2. Разг. = Невежда.

Таким образом, у слова *невежда* ПЛЗ «Невоспитанный человек» имеет больший СИЯ (0,30), чем собственное – «Необразованный человек» (СИЯ С0,20). У *невежи* ПЛЗ соответствует словарному.

Можно сделать вывод о том, что паронимическая пара *невежда/невежа* недостаточно разграничена в сознании респондентов, а маркированным членом в ней является слово *невежа*.

II. Частично различающиеся пары (паронимические пары, частично разграниченные в сознании участников эксперимента, имеющие зоны пересечения): *адресат/адресант, выгода/выгодность, дипломат/дипломант, терпимость/терпеливость, отрывок/обрывок* – 5 пар слов, что составляет 33% от общего числа пар. Разберем пример.

ДИПЛОМАНТ

Ассоциативное поле

ДИПЛОМАНТ 30: дипломат 3, выбор 2, диплом 2, директор 2, официальное лицо 2, победитель 2, политик 2, участник 2, участник конкурса, соревнований 2, важный человек, выборы, выпускник, институт, конкурс, конкурсант, ловкость, награда за успехи, профессия, профессор, специалист 1.

Психолингвистическое значение

1. Должностное лицо 7 (*официальное лицо 2, директор 2, специалист, профессор, важный человек 1*), обычно занимающийся политической деятельностью 6 (*дипломат 3, политик 2, профессия 1*). СИЯ 0,43

2. Победитель/участник конкурса 12 (*участник 2, победитель 2, участник конкурса, соревнований 2, выбор 2, выборы, конкурсант, конкурс, награда за успехи 1*), получивший диплом (*диплом 1*). СИЯ 0,43

3. Выпускник вуза 3 (*выпускник, диплом, институт 1*). СИЯ 0,10

БТС: Дипломант 1. = Дипломник. 2. Лицо, удостоенное диплома.

ДИПЛОМАТ

Ассоциативное поле

Дипломат 30: диплом 3, дипломант 3, политик 3, ученый 3, министерство 2, портфель 2, сумка 2, госслужба, колледж, образованность, отношения, офис, политика, понимание, посольство, устал, хамелеон, человек, чемодан, языки 1.

Психолингвистическое значение

1. Должностное лицо 7 (*ученый 3, политик 3, человек 1*) на государственной службе 5 (*министерство 2, госслужба, посольство, офис 1*), занимается политикой 1 (*политика 1*), знает иностранные языки 1 (*языки 1*). СИЯ 0,47

2. Портфель-дипломат 5 (*сумка 2, портфель 2, чемодан 1*). СИЯ 0,17

3. Человек 1 (*человек 1*), имеющий диплом 3 (*диплом 3*) учебного заведения 1 (*колледж 1*). СИЯ 0,17

4. Человек, действующий умело в отношениях с другими людьми 4 (*понимание, отношение, хамелеон, человек 1*). СИЯ 0,13

БТС: Дипломат – 1. Должностное лицо министерства, ведомства иностранных дел, работающее в качестве представителя какого-л. государства в другой стране. 2. Разг. О человеке, отличающемся строгим изяществом манер, учтивостью и особой осторожностью в общении с людьми. 3. Разг. Плоский чемоданчик для ношения бумаг, тетрадей, книг; кейс.

В психолингвистическом значении слова *дипломант* значение, соответствующее второму словарному, и значение, соответствующее семантике слова *дипломат* имеют равный индекс яркости. У психолингвистического значения слова *дипломат* наибольший индекс яркости у значения, соответствующего словарному, и очень невысокий индекс у значения, отсылающего к парониму. Таким образом, можно сделать вывод, что паронимическая пара *дипломат/дипломант* частично разграничена в сознании респондентов, а маркированным членом в ней является слово *дипломат*.

III. Различающиеся пары (паронимические пары, т.е. четко разграниченные в сознании респондентов): *абонемент/абонент, гордость/гордыня, гуманизм/гуманность, диктат/диктант, наличие/наличность, отклик/оклик* – 6 пар слов, что составляет 40% от общего числа.

ОКЛИК

Ассоциативное поле

ОКЛИК 30: зов 4, позвать 4, голос 3, крик 3, возглас 2, обращение 2, ослик 2, отзыв 2, позвать кого-то 2, действие по голосу, звать, звук, остановка, отглас, отклик 1.

Психолингвистическое значение

1. Возглас 15 (*зов 4, голос 3, крик 3, возглас 2, звук, отглас, действие по голосу 1*), чтобы позвать 10 (*позвать 4, обращение 2, позвать кого-то 2, звать, остановка 1*). СИЯ 0,83

2. Отзыв 3 (*отзыв 2, отклик 1*). СИЯ 0,10

Фонетическая реакция – *ослик 2*.

БТС: Оклик – Возглас, слова, которыми окликают.

ОТКЛИК

Ассоциативное поле

ОТКЛИК 30: ответ 6, добро 2, оклик 2, отдача 2, помощь 2, вакансия, вопрос, в пустоту, голос, души, комментарий, крик, на беду, объявление, отзыв, отзывчивость, приветствие, спрос, телефон, чувства, эхо 1.

Психолингвистическое значение

1. Ответ 7 (*ответ 6, отзыв 1*) на что-либо 9 (*приветствие 2, вопрос, вакансия, комментарий, объявление, отзыв, спрос, телефон 1*). СИЯ 0,53

2. Проявление положительных чувств 7 (*добро 2, помощь 2, чувства, души, отзывчивость 1*) в ответ 8 (*ответ 6, отдача 2*) на что-то 1 (*на беду 1*). СИЯ 0,53

3. Возглас 6 (*оклик 2, голос, крик, в пустоту, эхо 1*). СИЯ 0,20

БТС: Отклик. 1. Ответ на зов, обращение. 2. Действие, душевное состояние как ответ, отзыв на что-л. 3. чего. Отражение чего-л.; след, пережиток. 4. обычно мн.: отклики, -ов. Статья, отзыв, письменное выражение того или иного отношения к чему-л.

Психолингвистические значения данных слов в значительной мере соответствуют словарным дефинициям и обладают высоким индексом яркости. Можно сделать вывод о том, что паронимическая пара *отклик/оклик* разграничена в сознании респондентов, так как большинство ответов соответствует словарным определениям данных понятий.

По результатам эксперимента в каждой паре были установлены маркированные члены оппозиции, т.е. те слова, которые лучше известны респондентам. Маркированными являются следующие слова: *абонент, адресат, вдох, выгода, диктант, дипломат, зачинщик, наличие, невежа, отрывок, различие, терпеливость*. Выявление таких слов может помочь оптимизировать работу над усвоением семантики паронимов.

Литература

Большой толковый словарь русского языка / [под ред. С.А. Кузнецова]. – СПб.: «Норинт», 2006.

Некрасов А.Ю. Дифференцирующие признаки паронимии: аспекты, критерии, компоненты / А. Ю. Некрасов // Проблемы соц.-экон. развития Сибири. – 2014. – № 3 (17). – С. 71-75.

Стернин И.А. Язык и национальное сознание / И.А. Стернин // Логос. – 2005. – №4. – С. 140-155.

Стернин И.А. Психолингвистическое значение и его описание: теоретические проблемы: монография / И.А. Стернин, А.В. Рудакова. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 192 с.

Цыбулько И.П. Методические рекомендации для учителей, подготовленные на основе анализа типичных ошибок участников ЕГЭ 2021 года по русскому языку / И.П. Цыбулько, О.М. Крайник, Т.В. Соловьева. – Москва, 2021.

Е.И. Колесникова (Воронеж)

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ГЕНДЕРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ СЕМАНТИКИ СЛОВА

Аннотация: В статье рассматриваются формы проявления гендерной специфики семантики слов. Приводятся результаты семантической интерпретации психолингвистического эксперимента, примеры семантических различий исследованных лексем.

Ключевые слова: психолингвистика, семантика, семантическая дифференциация, гендер

Abstract: The article deals with the forms of manifestation of the gender specificity of the semantics of words. The results of the semantic interpretation of the psycholinguistic experiment, examples of semantic differences of the studied lexemes are given.

Key words: psycholinguistics, semantics, gender, semantic differentiation

Нами было проведено исследование, цель которого – выявление и описание мужской и женской специфики семантики слова. Материалом исследования послужили результаты свободного ассоциативного эксперимента. Было опрошено 200 человек, из них 100 мужского пола (в возрасте от 18 до 65 лет) и 100 женского (в возрасте от 18 до 74 лет). Методика исследования изложена в статьях Е.И. Колесниковой [Колесникова 2021а, с. 141; 2021б]. Методика описания значения слова-стимула представлена в статье А.В. Рудаковой [Рудакова 2014, с. 37].

Описание психолингвистических значений слов в сознании женщин и мужчин позволяет говорить о следующих основных формах проявления гендерной специфики семантики слова:

1. Наличие значений, совпадающих в мужском и женском языковом сознании, но заметно различающихся по яркости.
2. Наличие эндемичных мужских и женских значений (выявляющихся только в мужском или только в женском языковом сознании).
3. Наличие сем, совпадающих в мужском и женском сознании, но заметно различающихся по яркости.
4. Наличие эндемичных мужских и женских семантических компонентов.

Выводы о наиболее ярких гендерных семантических различиях лексем *бабушка, быт, верность, дети, женщина, измена, любовь, мужчина, отношения, ревность* таковы.

1. Значения, совпадающие в мужском и женском языковом сознании, но заметно различающиеся по яркости (на 5 пунктов и более):

БАБУШКА

1. Старая мать отца или матери, с ней уютно, ее любят / Старая мать отца или матери, которая готовит еду (1,00 Ж. – 0,93 М.).

2. Старая женщина, которая ходит в платке / Старая женщина, которая ходит в платке, ее уважают (0,28 Ж. – 0,40 М.).

БЫТ

1. Повседневная жизнь в доме, которая надоедает / Повседневная жизнь в доме, которая надоедает (0,41 Ж. – 0,85 М.).

2. Приготовление еды, уборка, создание уюта / Создание уюта, уборка, из-за которых возникают проблемы (0,45 Ж. – 0,13 М.).

3. Жизненный уклад / Обычаи (0,12 Ж. – 0,01 М.).

ВЕРНОСТЬ

Редко встречающееся постоянство, поддержка в любви, дружбе, например, к другу; символ – собака / Постоянство в дружбе, любви, например, к жене, другу; символ – собака (0,85 Ж. – 0,66 М.).

ДЕТИ

Уже взрослые члены семьи, которые продолжают род, приносят счастье и радость / Маленький сын, продолжатель рода, член семьи, приносящий радость (0,55 Ж. – 0,82 М.).

ЖЕНЩИНА

Лицо, например, мать, хранит очаг, хозяйственная / Послушный, любящий, хозяйственный человек, например, жена, противоположна мужчине (0,31 Ж. – 0,62 М.).

ИЗМЕНА

Предательство мужчины, которое нельзя простить / Предательство, подлый поступок женщины, который означает конец отношений (0,97 Ж. – 0,91 М.).

ЛЮБОВЬ

1. Чувство влечения к мужу, непредсказуемое, вечное, взаимное / Чувство привязанности к девушке, вечное, случается однажды (0,72 Ж. – 0,65 М.).

2. Любимый человек / Любимый человек (0,10 Ж. – 0,03 М.).

МУЖЧИНА

1. Противоположный по полу женщине, сильный и надежный человек, добытчик и защитник, например, муж / Человек,

противоположный по полу женщине, главный в семье, например, отец (0,78 Ж. – 0,54 М.).

2. Взрослый человек мужского пола в отличие от мальчика / Взрослый человек, противоположный по полу женщине в отличие от ребенка (0,11 Ж. – 0,27 М.).

ОТНОШЕНИЯ

Любовь длительная, крепкая, с поддержкой / Любовь с девушкой, которая возникает не сразу, предполагает взаимопонимание (0,74 Ж. – 0,69 М.).

РЕВНОСТЬ

1. Необоснованное чувство подозрения в измене с другой женщиной / Чувство подозрения в измене от неуверенности в себе (0,95 Ж. – 0,69 М.).

2. Зависть к другим от неуверенности в себе / Зависть от неуверенности (0,18 Ж. – 0,10 М.).

II. Эндемичные мужские и женские значения (выявляющиеся только в мужском или только в женском языковом сознании):

ВЕРНОСТЬ – в мужском сознании выявляются эндемичные значения: 1. *Стойкость девушки в любви.* 2. *Правильность.*

ДЕТИ – в женском языковом сознании выявляется эндемичное значение – *Уже взрослые члены семьи, которые продолжают род, приносят счастье и радость.*

ЖЕНЩИНА – в женском языковом сознании выявляется эндемичное значение – *Лицо женского пола легкого поведения.*

ИЗМЕНА – в мужском языковом сознании выявляется эндемичное значение – *Предательство Родины, подлый поступок.*

ЛЮБОВЬ

В женском сознании выявляется эндемичное значение – *Чувство стремления к детям, высоко одобрительное.*

В мужском сознании выявляются эндемичные значения: 1. *Чувство привязанности, например, к машине.* 2. *Половой акт.* 3. *Имя.*

МУЖЧИНА – в женском языковом сознании выявляются эндемичные значения: 1. *Противоположный по полу женщине человек, носитель идеальных качеств.* 2. *Любимый человек, противоположный по полу женщине, с которым состоят в отношениях.*

III. Семь, совпадающие в мужском и женском сознании, но заметно различающиеся по яркости (на 5 пунктов и более):

БАБУШКА – ее любят 0,15 (Ж.) – 0,02 (М.), старая 0,13 (Ж.) – 0,19 (М.);

БЫТ – надоедает 0,25 (Ж.) – 0,19 (М.), предполагает уборку 0,17 (Ж.) – 0,03 (М.);

ВЕРНОСТЬ – символ – собака 0,20 (Ж.) – 0,25 (М.);

ДЕТИ – приносят радость 0,07 (Ж.) – 0,14 (М.);

ЖЕНЩИНА – мать 0,12 (Ж.) – 0,03 (М.);

ИЗМЕНА – предательство 0,20 (Ж.) – 0,05 (М.), нельзя простить 0,07 (Ж.) – 0,02 (М.), означает конец отношений 0,03 (Ж.) – 0,10 (М.);

ЛЮБОВЬ – чувство 0,10 (Ж.) – 0,04 (М.);

МУЖЧИНА – отец 0,02 (Ж.) – 0,17 (М.), главный 0,01 (Ж.) – 0,15 (М.), защитник 0,08 (Ж.) – 0,03 (М.);

ОТНОШЕНИЯ – любовь 0,06 (Ж.) – 0,16 (М.), крепкие 0,07 (Ж.) – 0,02 (М.);

РЕВНОСТЬ – необоснованное чувство 0,12 (Ж.) – 0,03 (М.).

IV. Эндемичные мужские и женские семы

БАБУШКА

Наиболее яркими дифференциальными семами в женском языковом сознании являются семы: *с ней уютно 0,18, добрая 0,11, родная 0,10*.

Наиболее яркие дифференциальные семы в мужском языковом сознании: *член семьи 0,08, мудрая 0,06*.

БЫТ

Наиболее яркими дифференциальными семами в женском языковом сознании являются семы: *предполагает приготовление еды 0,18, жизненный уклад 0,09*.

Наиболее яркие дифференциальные семы в мужском языковом сознании: *повседневная жизнь 0,07, обыденность 0,07*.

ВЕРНОСТЬ

Наиболее яркими дифференциальными семами в женском языковом сознании являются семы: *поддержка 0,11, редко встречается 0,07, ценна 0,07*.

ДЕТИ

Наиболее яркими дифференциальными семами в женском языковом сознании являются семы: *смеются 0,08, шумят 0,05, противоположно – взрослые 0,06*.

Наиболее яркие дифференциальные семы в мужском языковом сознании: *сын 0,16, приносят любовь 0,06*.

ЖЕНЩИНА

Наиболее яркими дифференциальными семами в женском языковом сознании являются семы: *красивая 0,18, сексуальная 0,07, хранит очаг 0,06*.

Наиболее яркие дифференциальные семы в мужском языковом сознании: *похожа на кошку 0,15, противоположна мужчине 0,10, жена 0,07, стерва 0,07, послушная 0,06, любящая 0,05, подруга 0,05*.

ИЗМЕНА

Наиболее яркими дифференциальными семами в женском языковом сознании являются семы: *вызывает ненависть 0,05, причиняет боль 0,05, ее надо прощать 0,05*.

Наиболее яркие дифференциальные семы в мужском языковом сознании: *происходит по любви 0,07, противоположно: верность 0,06, подлый поступок 0,06, обман 0,05, противна 0,05, вызывает раскаяние 0,05.*

ЛЮБОВЬ

Наиболее яркими дифференциальными семами в женском языковом сознании являются семы: *(чувство) к детям 0,15, к мужу 0,06, банальное 0,05, то же, что роман 0,06.*

Наиболее яркая дифференциальная сема в мужском языковом сознании: *оценивается неодобрительно 0,08.*

МУЖЧИНА

Наиболее яркими дифференциальными семами в женском языковом сознании являются семы: *сильный 0,15, надежный 0,09, добытчик 0,06, умный 0,06, любимый 0,05.*

Наиболее яркие дифференциальные семы в мужском языковом сознании: *человек 0,13, уверенный 0,07, ответственный 0,05.*

ОТНОШЕНИЯ

Наиболее яркими дифференциальными семами в женском языковом сознании являются семы: *длительные 0,09, предполагают свидания 0,05, создание семьи 0,07.*

Наиболее яркие дифференциальные семы в мужском языковом сознании: *возникают не сразу 0,07, взаимопонимание 0,07 в паре 0,05, с девушкой 0,05, служебные (связи) 0,05.*

РЕВНОСТЬ

Наиболее яркими дифференциальными семами в женском языковом сознании являются семы: *недоверие 0,13, из-за измены с другой женщиной 0,07, оценивается отрицательно 0,07.*

Наиболее яркие дифференциальные семы в мужском языковом сознании: *(недоверие) к любимой 0,06, из-за любви 0,05, из-за расстояния 0,05, возникает от страсти 0,06.*

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что лексические единицы *бабушка, быт, верность, дети, женщина, измена, любовь, мужчина, отношения, ревность* русского языка являются гендерно маркированными.

Литература

Колесникова Е.И. Проблема описания гендерной специфики семантики слова / Е.И. Колесникова // Вопросы психолингвистики. – 2021а. – №1 (47). – С.140-147.

Колесникова Е.И. Слово «деньги» в современном русском мужском и женском языковом сознании / Е.И. Колесникова // Психолингвистика и лексикография: сборник научных трудов / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО Издательство РИТМ, 2021б. – Вып. 8. – С. 47-52.

Рудакова А.В. Проблемы описания психолингвистического значения слова / А.В. Рудакова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2014. – № 3. – С. 36-42.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ КОГНИТИВНОГО И РЕЧЕВОГО ДЕФИЦИТОВ ПРИ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ НЕГРАМОТНОСТИ

Аннотация: Статья привлекает внимание к проблеме развития когнитивного и речевого дефицитов при функциональной неграмотности. Рассматривается роль метакогнитивной и метаязыковой деятельности в процессе формирования языковой способности в онтогенезе, в частности, способности понимания текста ребенком дошкольного возраста. Устанавливается связь между социальными факторами, в которых формируется речевая способность дошкольника, метаязыковой способностью и последующим уровнем его функциональной грамотности.

Ключевые слова: онтогенез; метакогнитивная деятельность; метаязык; функциональная неграмотность

Abstract: The article draws attention to the problem of cognitive and speech deficits in functional illiteracy. The role of metacognitive and metalanguage activity in the process of formation of language ability in ontogenesis, in particular, the ability to understand text by a preschool child, is considered. A connection is established between the social factors in which the speech ability of a preschooler is formed, the metalanguage ability and the subsequent level of their functional literacy.

Key words: ontogenesis; metacognitive activity; metalanguage; functional illiteracy

В академических кругах уже признана идея о том, что функциональная неграмотность (ФНг) формируется как результат когнитивных и лингвистических расстройств и часто обусловлена социальным неблагополучием [Еме 2011]. Современные исследования проблемы ФНг анализируют разные стороны вопроса: состояние проблемы, вопросы номинации и терминологии, узкий и широкий подход к вопросу, системы международного тестирования и оценки разных видов грамотности, причины возникновения и прогрессирования ФНг, варианты развития, реагирования и коррекции. При этом в научной литературе наблюдается непоследовательность в определении и оценке функционально неграмотных. Мы не будем касаться подробно сути различий, но обозначим то, в чем большинство исследователей единогласны – ФНг предполагает наличие когнитивных дефицитов. Во многих работах акцент делается на три взаимосвязанных дефицита – 1) дефицит, связанный с речевой деятельностью; 2) общий когнитивный дефицит и 3) дефицит, связанный с математическими способностями.

В связи с данными дефицитами необходимо упомянуть о работах отечественных психолингвистов, освещающих текущее состояние проблем продуцирования и понимания речи, вопросы метаязыковой и метакогнитивной деятельности и резко ухудшающееся речевое здоровье молодого поколения, обзоры по существующим проблемам представлены в более ранних публикациях автора.

В зарубежных источниках также освещается эта проблема. Отмечается, что для функционально неграмотных характерен дефицит фонологической обработки, больше напоминающий речь при дислексии, чем речь детей младшего школьного возраста. При одинаковых показателях чтения взрослые справляются с фонологическими заданиями на порядок хуже, чем дети. У них отмечены также сложности с орфографией; небогатый словарный запас; замедленный темп наименования предметов. В целом они показывают более слабые результаты в фонологии, чем в морфосинтаксисе и семантике, причем их низкая успеваемость в решении устных языковых задач коррелирует со сложностями в письменных видах деятельности. При этом все исследователи отмечают неоднородность исследуемой группы функционально неграмотных – отмечаются проблемы испытуемых с пониманием текста. Делается вывод о том, что дефицит речевой способности функционально неграмотных индивидов носит комплексный гетерогенный характер и включает девиантную фонологическую, лексическую, орфографическую обработку речи, трудности с чтением и с пониманием прочитанного, нарушенную беглость речи [Greenberg et al. 1997; Thompkins, Binder 2003; Grosche 2012]. Необходимо подчеркнуть, что дефициты проявляются по-разному, природа их возникновения и корреляции друг с другом часто неясна, как и степень подверженности более общим когнитивным факторам. Что касается когнитивного дефицита, то в упомянутых ранее исследованиях отмечается общее снижение когнитивных функций у функционально неграмотных и сниженные показатели выполнения тестов на внимание и запоминание. Вопрос «Можно ли считать ФНг когнитивным расстройством или даже задержкой когнитивного развития?» всё еще открыт, на сегодняшний день исследования нейрофизиологической деятельности мозга малочисленны, но интерес к данной теме неуклонно растет.

Не вызывает сомнений, что когнитивному и речевому развитию ребенка должно уделяться соответствующее внимание уже на самых ранних этапах онтогенеза. Диагностика ФНг должна включать комплексную систему оценки речевого развития на разных этапах и в разных возрастных категориях. Корректные сценарии речевого развития предполагают изначально правильное построение коммуникации между ребенком и взрослым, в ходе которого и задается высокая планка употребления языка. Сюда входит и произносительная сторона речи, и понимание звучащей речи, и богатая лексическая наполненность на фоне выстроенной внутренней грамматики. Не вызывает сомнения, что система диагностики ФНг должна предполагать комплексную оценку уровня развития речи ребенка с учетом вариативности развития детей. Е.С.Ощепкова предлагает своеобразную классификацию методик, используемых для оценки разных аспектов речи: фонетики, морфологии и

синтаксиса, лексики и семантики, построения устных высказываний. Она анализирует проблемы, возникающие при применении методик и при обработке полученных данных. В качестве широко применяемых методов привлекаются тесты: тест Векслера, батарея Вудкок-Джонсон, шкалы детского развития Бейли, батарея оценки речи детей 4–12 лет, картиночный тест Пибоди и другие [Ощепкова 2020]. Отмечается, что описываемые системы диагностики могут применяться как при общепсихологической оценке когнитивных функций (в составе нейропсихологических батарей), так и при обследовании речи.

Психолингвистический взгляд на проблему ФНг предполагает анализ причин и факторов, выявляющих причины возникновения данного феномена. В этой связи необходимо рассмотреть вопрос формирования метаязыковой способности в онтогенезе.

Согласно современным исследованиям, причины ФНг следует искать в дошкольном детстве, в периоде наиболее активного развития высших психических функций ребенка, к которым относятся интересующие нас мышление и речь [Кружилина 2012; Мягкова 2016]. Присущий отечественной психолингвистике второй половины прошлого века новый взгляд на языковые явления, предполагающий признание значимости коммуникативного компонента языка и роли взрослого в процессе постижения языка ребенком, обнажил узость генеративного и формально-лингвистического направлений в изучении вопросов онтогенеза речи. Особенностью нового подхода к изучению сферы детской речи стала тенденция объяснять данный феномен, а не только описывать и констатировать отдельные факты. Следующим достижением можно считать фокус на экстралингвистическую информацию в широком смысле – в контексте развития речевой способности это фокус на условия, в которых эта способность формируется и развивается.

Еще Л.С. Выготский в свое время обосновал важность и целесообразность исследования факторов среды, в которой развивается индивид, в частности, ребенок. Согласно его теории, чтобы объяснить сложные формы сознательной жизни индивида, требуется выйти за пределы живого организма и искать движущие силы деятельности и категориального поведения отнюдь не в глубинах духа и мозга, а во внешних условиях среды, в условиях общественной жизни и во всех социально-исторических формах бытия человека. Л.С. Выготский констатировал, что при формировании ВПФ биологическая природа человека в купе с социальными факторами детерминируют протекание внутренних психических процессов, и равновесие всей системы онтогенеза может быть нарушено из-за неблагоприятного воздействия факторов среды и условий социальной жизни, что, безусловно, сказывается на психических процессах, в частности, на речевой способности ребенка – на процессах продуцирования и понимания речи.

Специфика детской речи очень хорошо согласуется с психологической теорией деятельности, и деятельностный подход, принятый в отечественной психолингвистике для изучения речевых явлений, как нельзя лучше объяснил связь практической и познавательной деятельности, которой занимается ребенок, с развитием его ВПФ, в частности, речевой способности.

То, как ребенок проводит свое детство, какими видами деятельности наполнены часы его бодрствования, каков объем активной деятельности по освоению окружающего предметного мира по сравнению с пассивной созерцательной деятельностью в процессе просмотра телевизора и «общения» с гаджетами, является определяющим фактором для формирования либо ФГ, либо ФНг.

Как отмечает В.П. Чудинова, ФНг – феномен сложный и многогранный, она «в чем-то сходна с айсбергом: видимая, но меньшая часть – снаружи, большая, но скрытая – внутри» [Чудинова 1994, с. 99]. Другими словами, к развитию этой болезни ведет целый комплекс нарушений когнитивного развития ребенка, обусловленный некорректными видами ведущей деятельности в дошкольном детстве и недостаточным объемом глубокого осмысленного чтения в школьный период (что, в свою очередь, объясняет нарушения в развитии метаязыковой способности). Причем эти два аспекта взаимосвязаны и взаимообусловлены. Невозможно развить навык глубокого осмысленного чтения, если механизмы понимания текста не были сформированы в дошкольном детстве, когда ребенок проходит сложный путь от знакомства с единичными предметами окружающего мира, осваивая способность присвоения предметного значения, до виртуозного владения способностью категоризации и обобщения, открывающей «дверь» из мира наглядно-чувственного в мир отвлеченно-рациональный.

Способность ребенка выходить за пределы непосредственного опыта и есть, согласно концепциям отечественной психологической школы, фундаментальная особенность человеческого сознания. Согласно этой теории, основой мыслительного акта являются процессы анализа и обобщения, зависящие от смыслового наполнения слова, которое есть основа понятия, формируемого в раннем периоде дошкольного детства.

Переход от наглядно-чувственного к отвлеченно-рациональному происходит благодаря изначальной вплетенности слова в ситуацию, мимику, жесты, интонационные характеристики и последующее соотнесение его с практическим действием, когда значение слова еще расширенно и диффузно и часто привязано к конкретному признаку предмета. Значение эмансипирует и может терять свою предметную отнесенность благодаря фокусу на новые признаки. В ходе онтогенеза слово приобретает более четкую предметную отнесенность, никогда не прекращая эволюционировать. В более ранних публикациях нами был

сделан ряд выводов относительно взаимосвязи формирования речевой способности в онтогенезе и экстралингвистических факторов, или факторов социального окружения ребенка (см., например, [Кружилина 2012]). Экспериментальным путем были выявлены некоторые ключевые аспекты, влияющие на формирование способности понимания текста ребенком и опосредующие становление метакогнитивной и метаязыковой деятельности в онтогенезе, наиболее важные среди которых – роль доминирующей деятельности и объем общения с гаджетами.

Пассивное созерцание стало в большинстве своем ведущей деятельностью, заменив предметную игровую и коммуникативную деятельность. О результатах этой подмены можно прочесть в многочисленных современных исследованиях [Мягкова 2016; Пищальникова 2021].

Так, В.А. Пищальникова в статье, посвященной трансформации знака в эпоху функциональной неграмотности, отмечает, что в современных условиях развитие всех психических процессов у детей претерпевает как качественные, так и количественные изменения. Происходят необратимые деформации в механизмах внимания, порождая синдром гиперактивности с дефицитом внимания, бич современного молодого поколения [Пищальникова 2021]. Интенсивная цифровая стимуляция в течение нескольких часов с максимальной фокусировкой на том, что интересно (а в компьютерной и ТВ среде, как правило, очень интересно и комфортно), вызывает обратный процесс рассредоточения внимания во всех остальных сферах, часто имеющих непосредственную важность для эффективного функционирования и развития индивида, таких как образование, деятельность, сопряженная с саморегуляцией, самоконтролем и самодисциплиной. Структуры, отвечающие за волевые качества, также оказываются вовлеченными в этот деструктивный процесс. Изменяются мышление и память. Так, автором упоминается феномен транзактивной памяти, характеризующийся изменением механизмов памяти – она начинает функционировать по-другому: запоминается не содержание информации, а способ нахождения этой информации. Запоминание происходит по принципу каталогизации. При этом доступ к информации воспринимается как понимание оной. Это ведет к искажению способности продуктивного запоминания и к ущербу при применении информации в необходимых ситуациях: «... возникает иллюзия владения информацией, а в реальных жизненных условиях проявляется неспособность людей использовать не осмысленные, не присвоенные, хотя и доступные знания» [Пищальникова 2021, с. 38].

Процессы запоминания и извлечения из памяти информации неразрывно связаны с процессами обработки извлеченных данных и использовании их в мыслительных операциях и метакогнитивной деятельности, где метакогнитии следует понимать как комплекс

представлений индивида о своей способности мыслить. В современной когнитивной науке метакогниция рассматривается как комплексный феномен, состоящий из умения познавать и умения управлять познанием. То есть метакогниция – это одна из существенных структур, определяющих функционирование когнитивной системы. Исследования в этой области доказывают, что уже по достижении трехлетнего возраста у детей наблюдаются формы метакогнитивного мышления, которые развиваются по мере развития когнитивных способностей и речи. Индивидуальные сценарии развития, безусловно, различаются, но первые явные достижения фиксируются к шестилетнему возрасту. В процессе обучения при когнитивных функциях в норме метакогниция успешно развивается и определяет продуктивность многих видов деятельности, и наоборот. Так, трудности с чтением часто вызваны не собственно когнитивными дефектами, а неспособностью ребенка адекватно оценить и использовать свои ресурсы, другими словами, метакогницией.

Процессы мышления неотделимы от процессов речепорождения и понимания. Сфера интереса психолингвистики располагается именно на стыке изучения мышления как рефлексии по поводу языковых и неязыковых явлений и средств вербального описания данного процесса. Метаязыковая деятельность является важной показательной характеристикой продуктивности когнитивных процессов и рассматривается как необходимое условие пользования языком. Метаязык, применяемый в речемыслительной деятельности, есть механизм становления и функционирования «живого» человеческого языка. Именно поэтому так велика его роль в процессе становления языковой способности в онтогенезе, когда анализ явлений языка и речи носит творческий характер и является драйвером развития всех психических функций ребенка. Таким образом, изучение когнитивного и речевого дефицитов, которые диагностируются при ФНг, должно осуществляться комплексно, оно подразумевает междисциплинарное исследование не только процессов порождения и понимания речи, но и анализ сценария формирования ВПФ, равно как и анализ экстралингвистических социальных факторов.

Литература

- Кружилина Т.В.* Факторы, определяющие особенности речевого развития у детей / Т.В. Кружилина // Известия Юго-западного государственного университета. – 2012а. – № 4–1 (43). – С. 216–219.
- Мягкова Е.Ю.* Проблемы обучения чтению и пониманию текста в свете проблемы функциональной неграмотности / Е.Ю. Мягкова // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. – 2016. – № 36. – С. 58–63.
- Ощепкова Е.С.* Оценка развития речи у детей: обзор зарубежных методик / Е.С. Ощепкова // Вопросы психолингвистики. – 2020. – №2 (44). – С. 110–123.
- Пищальникова В.А.* Функциональная неграмотность как следствие утраты доминирующей функции языкового знака в цифровом информационном пространстве

В.А. Пищальникова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2021. – № 2. – С. 36–45.

Чудинова В.П. Функциональная неграмотность – проблема развитых стран / В.П. Чудинова // Социологические исследования. – 1994. – №3. – С. 98–102.

Eme E. Cognitive and psycholinguistic skills of adults who are functionally illiterate: current state of research and implications for adult education. Appl. Cogn. Psychol. – 2011, 25, – Pp. 753–762. – doi: 10.1002/acp.1746

Greenberg D., Ehri L. C., Perin D. Are word-reading processes the same or different in adult literacy students and third-fifth graders matched for reading level? J. Educ. Psychol. – 1997, 89, – Pp. 262–275. – doi: 10.1037/0022-0663.89.2.262

Grosche M. Analphabetismus und Lese-Rechtschreib-Schwächen. – Münster: Waxmann. 2012.

Thompkins A.C., Binder K.S. A comparison of the factors affecting reading performance of functional illiterate adults and children matched by reading level. Read. – Res. 2003. – Q. 38, Pp. 236–258. – doi: 10.1598/RRQ.38.2.4

А.В. Литвинова (Воронеж)

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВ ЛСГ «ОБРАЗОВАНИЕ»

Аннотация: Статья посвящена выявлению гендерной специфики психолингвистического значения слов «профессор» и «лекция».

Ключевые слова: семантика, эксперимент, гендер

Abstract: The article is devoted to the identification of gender specificity of the psycholinguistic meaning of the words "professor" and "lecture".

Key words: semantics, experiment, gender

Целью данного исследования является сопоставительный анализ психолингвистических значений единиц ЛСГ «Образование» в языковом сознании мужчин и женщин.

Материалом исследования являются мужские и женские ассоциативные поля слов ЛСГ «Образование» ПРОФЕССОР и ЛЕКЦИЯ, представленные в Русском ассоциативном словаре [РАС 2002].

Психолингвистическое значение слова – это упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка. Это тот объем семантических компонентов, который актуализирует изолированно взятое слово в сознании носителей языка, в единстве всех образующих его семантических компонентов – более и менее ярких, ядерных и периферийных» [Стернин 2011].

При описании психолингвистического значения слова используются ассоциативные поля соответствующих стимулов (свободный ассоциативный эксперимент), затем ассоциаты подвергаются семантической интерпретации и формулируются семемы каждой лексемы.

Сформулированные семы выделенных значений аранжируются в связную дефиницию значения. Дефиниции формулируются как упорядоченное связное перечисление выявленных семантических компонентов каждого значения в их связи друг с другом. Каждое значение формулируется отдельно, указывается общее количество испытуемых, актуализировавших это значение. Также вычисляется совокупный индекс яркости значения (СИЯ) как сумма индексов яркости всех образующих семантему сем. Благодаря данному индексу возможно выделение ядерных и периферийных, а также более и менее ярких значений слова [Стернин 2017]. Затем осуществляется сопоставление гендерных семантических признаков исследуемых лексем.

Результаты исследования представлены в *Таблице 1* и *Таблице 2*.

Приведем ассоциативные поля стимулов.

Ассоциативные поля [РАС 2002]

ПРОФЕССОР Мужчины 52: очки 6; кислых шей 3, университета 3, ученый 3; наук 2, учитель 2, физики 2; академик, ботаник, букварь, добрый, доктор, доцент, дуб, зачет, инженер, институт, интеллектуальный, Капица, кафедры, китайский, книга, лопух, лысый, мудрый, наука, научный муж, очкарик, очкастый, Плейшнер, Преображенский, сволочь, скотина, старик, старый, студент, химии 1; отказ 1.

ПРОФЕССОР Женщины 48: кислых шей 3, университета 3, университета 3; истории 2, очки 2, студент 2, умный 2; академии, дед, бабушка, доктор, Иванов, института, искусствоведения, лектор, лекция, лысый, людоед, медицины, наук, о-о-о..., Персики, по философии, русского языка, слушать, солидный, Сорбонны, старый, умный и капризный мужик, умный=скучный, ученый, филолог, хорошо, человек в очках, экономки 1; отказ 1.

ЛЕКЦИЯ Мужчины 52: скучная 5; нудная 3; долгая 2, плохая 2, профессора 2, скука 2, слушать 2, сон 2, учитель 2; аудитория, в классе, двухчасовая, для одного, ерунда, институт, лекционный зал, мораль, моя, началась, неинтересно, ненужная, облом, обо, по высшей математике, по физике, по экономике, практика, читать, семинар, спать, тетрадь, трибуна, урок, физика, философия 1; отказ 2.

ЛЕКЦИЯ Женщины 47: длинная 4, закончилась 4; скучная 3; аудитория 2, отдых 2, семинар 2, спать 2; аудитория в вузе, большая, будет, в аудитории, долгая, институт, конспект, кончилась, читать, невыносимая, о любви, писать, по русскому, по химии, почвоведение, рыба, сегодня, скучно, слушать, состоялась, студентов, тупая, ум, урок 1; отказ 0.

Таблица 1. Сопоставительное описание семантики слова ПРОФЕССОР

Мужчины (52 ии)	Женщины (48 ии)
1. Мужчина в очках, занимается наукой Мужчина 0,04, старый 0,04, в очках 0,15, работает в университете 0,06, в институте 0,02; на кафедре 0,02, занимается наукой 0,13, учит 0,04 студентов 0,02 физике 0,04, химии 0,02,	1. Женщина в очках, занимается наукой Мужчина 0,08, старый 0,06, в очках 0,06, работает в университете 0,13, в институте 0,02; занимается наукой 0,04, учит 0,02 студентов 0,04 истории 0,04, искусствоведению 0,02, медицине 0,02,

ботанике 0,02; принимает зачет 0,02; стоит в одном ряду с академиком 0,02; обладает высоким интеллектом 0,02, мудрый 0,02; много читает 0,02; бывает добрый 0,02, лысый 0,02; является доктором наук 0,02, по званию выше, чем доцент 0,02; например, Капица 0,02, Плейшнер 0,02, Преображенский 0,02, китайский 0,02, инженер 0,02; вызывает неодобрение 0,10. СИЯ 0,98	философии 0,02, филологии 0,04, экономике 0,02; стоит в одном ряду с академиком 0,02; солидный 0,02, умный 0,08, капризный 0,02, скучный 0,02; хороший 0,02, читает лекции 0,04, лысый 0,02; является доктором наук 0,02, например, Персиков 0,02, Иванов 0,02, Сорбонны 0,02, вызывает позитивные эмоции 0,02, вызывает неодобрение 0,02. СИЯ 0,67
2. Должность или звание ученого [Должность или звание] ученого 0,15, [который работает] в университете 0,06, в институте 0,02, на кафедре 0,02; в одном ряду с академиком 0,02, доцентом 0,02. Противоположно: студент 0,02 СИЯ 0,31	2. Должность или звание ученого [Должность и звание] ученого 0,04, [который работает] в университете 0,15, в институте 0,02, в академии 0,02; в одном ряду с академиком 0,02, доктором 0,02. Противоположно: студент 0,04 СИЯ 0,31
Фразы: 0,08: профессор кислых щей 0,06; выражение из фильма «Операция «Ы» и другие приключения Шурика» – профессор – лопух 0,02	Фразы: 0,06: профессор кислых щей 0,06
Не актуально 1: 0,02 Не интерпретируются: 1 <i>букварь</i>	Не актуально 1: 0,02 Не интерпретируются: 0

Комментарий

Лексема ПРОФЕССОР в языковом сознании мужчин и женщин совпадает по двум значениям: 1) **Мужчина в очках, занимается наукой;** 2) **Должность или звание ученого.**

Эндемичные значения отсутствуют.

Значение Мужчины в очках, занимается наукой

Оба значения являются актуальными для языкового сознания мужчин и женщин (СИЯ 0,98 и 0,67 соответственно). Данный уровень различий по совокупному индексу яркости оценивается как заметный (различие на 31 пункт), более ярко представлено в мужском языковом сознании.

Интегральные семантические компоненты (1,65): *мужчина 0,04 – 0,08; старый 0,04 – 0,06; в очках 0,15 – 0,06; работает в университете 0,06 – 0,13; работает в институте 0,02 – 0,02; занимается наукой 0,13 – 0,04; учит 0,04 – 0,02; студентов 0,02 – 0,04; стоит в одном ряду с академиком 0,02 – 0,02; обладает высоким интеллектом 0,02 – умный 0,08; лысый 0,02 – 0,02; является доктором наук 0,02 – 0,02; вызывает неодобрение 0,10 – 0,02.* Всего 26 сем. При совпадении всегда первыми указываются мужские показатели, потом – женские.

Наиболее яркие различия отмечены у интегральных сем: *в очках 0,15 – 0,06; работает в университете 0,06 – 0,13; занимается наукой 0,13 –*

0,04; обладает высоким интеллектом 0,02 – умный 0,08; вызывает неодобрение 0,10 – 0,02.

Мужские дифференциальные семы (0,30): на кафедре 0,02; (чему) физике 0,04, химии 0,02, ботанике 0,02; принимает зачет 0,02; мудрый 0,02; много читает 0,02; бывает добрый 0,02, по званию выше, чем доцент 0,02; например, Капица 0,02, Плейшнер 0,02, Преображенский 0,02, китайский 0,02, инженер 0,02. Всего 14 сем.

Женские дифференциальные семы (0,32): (учит чему) истории 0,04, искусствоведению 0,02, медицине 0,02, философии 0,02, филологии 0,04, экономике 0,02; солидный 0,02, капризный 0,02, скучный 0,02; читает лекции 0,04; например, Персигов 0,02, Иванов 0,02, Сорбонны 0,02, вызывает одобрение 0,02, вызывает позитивные эмоции 0,02. Всего 15 сем.

Всего у данной пары совпадающих значений 55 сем, из них 26 интегральных и 29 дифференциальных сем.

Индекс семного совпадения значений – 0,47; индекс семной дифференциации значений соответственно – 0,53.

Совокупная яркость 26 интегральных сем значений – 1,65. У 29 дифференциальных сем индекс совокупной яркости почти 3 раза ниже (0,62).

Значение Должность или звание ученого

Оба значения относятся к периферийной части семантемы каждой группы испытуемых (СИЯ 0,31 и 0,31). Уровень различий по шкале уровней яркости оценивается как нулевой.

Интегральные семантические компоненты мужских и женских значений (0,54): [должность или звание] ученого 0,15 – 0,04; работает в университете 0,06 – 0,15; работает в институте 0,02 – 0,02; в одном ряду с академиком 0,02 – 0,02; противоположно – студент 0,02 – 0,04. Всего 10 сем.

Наиболее яркие различия отмечены у интегральных сем: [должность или звание] ученого 0,15 – 0,04; работает в университете 0,06 – 0,15.

Мужские дифференциальные семы (0,04): на кафедре 0,02; наряду с доцентом 0,02. Всего 2 семы.

Женские дифференциальные семы (0,04): работает в академии 0,02; наряду с доктором 0,02. Всего 2 семы.

Всего у данной пары совпадающих значений 14 сем, из них 10 интегральных и 4 дифференциальных семы.

Индекс семного совпадения значений – 0,71; индекс семной дифференциации значений соответственно – 0,29.

Совокупная яркость 10 интегральных сем – 0,54, что почти в 7 раз больше индекса яркости 4 дифференциальных сем (0,08).

Сравнение параметра «Фразы» в мужском и женском языковом сознании показывает, что более разнообразно этот параметр представлен у мужчин, общим фразеологизмом является «профессор кислых щей» 0,06 – 0,06. Только мужчины отметили такое выражение, как профессор – лопух 0,02 (из фильма «Операция «Ы» и другие приключения Шурика»).

Таблица 2. Сопоставительное описание семантики слова ЛЕКЦИЯ

Мужчины (52 ии)	Женщины (47 ии)
<p>1. Текст, читается в аудитории профессором, скучный [Текст], читается 0,02 профессором 0,04, учителем 0,04 за трибуной 0,02; слушается 0,04 и записывается в тетрадь 0,02; в институте 0,02, в аудитории 0,04, в классе 0,02 на уроке 0,02; бывает двухчасовая 0,02, долгая 0,04, для одного человека 0,02; по теме 0,02 бывает – по высшей математике 0,02, по физике 0,02, по экономике 0,02, по философии 0,02; содержит информацию для практического занятия 0,02, семинара 0,02; бывает скучная 0,12, неинтересная 0,02, ненужная 0,02; вызывает сонливость 0,06; вызывает неодобрение 0,01. СИЯ 0,73</p>	<p>1. Текст, читается в аудитории, длинный, скучный [Текст], читается 0,02, в аудитории 0,09, в вузе 0,02, в институте 0,02, на уроке 0,02; слушается 0,02 и записывается 0,04 студентами 0,02; содержит информацию для семинара 0,04; бывает длинная 0,12, скучная 0,09; вызывает сонливость 0,04; по теме бывает по почвоведению 0,02, по русскому языку 0,02, по химии 0,02, о рыбах 0,02, о любви 0,02; делает умнее 0,02; вызывает неодобрение 0,02. СИЯ 0,68</p>
<p>2. Записи по какому-либо предмету Записи 0,02, в тетради 0,02, на определенную тему 0,02, например, по высшей математике 0,02, по физике 0,02, по экономике 0,02, по философии 0,02; сделаны при прослушивании выступления профессора 0,04, учителя 0,04. СИЯ 0,22</p>	<p>2. Записи по какому-либо предмету Записи 0,09 студентов 0,02, [на определенную тему] по русскому языку 0,02, по химии 0,02, по почвоведению 0,02, о рыбах 0,02, о любви 0,02. СИЯ 0,21</p>
<p>3. Учебное занятие [Учебное занятие]; проводится в аудитории 0,04, в институте 0,02, в школе 0,02; длится два часа 0,02. Противоположно: практика 0,02, семинар 0,02 СИЯ 0,14</p>	<p>3. Учебное занятие [Учебное занятие]; проводится в аудитории в вузе 0,10, в школе 0,02; в присутствии студентов 0,02. Противоположно: семинар 0,04; отдых 0,04 СИЯ 0,22</p>
<p>Фразы: 0,04: <i>моя, началась</i></p>	<p>Фразы: 0,17: <i>закончилась 4, будет, кончилась, сегодня, состоялась</i></p>
<p>Не актуально 2: 0,04 Не интерпретируются: 0</p>	<p>Не актуально: 0 Не интерпретируются: 0</p>

Комментарий

Лексема ЛЕКЦИЯ в языковом сознании мужчин и женщин совпадает по трем значениям: 1) **Текст, читается в аудитории профессором, скучный**; 2) **Записи по какому-либо предмету**; 3) **Учебное занятие**.

Эндемичные значения отсутствуют.

Значение *Текст, читается в аудитории профессором, скучный*

Оба значения являются актуальными для языкового сознания мужчин и женщин (СИЯ 0,73 и 0,68 соответственно), относятся к ядерной части семантемы. Данный уровень различий по совокупному индексу яркости оценивается как не заметный (различие на 5 пунктов), более ярко представлено в мужском языковом сознании.

Интегральные семантические компоненты (1,65): *[текст]*, читается 0,02 – 0,02; слушается 0,04 – 0,04; записывается в тетрадь 0,02 – 0,02; в институте 0,02 – 0,02; в аудитории 0,04 – 0,02; на уроке 0,02 – 0,02; бывает скучная 0,12 – 0,09; вызывает сонливость 0,06 – 0,04; вызывает неодобрение 0,01 – 0,02. Всего 18 сем.

Яркие различия у интегральных сем отсутствуют.

Мужские дифференциальные семы (0,34): *[читается]* профессором 0,04 учителем 0,04 за трибуной 0,02; в классе 0,02; в присутствии одного человека 0,02; бывает двухчасовая 0,02; по теме 0,02 бывает – по высшей математике 0,02, по физике 0,02; по экономике 0,02, по философии 0,02; содержит информацию для практического занятия 0,02, семинара 0,02; неинтересная 0,02, ненужная 0,02. Всего 15 сем.

Женские дифференциальные семы (0,16): *содержит информацию для семинара* 0,04; по теме бывает по почвоведению 0,02, по русскому языку 0,02, по химии 0,02, о рыбах 0,02, о любви 0,02; делает умнее 0,02. Всего 7 сем.

Всего у данной пары совпадающих значений 40 сем, из них 18 интегральных и 22 дифференциальные семы.

Индекс семного совпадения значений – 0,45; индекс семной дифференциации значений соответственно – 0,55.

Совокупная яркость 18 интегральных сем значений – 1,65. У 22 дифференциальных сем индекс совокупной яркости почти 3 раза ниже (0,50).

Значение *Записи по какому-либо предмету*

Оба значения являются актуальными для языкового сознания мужчин и женщин (СИЯ 0,22 и 0,21 соответственно), относятся к периферийной части семантемы. Данный уровень различий по совокупному индексу яркости оценивается как незаметный (различие на 1 пункт).

Интегральные семантические компоненты (0,11): *записи 0,02 – 0,09*. Всего 2 семы, наблюдаются заметные различия (7 пунктов).

Мужские дифференциальные семы (0,20): *в тетради 0,02, на определенную тему 0,02, например, по высшей математике 0,02, по физике 0,02, по экономике 0,02, по философии 0,02; сделаны при прослушивании выступления профессора 0,04, учителя 0,04*. Всего 8 сем.

Женские дифференциальные семы (0,12): *записи студентов 0,02, [на определенную тему] по русскому языку 0,02, по химии 0,02, по почвоведению 0,02, о рыбах 0,02, о любви 0,02*. Всего 6 сем.

Всего у данной пары совпадающих значений 16 сем, из них 2 интегральные семы и 14 дифференциальных сем.

Индекс семного совпадения значений – 0,13; индекс семной дифференциации значений соответственно – 0,87.

Совокупная яркость 2 интегральных сем значений – 0,11. У 14 дифференциальных сем индекс совокупной яркости 0,32, что почти в 3 раза больше.

Значение Учебное занятие

Оба значения являются актуальными для языкового сознания мужчин и женщин (СИЯ 0,14 и 0,22 соответственно), относятся к периферийной части семантемы. Данный уровень различий по совокупному индексу яркости оценивается как мало заметный (различие на 8 пунктов), однако более ярко представлено в женском языковом сознании.

Интегральные семантические компоненты (0,36): *проводится в аудитории 0,04 – 0,10, в институте 0,02 – 0,10; в школе 0,02 – 0,02; семинар 0,02 – 0,04*. Всего 8 сем.

Наиболее яркие различия отмечены у интегральных сем: *проводится в аудитории 0,04 – 0,10; в институте 0,02 – 0,10*.

Мужские дифференциальные семы (0,04): *длится два часа 0,02; противоположно: практика 0,02*. Всего 2 семы.

Женские дифференциальные семы (0,06): *в присутствии студентов 0,02; противоположно: отдых 0,04*. Всего 2 семы.

Всего у данной пары совпадающих значений 12 сем, из них 8 интегральных и 4 дифференциальных сем.

Индекс семного совпадения значений – 0,67; индекс семной дифференциации значений соответственно – 0,33.

Совокупная яркость 8 интегральных значений сем – 0,36. У 4 дифференциальных сем индекс совокупной яркости 0,10, почти в 3,5 раза больше, чем у интегральных сем.

Сравнение параметра «Фразы» в мужском и женском языковом сознании показывает, что более разнообразно этот параметр представлен у женщин, общих фразеологизмов не выявлено.

Таким образом, сопоставление гендерных значений позволяет определить особенности семантики исследуемых слов в групповом языковом сознании.

Литература

РАС – Русский ассоциативный словарь: В 2 т. / Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. – М., 2002. – Т. I. От стимула к реакции.

Стернин И.А. Исследование психолингвистического значения слова в Воронежском университете / И.А. Стернин, А.В. Рудакова // Семантико-когнитивные исследования: межвузовский сборник научных трудов / Под ред. И.А. Стернина. – Вып. 8. – Воронеж: Истоки, 2017. – С. 97-126.

Стернин И.А. Психолингвистическое значение и его описание: теоретические проблемы: монография / И.А. Стернин, А.В. Рудакова. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 192 с.

**М.Р. Махаев (Ингушетия, Назрань),
И.А. Стернин (Воронеж)**

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА ТОПОНИМА

«ДАГЕСТАН» (результаты ассоциативных экспериментов)

Аннотация: Статья посвящена проблеме описания семантики топонимических единиц русского языка – на примере топонима ДАГЕСТАН. Топонимы рассматриваются авторами в качестве феноменов языкового сознания – ментальной структуры, воплощенной в вербальных единицах. В статье представлены региональные психолингвистические значения слова ДАГЕСТАН, сформулированные с помощью семантической интерпретации ассоциативных полей. Выполнен сравнительный анализ значений в языковом сознании носителей разных языков.

Ключевые слова: психолингвистическое значение, топоним, семантика, ассоциативный эксперимент, антропоцентризм

Abstract: The article is devoted to the problem of describing the semantics of toponymic units of the Russian language – on the example of the toponym DAGESTAN. Toponyms are considered by the authors as phenomena of linguistic consciousness – a mental structure embodied in verbal units. The article presents regional psycholinguistic meanings of the word DAGESTAN, formulated with the help of semantic interpretation of associative fields. A comparative analysis of the meanings in the linguistic consciousness of speakers of different languages is carried out.

Key words: psycholinguistic meaning, toponym, semantics, associative experiment, anthropocentrism

Введение

Антропоцентрическая парадигма является одной из центральных в современной лингвистике. Истоки данной парадигмы восходят к работам В. фон Гумбольдта, Г. Штейнталя, А. Потебни и др.

В. фон Гумбольдт рассматривал язык в качестве посредника между внутренним миром человека и миром вещей (он называл язык «особым

миром»). Язык выступал в концепции фон Гумбольдта средством формирования мировоззрения и развития духовных сил человека. Более того, «человек становится человеком только через язык, в котором действуют творческие первосилы человека, его глубинные возможности. Язык есть единая духовная энергия народа» [Гумбольд 1984].

Э. Бенвенист, подчеркивая неразрывную связь человека и языка, отмечал, что «в мире существует только человек с языком, человек, говорящий с другим человеком, и язык, таким образом, необходимо принадлежит самому определению человека» [Бенвенист 2002].

Развивая идеи Бенвениста, Ю.С. Степанов отмечал, что «язык создан по мерке человека, этот масштаб запечатлен в самой организации языка; в соответствии с ним язык и должен изучаться. Поэтому в своем главном стволе лингвистика всегда будет наукой о языке в человеке и о человеке в языке» [Бенвенист 2002].

Р. Павиленис писал, что человек не является пассивным референтом языковых высказываний; он – активный интерпретатор, носитель концептуальных систем, позволяющих ему познавать и понимать язык, мир, а также осуществлять коммуникации с другими людьми [Павиленис 1983].

Семантика любого языка также является «человеко-центричной». В этом смысле тезисы А.Н. Леонтьева «Иметь сознание – владеть языком. Владеть языком – владеть значениями. Значение есть единица сознания» [Леонтьев 1994].

В рамках антропоцентрического подхода к исследованию семантики языковых единиц активно используется термин «языковое сознание», имеющий различные дефиниции. Н.В. Уфимцева и Е.Ф. Тарасов определяют языковое сознание как совокупность знаний, ассоциированных с теми или иными языковыми знаками для вербализации образов сознания в процессе общения [Уфимцева 2009]. Д. Гудков описывает языковое сознание в качестве мышления, проявляющееся в тех или иных языковых формах для целей коммуникации; образно выражаясь, языковое сознание – это «говорящее сознание» [Гудков 2003].

В рамках Воронежской научной теоретико-лингвистической школе принято определение понятия языкового сознания как совокупности психических механизмов порождения и интерпретации речевых актов и хранения языка в сознании. Языковое сознание исследуется методом моделирования. Универсальными моделями языкового сознания являются ассоциативные поля и психолингвистические значения лексических единиц.

Ассоциативное поле лексической единицы представляет собой упорядоченное множество ассоциативных реакций, полученных от испытуемых в ходе экспериментального исследования. Множество ассоциативных реакций упорядочивается в рамках словарных статей от

наиболее частотных реакций к наименее частотным (вплоть до единичных). Ассоциативное поле является, на наш взгляд, вербализованной моделью языкового сознания. Глубинной моделью языкового сознания является психолингвистическое значение, которое существует в языке наряду с традиционным словарным значением.

Психолингвистическое значение – это значение, актуально представленное в сознании носителей языка (в отличие от словарного значения, которое представлено в словарях).

Существуют различные методы описания психолингвистических значений. Среди них зарекомендовали себя в качестве надежных экспериментальные методы, позволяющие выявлять в значениях слов многочисленные семантические компоненты, не фиксируемые в дефинициях толковых словарей и не выявляемые по результатам анализа контекстов употребления, но имеющие актуальность для языкового сознания.

Результаты наших экспериментов [Makhaev 2019, 2020] показывают, что именно экспериментальные методы дают доступ к объемной и глубинной семантике лексических единиц. В частности, экспериментальные методы помогают успешно описывать топонимическую семантику. Экспериментальное описание семантики топонимов дает возможность представить их содержание как некоторую психологическую реальность, выявить такие семантические компоненты, которые не фиксируются другими, традиционными методами и приемами семантического анализа.

Материалы и методы исследования

В исследовании психолингвистических значений топонимов был разработан и применен дифференциально-эмпирический подход к описанию и лексикографической фиксации семантики лексических единиц:

а) подход является *дифференциальным*, поскольку учитывает региональные аспекты семантики имен собственных (по результатам экспериментов выявляются региональные варианты значений, которые затем сопоставляются).

б) подход является *эмпирическим*, поскольку опирается на экспериментальные методы исследования, требующие обращения к языковому сознанию носителей языка.

Общий алгоритм выявления и анализа психолингвистических значений в соответствии с дифференциально-эмпирическим подходом состоит из пяти основных этапов, которые включают в себя:

1) проведение ассоциативных экспериментов с исследуемыми в качестве стимулов словами;

2) обработка полученных ассоциативных реакций и построение ассоциативных полей слов;

3) семантическая интерпретация ассоциативных полей и выявление семантических компонентов (сем);

4) семемная атрибуция сем и выявление психолингвистических значений

5) сопоставительный анализ психолингвистических значений.

В наших экспериментах принимали участие студенты грозненских (грозненские испытуемые) и воронежских (воронежские испытуемые) вузов разных курсов и специальностей – 300 и 350 испытуемых соответственно, среди них – женщины и мужчины примерно в равном соотношении. Эксперименты проводились в лекционных аудиториях университетов в письменной форме.

Стимульный материал содержал список из 10 топонимов, расположенных в экспериментальных бланках в алфавитном порядке.

Перед началом эксперимента испытуемые получали экспериментальные бланки с двумя заданиями. В первом задании испытуемые должны были ответить первым словом, которое приходит в голову после прочтения топонимов из соответствующего списка (свободный ассоциативный эксперимент). Задача состояла в том, чтобы выявить свободные ассоциации, возникающие у испытуемых с тем или иным наименованием города или республики. Во втором задании испытуемые должны ли ответить на два вопроса: 1) чем известны и знамениты представленные в списке города или республики; 2) где они находятся (опрос). Время выполнения задания не ограничивалось. Инструктаж участников эксперимента включал в себя объяснение целей предстоящего эксперимента, а также конкретных действий, требуемых от каждого из испытуемых.

Результаты исследования

По итогам экспериментов для каждого топонима были построены ассоциативные поля.

В качестве образца приведем данные, полученные на стимул ДАГЕСТАН.

Структура словарной статьи: 1) стимул/слово ДАГЕСТАН; 2) ассоциативные поля – ассоциативные реакции с указанием их частотности (например, *Приора 19*), расположенные в порядке убывания их частотности; количество отказов – отсутствие вербальных реакций; 3) необработанные реакции – реакции, которые не были обработаны по разным причинам (например, из-за нечеткого почерка).

Приведем ассоциативные поля топонима ДАГЕСТАН (приводятся все неединичные реакции).

Воронежские испытуемые

ДАГЕСТАН 330: Приора – 19; лезгинка – 18; горы – 17; Кавказ – 12; война – 9; дагестанцы – 6; борьба; борцы; Махачкала; танцы – 5; ислам; юг – 4; вино; Восток; кавказцы; коррупция; мокасины; опасность; республика; фрукты; хачи; шаурма – 3; автомат; Анжи; борода; даги; заниженная Приора; коньяк; нерусь; оружие; Приоры; страна; стрельба; танец; Татарстан; Чечня; чурки – 2; отказы – 38.

ДАГЕСТАН 330: чем известен, знаменит? горы – 11; дагестанцами – 8; коррупция – 7; борцами; горы; Приоры – 4; Дербент; лезгинка – 3; борьбой; гостями; дагами; заниженными Приорами; коньяк; людьми; Махачкала; нефть; Рамзан Кадыров; своими жителями – 2; отказы – 152. Необработанные реакции (неразборчивый почерк) – 8.

ДАГЕСТАН 330: где находится? юг – 35; Кавказ – 32; юг России – 23; Северный Кавказ – 16; в горах – 8; Россия – 6; РФ – 5; рядом с Чечней; Северо-Кавказский ФО; южная часть России – 3; восток; недалеко от Чечни; республика Дагестан; у Каспийского моря; Чечня; юг РФ; Кавказ – 2; отказы – 131.

Грозненские испытуемые

ДАГЕСТАН 300: Каспийское море – 33; море – 32; Хабиб – 22; Хабиб Нурмагомедов – 16; Махачкала – 14; Хасавюрт – 12; горы – 6; г. Хасав-Юрт; Каспий; Шамиль – 5; многонациональность – 4; борьба; базар; Дербент; Зеленый базар; Избербаш; многонациональный; мусор; Нурмагомедов; орел; рынок; спорт – 3; акцент; аварцы; борцы; братья-мусульмане; братья; Манас; море Каспийское; приора; соседи; страна гор; тонировка; танцы; центральная Джума – мечеть; язык – 2; отказы – 23. Необработанные реакции – 1 (неразборчивый почерк).

ДАГЕСТАН 300: чем известен, знаменит? Каспийское море 30; Каспийским морем; кубачинским золотом – 14; Хабиб Нурмагомедов 12; морем 11; море 9; имам Шамиль 8; художественными промыслами 6; народными промыслами 5; бойцами; горами; Нарын-Кала; Хабиб – 4; крепость Нарын-Кала; природой; своими народными промыслами; своими художественными промыслами – 3; борьбой; горы; гимринская башня; Дербент; золотом; курортами; культура; Махачкала; многонациональностью; места для отдыха; природа; первыми приняли ислам; прекрасная горная страна; республика гор; рынок; спортсменами; спортсмены; традициями – 2; отказы – 79. Необработанные реакции – 4 (неразборчивый почерк).

ДАГЕСТАН 300: где находится? в России 35; на Кавказе 25; Северный Кавказ 22; на Северном Кавказе 21; РФ 12; в РФ 10; в восточной части Кавказского округа 8; Россия; СКФО – 6; в СКФО; на юге европейской части России – 5; Кавказ; рядом с Чечней; Северный Кавказский федеральный округ – 4; в Дагестане; на юге; на самом юге РФ;

Республика Дагестан; юг России – 3; в Ингушетии; в Хасав-юрте; в Махачкале; в восточной прикаспийской части Северного Кавказа; Дербент; недалеко от ЧР; на Кавказе Северном; на востоке Северного Кавказа; на юге России; южный Кавказ – 2; отказы – 76.

На следующем этапе методом семантической интерпретации ассоциативных полей и результатов опроса выявлены семантические компоненты, из которых была сформулирована дефиниция топонима **ДАГЕСТАН** в воронежском (Vrz) и грозненском (Grz) региональных вариантах.

Семантическая интерпретация представляет собой процедуру обобщения ассоциативных реакций-синонимов, словоформ и т.п. Например, реакции-словоформы *морем 11* и *море 9* были обобщены в качестве семантической компоненты «есть море», а их частотность суммирована ($11+9 = 20$). Все полученные семантические компоненты распределены по шкале полевой принадлежности: в ядро и периферию (ближняя, дальняя, крайняя) в зависимости от индексов их яркости, которые вычисляются по формуле $г/R$, где $г$ – это количество актуализаций семантического компонента, а R – общее количество испытуемых. Например, индекс яркости семантического компонента «есть горы» в Grz равен 0,06 ($18/300$).

В ядро поля входят семантические компоненты с индексами яркости 0,12 и выше. В ближнюю периферию – семантические компоненты с индексами яркости от 0,04 до 0,11, в дальнюю периферию – от 0,02 до 0,03, в крайнюю периферию – 0,01 и ниже.

Структура словарной статьи и правила психолингвистической дефиниции следующие:

1) левая часть словарной статьи – заголовочное слово, количество испытуемых в эксперименте (цифра после заглавного слова) и языковое сознание (Vrz – воронежское, Grz – грозненское).

2) правая часть словарной статьи – дефиниция, составленная по следующему правилу: вначале в обязательном порядке приводится интегральная сема («республика»), затем ориентационные семантические компоненты, выражающие информацию о местоположении объекта (например, «в России»), а затем – все остальные семантические компоненты, которые располагаются по убыванию индексов их яркости.

Приводятся дефиниции, сформулированные из семантических компонентов ядра и ближней периферии.

ДАГЕСТАН 330 (Vrz) – республика 0,006 в России 0,07, на юге страны 0,11, на Кавказе 0,13, в ее северной части 0,04, есть горы 0,09, танцуют лезгинку 0,07, ездят на Ладе Приора 0,06, проживают дагестанцы 0,04.

ДАГЕСТАН 300 (Grz) – республика 0,01 в России 0,21, на юге страны 0,06, на Кавказе 0,09, в ее северной части 0,16, в составе Северо-

Кавказского федерального округа 0,07, есть Каспийское море 0,43, живет Нурмагомедов 0,19, есть горы 0,06, город Хасавюрт 0,05, город Махачкала 0,05, известна кубачинским золотом 0,05, имамом Шамилем 0,04, народными и художественными промыслами 0,04, борцами 0,04.

Сравнительный анализ региональных вариантов значений включает в себя выявление совпадающих и несовпадающих (эндемических) семантических компонентов (см. *Таблица 1* и *Таблица 2*).

Таблица 1. Совпадающие семантические компоненты

Vrz	Grz
республика 0,006	республика 0,01
в России 0,07	в России 0,21
на юге страны 0,11	на юге страны 0,06
на Кавказе 0,13	на Кавказе 0,09
в ее северной части 0,04	в ее северной части 0,16
где есть горы 0,09	есть горы 0,06

Таблица 2. Несовпадающие семантические компоненты

Vrz	Grz
танцуют лезгинку 0,07	в составе Северо-Кавказского федерального округа 0,07
ездят на Ладе Приора 0,06	есть Каспийское море 0,43
проживают дагестанцы 0,04	живет Нурмагомедов 0,19
	есть город Хасавюрт 0,05
	есть город Махачкала 0,05
	известна кубачинским золотом 0,05
	известна имамом Шамилем 0,04
	известна народными и художественными промыслами 0,04
	известна борцами 0,04

Совпадающие семантические компоненты сопоставляются по степени различия их индексов яркости.

Проводится сравнительный анализ по следующей шкале сходств / различий:

0	отсутствие различий
1 – 4%	несущественный уровень
5 – 10%	низкий уровень
11 – 25%	заметный уровень
26 – 50%	существенный уровень
51 – 70%	высокий уровень
0,71% и выше	очень высокий

Данная шкала используется для оценки существенности сходств и различий в семантике региональных вариантов исследуемых слов.

Заметный уровень различий имеют только две семантические компоненты «в России» (0,07/0,21) и «в северной части Северного Кавказа» (0,04/0,16). Все остальные совпадающие семантические компоненты не имеют каких-либо заметных и существенных различий по яркости.

Также следует отметить, что грозненское значение содержит большее количество семантических компонентов, чем воронежское.

Кроме того, грозненское значение имеет больше семантических компонентов, входящих в ядро (4 против 1 воронежского). В целом ядро «грозненского» значения более ярко выражено. Данное значение является актуальным для носителей обоих языков.

Выводы

Анализ регионального дифференциального психолингвистического описания семантики топонима ДАГЕСТАН позволяет сделать следующий вывод: для воронежцев ДАГЕСТАН – это, прежде всего, республика, находящаяся на юге России, на Кавказе, где живут дагестанцы, которые танцуют лезгинку и ездят на Ладе Приора. Воронежцы мало знакомы с государственным устройством Дагестана (плохо знают известных людей республики; города, которые находятся на ее территории, и др.); для грозненцев ДАГЕСТАН – это не только республика, которая входит в состав России и находится в ее южной части, на Кавказе, но и место, где есть Каспийское море, есть города Махачкала и Хасавюрт, люди занимаются народными и художественными промыслами, известным лицом является спортсмен, борец Хабиб Нурмагомедов.

Таким образом, в настоящей статье была продемонстрирована методика выявления психолингвистических значений лексических единиц.

Психолингвистические значения позволяют выявить реальное содержание имен собственных, т.е. такое содержание, которое актуально представлено в сознании носителей языка.

Литература

Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – Москва : Прогресс, 1984. – 397 с.

Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист; общ. ред., вступ. ст. и коммент. Ю.С. Степанова; пер. с фр. Ю.Н. Караулова [и др.]. – 2. изд., стер. – М. : УРСС, 2002. – 446 с.

Павиленис Р.И. Проблема смысла : Современный логико-философский анализ языка / Р.И. Павиленис. – М. : Мысль, 1983. – 286 с.

Леонтьев А.Н. Философия психологии: из научного наследия / под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. – 88 с.

Уфимцева Н.В. Проблемы изучения языкового сознания / Н.В. Уфимцева, Е.Ф. Тарасов // Вопросы психолингвистики. – 2009. – № 10. – С. 18-25.

Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д.Б. Гудков. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 286 с.

Makhaev M.R., Sternin I.A., Ibragimov D.K. Regional Specificity Of Toponym Semantics: Psycholinguistic Study, The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences, LVIII (2019) 1007-1014. DOI: [10.15405/epsbs.2019.03.02.116](https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.03.02.116) 2019.

Makhaev M.R., Ireziev S.Kh.S.E., Abdulazimova T.K., Selmurzaeva Kh.R., Navrazova K.B. An Integrated Approach To The Study Of Semantics Of Proper Names, The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences, 92 (2020) 3113-3120. DOI: [10.15405/epsbs.2020.10.05.413](https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.10.05.413).

И.А. Морозова, К.О. Селезнева (Борисоглебск)

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ ЛЕКСЕМ ОБРАЗОВАНИЕ И ВОСПИТАНИЕ (по результатам направленного ассоциативного эксперимента)

Аннотация: Используя экспериментальные данные, авторы выявляют особенности психолингвистических значений лексем *Образование* и *Воспитание* в сознании носителей современного русского языка. В процессе сопоставления рассмотрены ассоциативные поля, полевая организация и непосредственно психолингвистические значения названных лексем. Материалом для изучения послужили результаты направленного ассоциативного эксперимента, который проводился в 2021 году и охватил 154 человека разного возраста, пола, социального статуса. В работе были использованы экспериментальный, описательный, количественный методы исследования.

Ключевые слова: психолингвистическое значение, направленный ассоциативный эксперимент, ассоциативное поле, смысловая зона

Abstract: The authors use experimental results to demonstrate the psycholinguistic meanings' peculiarities of the lexemes Education and Upbringing in consciousness of native speakers of Russian. The associative fields, their structure and psycholinguistic meanings were analyzed during the comparison. The results of directional associative experiment were used as a material for this research. The experiment was taken place in 2021. 154 men and women of different age and social status were taken part in it. The authors used experimental, descriptive and quantitative methods in their research.

Key words: psycholinguistic meaning, directional associative experiment, associative field, meaning zone

В связи с предстоящими изменениями в сфере образования внимание общественности к данной области усилилось. Изучение педагогической лексики становится всё более актуальным [Селезнева 2014, 2021а, 2022а].

В обществе всё больше споров возникает по поводу обязанностей педагогов, школы и родителей в отношении подрастающего поколения. По справедливому замечанию Е.Н. Казаковой, «Приводя ребенка в образовательное учреждение, многие родители считают, что педагоги должны обучать и воспитывать их детей. А педагоги, в свою очередь, считают, что они дают только знания, а воспитывать должны родители, а также участвовать в образовательной деятельности и контролировать ее выполнение» [Казакова 2015, с. 10].

На наш взгляд, данный факт можно объяснить индивидуальным смыслом, который человек вкладывает в каждый из названных терминов. Более того, не секрет, что толковые и/или энциклопедические словари не всегда могут помочь в решении данного вопроса, предлагая толкования педагогических терминов, поскольку лексикографические и психолингвистические значения слова имеют значительные расхождения. Тем острее встает вопрос выявления и формулировки психолингвистического значения таких ключевых понятий, как **образование** и **воспитание** [Селезнева 2022б]. Полагаем, что выявление особенностей психолингвистических значений лексем **образование** и **воспитание** поможет определить, что именно носители русского языка чаще всего вкладывают в данные понятия. Знание специфики значения каждого из рассматриваемых терминов облегчит общение не только между педагогами и родителями, но и между всеми участниками образовательного процесса.

С целью определения особенностей психолингвистических значений лексем **образование** и **воспитание** в 2021 году нами был проведен направленный ассоциативный эксперимент, участниками которого стали 154 человека: мужчины и женщины в возрасте от 20 до 74 лет разных профессий, в том числе 130 курсантов Краснодарского высшего военного авиационного училища летчиков (г. Борисоглебск) и студентов Борисоглебского филиала Воронежского государственного университета.

Испытуемым предлагалась следующая инструкция: «Здравствуйте! Вы участвуете в психолингвистическом эксперименте. Пожалуйста, укажите свой пол и возраст. Пожалуйста, закончите фразы «Образование – это...» и «Воспитание – это...». Отказов не было. Результаты направленного ассоциативного эксперимента были обработаны по частотности и представлены в виде ассоциативного поля [Селезнева 2021б] (см. *Таблица 1*).

Таблица 1. Ассоциативные поля стимулов

ОБРАЗОВАНИЕ	ВОСПИТАНИЕ
<p>Образование 130 – процесс получения базовых знаний, умений и навыков 58; знания 38; саморазвитие 32; расширение кругозора; система воспитания и обучения личности 20; будущее; навыки 16; умения 14; становление личности; труд 12; интерес к изучению нового материала 10; воспитание, которое дали родители; интеллект 9; книги; наука; необходимость; познание; работа 8; важно; грамотность; учебные заведения 6; получение профессии; просвещение; процесс передачи знаний, умений и навыков 4;</p>	<p>Воспитание 154 – процесс нравственного формирования личности 32; манера поведения в обществе 24; целенаправленное слияние на развитие личности 23; процесс усвоения установленных норм в обществе 21; обучение; передача жизненного опыта 16; процесс обучения человека правилам поведения 15; то, что дала семья 13; забота о детях 10; привитие навыков 9; процесс привития человеку общественных норм; процесс целенаправленного развития интеллекта 8; вежливость; дисциплина; заложенные с детства моральные</p>

<p>благо; воплощение мечты; время; деньги; образованность; путевка в жизнь; речь; сила; способность принимать взвешенное решение; стабильность; терпение; успех 2; бег; бумажка; важная часть человеческой жизни; взросление; выдержка; дисциплина; дорога в жизнь; достаток; достижения; естественный отбор; жизнь; карьера; много дел; мозговой штурм; начитанность; обеспечение старости; память; процесс формирования ума, характера и способностей человека; статус; стильно; то, чем человек будет пользоваться каждый день; то, что пригодится человеку в дальнейшем; уверенность; умение оценивать происходящее; универсальное средство для завоевания власти; упорство; целенаправленность 1.</p> <p>Всего 387 реакций, из них различных – 63.</p>	<p>принципы и рамки; тактичность; то, что дала школа; уважение 7; духовное становление личности; положительное восприятие окружающих; управление процессом развития личности; формирование восприятия действительности; формирование характера 6; длительный, кропотливый труд педагога; культура; подготовка к жизни; соблюдение установившихся общественных норм и правил 5; взаимодействие воспитателя и воспитанника; мораль; родители; семья 4; необходимость; ответственность; процесс, которым занимается общество и родители; умение; формирование жизненной позиции; ценности; этикет 3; важное в жизни человека; воздействие на сознание; деятельность родителей; знания; институт; качество человека; ласка; нормы; нравственность; общество; окружение; педагогический процесс; получение жизненного опыта; правила; преданность; саморазвитие; система моральных ценностей и установок; социализация; традиции; этика 2; борьба; введение в историю и культуру; взаимообогащение; добродушие; доброта; долг; жизнь; забота; занятие; знание норм этики и морали, прививающиеся с детства; интеллигентность; коммуникабельность; кругозор; культура души; культурный опыт; личный пример; любовь; любовь к ближнему; мероприятия по овладению эмоциональной стороной; механизм обеспечения сохранности исторической памяти поколений; мировоззрение; наука, обучающая детей; необходимо для регулирования общественных отношений; необходимость подавать пример; обеспечение материальными благами; образованность; общение; обычаи; обязанность; одежда; опора; основа; патриотизм; подчинение; показатель любви родителя к ребенку; показатель образованной личности; понимание; порядок; порядочность; правильный поступок; пример для подражания; принципы; программа; просвещение; процесс принятия человеком важных</p>
---	---

	<p>правил и идей; разносторонность; решительность; розги; свое мнение; сила воли; система; совесть; сотрудничество; способность донести сложное простыми словами; стремление; счастье; терпимость; толерантность; тренировка воли; труд; трудности; умение быть наравне с теми, кто априори не равен; устои; учитель; цель; человечность; четкое обдумывание своих поступков и решений; чувство такта; эстетика 1.</p> <p>Всего 417 реакций, из них различных – 128.</p>
--	--

Представленные ассоциативные поля отличаются количеством полученных реакций. В ассоциативном поле **Воспитание** различных реакций значительно (в два раза) больше, чем в ассоциативном поле **Образование**. Это связано с преобладанием единичных реакций (71:29) в ассоциативном поле **Воспитание**. Следует отметить, что большинство этих единичных реакций представляет собой не одно слово, а развернутую дефиницию (*введение в историю и культуру; знание норм этики и морали, прививающиеся с детства; механизм обеспечения сохранности исторической памяти поколений; процесс принятия человеком важных правил и идей* и т.д.). Данный факт позволяет предположить, что лексема **образование** в сознании носителей русского языка четче ассоциируется с общественными институтами, на которые люди возлагают ответственность за получение этого самого образования. Лексема **воспитание**, на наш взгляд, является более «близкой» такому общественному институту, как семья. Таким образом, семантика данной лексемы больше осмысливается всеми членами семьи и, соответственно, имеет большее ассоциативное разнообразие.

Для того чтобы проанализировать и сравнить представленность лексем **образование** и **воспитание** в русском языковом сознании, полученные данные были нами распределены по смысловым зонам [Шаманова 2008, 2015]. Отметим, что в скобках указывается процент соотношения ассоциаций, составляющих данную смысловую зону, к общему количеству ассоциаций. Благодаря наполненности той или иной смысловой зоны можно выявить ядерные и периферийные смысловые зоны ассоциативного поля в языковом сознании носителей русского языка.

Представим полевую организацию лексем **образование** и **воспитание** (см. Таблица 2).

Таблица 2. Полевая организация семантики лексем

ОБРАЗОВАНИЕ	ВОСПИТАНИЕ
ЯДРО	
<p>Процесс усвоения знаний; обучение как система (46%): процесс получения базовых знаний, умений и навыков 58; знания 38; система воспитания и обучения личности 20; навыки 16; умения 14; воспитание, которое дали родители 9; наука; познание 8; просвещение 4; взросление; процесс формирования ума, характера и способностей человека 1</p>	<p>Процессы, связанные с приобщением человека к общественным нормам и установкам (46%): процесс нравственного формирования личности 32; целенаправленное слияние на развитие личности 23; процесс усвоения установленных норм в обществе 21; обучение; передача жизненного опыта 16; процесс обучения человека правилам поведения 15; привитие навыков 9; процесс привития человеку общественных норм; процесс целенаправленного развития интеллекта 8; духовное становление личности; управление процессом развития личности; формирование восприятия действительности 6; длительный, кропотливый труд педагога; подготовка к жизни 5; взаимодействие воспитателя и воспитанника 4; процесс, которым занимается общество и родители; формирование жизненной позиции 3; воздействие на сознание; деятельность родителей; педагогический процесс; получение жизненного опыта; саморазвитие; социализация 2; введение в историю и культуру; взаимообогащение; общение; просвещение; процесс принятия человеком важных правил и идей; сотрудничество; тренировка воли; труд; четкое обдумывание своих поступков и решений 1</p>
БЛИЖНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ	
	<p>Результаты воздействия на личность (28,3%): манера поведения в обществе 24; вежливость; тактичность; уважение 7; положительное восприятие окружающих; формирование характера 6; соблюдение установившихся общественных норм и правил 5; мораль 4; ответственность; умение; ценности; этикет 3; знания; нравственность; преданность; система моральных ценностей и установок 2; добродушие; доброта; долг; знание норм этики и морали, прививающиеся с детства; интеллигентность;</p>

	<p>коммуникабельность; кругозор; культура души; культурный опыт; любовь; любовь к ближнему; мировоззрение; образованность; одежда; основа; патриотизм; подчинение; понимание; порядок; порядочность; правильный поступок; принципы; разносторонность; решительность; свое мнение; сила воли; совесть; терпимость; толерантность; умение быть наравне с теми, кто априори не равен; человечность; чувство такта 1</p> <p>Факторы, оказывающие воздействие на личность (22%): то, что дала семья 13; забота о детях 10; дисциплина; заложенные с детства моральные принципы и рамки; то, что дала школа 7; культура 5; родители; семья 4; необходимость 3; институт; качество человека; ласка; нормы; общество; окружение; правила; традиции 2; жизнь; забота; занятие; личный пример; мероприятия по овладению эмоциональной стороной; необходимость подавать пример; обычаи; обязанность; пример для подражания; программа; розги; система; стремление; трудности; устои; учитель 1</p>
ДАЛЬНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ	
<p>Назначение образования (18%): саморазвитие 32; расширение кругозора 20; становление личности 12; получение профессии 4; важная часть человеческой жизни; универсальное средство для завоевания власти 1</p> <p>Возможности и преимущества, предоставляемые образованием (11%): интеллект 9; грамотность 6; благо; образованность; путевка в жизнь; речь; сила; способность принимать взвешенное решение; стабильность; успех 2; бумажка; дорога в жизнь; достаток; достижения; карьера; начитанность; обеспечение старости; память; статус; стильно; уверенность; умение оценивать происходящее 1</p> <p>Необходимость для будущего (9%): будущее 16; необходимость 8; важно 6; воплощение мечты 2; жизнь; то, чем человек будет пользоваться каждый день; то, что пригодится человеку в дальнейшем 1</p>	

<p>Требует усилий (8,8 %): труд 12; работа 8; время; деньги; терпение 2; бег; выдержка; дисциплина; естественный отбор; много дел; мозговой штурм; упорство; целенаправленность 1</p>	
КРАЙНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ	
<p>Интерес (2,6%): интерес к изучению нового материала 10 Источник образования (2%): книги 8 Место получения образования (1,6%): учебные заведения 6 Процесс передачи знаний, умений и навыков (1%): процесс передачи знаний, умений и навыков 4</p>	<p>Знания и реалии, необходимые для процесса воздействия на личность (2%): этика 2; борьба; механизм обеспечения сохранности исторической памяти поколений; наука, обучающая детей; обеспечение материальными благами; способность донести сложное простыми словами; цель; эстетика 1 Оценка результатов воздействия на личность (1,7%): важное в жизни человека 2; необходимо для регулирования общественных отношений; опора; показатель любви родителя к ребенку; показатель образованной личности; счастье 1</p>

В ядерную смысловую часть поля обеих лексем входит по одному компоненту (у лексемы **образование** – Процесс усвоения знаний; обучение как система, а у лексемы **воспитание** – Процессы, связанные с приобщением человека к общественным нормам и установкам), одинаковых в процентном соотношении – 46%. Обращает на себя внимание тот факт, что и в том, и в другом случае лексема ассоциируется с процессом, предполагающим последовательное прохождение определенных ступеней в развитии личности.

Следует отметить, что ближняя периферия семантики лексемы **воспитание** представлена двумя компонентами – Результаты воздействия на личность (28,3%) и Факторы, оказывающие воздействие на личность (22%). У лексемы **образование** ближняя периферия отсутствует. В то же время дальняя периферия представляет собой полную противоположность. Так, у лексемы **воспитание** она отсутствует, а у лексемы **образование** она представлена четырьмя компонентами – Назначение образования (18%); Возможности и преимущества, предоставляемые образованием (11%); Необходимость для будущего (9%) и Требует усилий (8,8%).

Крайняя периферия у обеих лексем наиболее компактная, несмотря на то, что у лексемы **образование** в нее входит четыре компонента: Интерес (2,6%); Источник образования (2%); Место получения образования (1,6%) и Процесс передачи знаний, умений и навыков (1%), а у лексемы **воспитание** два компонента: Знания и реалии, необходимые для процесса воздействия на личность (2%) и Оценка результатов воздействия на личность (1,7%).

Сравнительный анализ полевой организации позволяет нам сделать вывод о том, что обе лексемы актуальны для русского языкового сознания. В то же время наличие ближней периферии у лексемы **воспитание** свидетельствует о ее большей значимости для обыденного сознания носителей русского языка (поскольку процесс воспитания личности прочно ассоциируется с семьей), демонстрирует не просто осознание ее значения, но и важность в повседневном общении.

Отсутствие дальней периферии у лексемы **воспитание** и ее наличие у лексемы **образование** говорит о некоторой «не востребованности» лексемы **образование** в процессе повседневного коммуникативного взаимодействия.

На основе представленных ассоциативных полей и смысловых зон нами были сформулированы психолингвистические значения (ПЛЗ) лексем **образование** и **воспитание** в современном русском языковом сознании (см. Таблица 3).

Таблица 3. Психолингвистические значения слов

ОБРАЗОВАНИЕ	ВОСПИТАНИЕ
<p>1. Процесс получения базовых знаний, умений и навыков 79, требующий усилий 34, предназначенный для саморазвития 32, расширения кругозора 20, становления личности 13, вызывающий интерес 10, который осуществляется с помощью книг 8, в учебных заведениях 6 для получения профессии 4 в качестве важной части человеческой жизни и универсального средства для завоевания власти 1.</p> <p>2. Знания 38, необходимые для будущего 35; навыки 16, умения 14, предоставляющие возможности и преимущества 14 в приобретении жизненных благ 14, в развитии интеллекта 9, грамотности 6.</p> <p>3. Система воспитания и обучения личности 20, созданная родителями 9.</p> <p>4. Процесс передачи знаний, умений и навыков 4.</p>	<p>1. Целенаправленное педагогическое воздействие на личность 113 при помощи семьи 42 и социальных институтов 14.</p> <p>2. Овладение человеком правилами поведения в обществе и в личной жизни 79.</p> <p>3. Процесс формирования у человека нравственных норм и принципов 79.</p> <p>4. Наличие у человека духовно-нравственных качеств 64.</p> <p>5. Соблюдение определенных правил 28.</p> <p>6. Приобретение жизненного опыта 11.</p>

У лексемы **образование** было выявлено четыре ПЛЗ, а у лексемы **воспитание** – шесть ПЛЗ. Наиболее яркое ПЛЗ лексемы **образование** содержит сему «процесс», а у лексемы **воспитание** – сему «воздействие». На наш взгляд, сема «процесс» носит более абстрактный характер, в то время как сема «воздействие» подразумевает направленное влияние (в большей степени со стороны семьи). Образование как некий абстрактный процесс не предусматривает подобного целенаправленного воздействия на

личность со стороны семьи, о чем свидетельствуют такие компоненты ПЛЗ, как «предназначенный для саморазвития», «предназначенный для расширения кругозора», «предназначенный для становления личности» и т.д.

Наличие такого ПЛЗ, как «система воспитания и обучения личности, созданная родителями», у лексемы **образование** позволяет сделать вывод о тесной взаимосвязи лексем **образование** и **воспитание** в сознании носителей русского языка, которые зачастую путают исследуемые лексемы в процессе коммуникации в силу их схожей семантики.

Присутствие компонента «процесс передачи» в ПЛЗ «Процесс передачи знаний, умений и навыков» у лексемы **образование** и отсутствие его у лексемы **воспитание** свидетельствует о том, что в сознании носителей русского языка уже сформировалось представление о возможности передачи образования в виде знаний, формирования умений и навыков.

Исходя из представленных ПЛЗ, в сознании носителей русского языка воспитание понимается как духовно-нравственный процесс, требующий не только внешнего воздействия, но и постоянных усилий со стороны самого субъекта.

Таким образом, ПЛЗ слов **образование** и **воспитание** имеют, с одной стороны, определенные интегральные семы, с другой – яркие дифференциальные семы.

Литература

Казакова Е.Н. Образование, воспитание и обучение как единое целое / Е.Н. Казакова // Педагогическое мастерство: материалы VII Международной научной конференции (Москва, ноябрь 2015 г.). – Москва: Буки-Веди, 2015. – С. 10-12.

Селезнева К.О. Использование метода сплошной выборки при изучении тематической группы **Образование** (на материале Толкового словаря русского языка) / К.О. Селезнева // Язык и национальное сознание: сборник научных трудов / Науч. ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Издательство «РИТМ», 2022а. – Вып. 28. – С. 24-29.

Селезнева К.О. Лексикографическое и психолингвистическое значение лексемы **Образование** / К.О. Селезнева // Сопоставительные исследования 2022: сборник научных статей / Науч. ред. М.А. Стернина. – Воронеж: Издательство «РИТМ», 2022б. – Вып. 19. – С. 129-134.

Селезнева К.О. Метод сплошной выборки при работе с лексико-семантической группой / К.О. Селезнева // Теоретические и прикладные аспекты современной науки: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции (30 июня 2014 г.) / Под общ. ред. М.Г. Петровой. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2014. – С. 52-57.

Селезнева К.О. Психолингвистическое исследование лексемы **Образование** (по результатам направленного ассоциативного эксперимента) / К.О. Селезнева // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2021а. – № 4. – С. 60-62.

Селезнева К.О. Тематическая группа «Образование» в русском языке (на примере анализа Большого словаря русского жаргона) / К.О. Селезнева // Социальные и гуманитарные знания. – Том 7. – № 2 (26). – Ярославль: Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, 2021б. – С. 212-222.

Шаманова М.В. Коммуникативная лексика русского языка: состав, семантика, функционирование: дис. ... докт. филол. наук / М.В. Шаманова. – Киров, 2015. – Т. 1: 463 с.; Т.2: 194 с.

Шаманова М.В. Общение как коммуникативная категория в русском языковом сознании: монография / М.В. Шаманова / Науч. ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета. – 2008. – 227 с.

Т.Ю. Павлова (Кострома)

АССОЦИАТИВНЫЕ СВЯЗИ У ДЕТЕЙ С ДИЗОРФОГРАФИЕЙ (пилотный эксперимент)

Аннотация: В статье приводятся теоретические выкладки о явлении дизорфографии, ее причинах, об особенностях вербального мышления детей с нарушениями письма. Приведены результаты эксперимента изучения словесно-логического мышления у пяти школьников с дизорфографией. Высказаны три гипотезы о связи их грамматического строя речи с их ассоциативно-вербальными сетями, с их ассоциациями. Задачами эксперимента были: определение частеречной структуры стимулов в эксперименте в соответствии с известными исследованиями; количественный и качественный отбор стимулов для каждого класса; выявление нулевых реакций; изучение вхождения реакций в ядро или периферию ассоциативного поля стимула по сравнению с Ассоциативным словарем школьников Саратова и Саратовской области (АСШС); выявление типов связи (парадигматическая, синтагматическая, опосредованная) между реакцией и стимулом, изучение особенностей этих типов связи. Описаны ассоциативные эксперименты с этими же детьми (по 9–12 стимулов), приведены их результаты в зависимости от пола, возраста (2, 4, 5 классы). Указано на учет энтропии каждого конкретного стимула. В результате анализа результатов эксперимента в качестве выводов сформулировано три тезиса (в соответствии с тремя первоначальными гипотезами). Также представлены пути дальнейших исследований в этом направлении.

Ключевые слова: дизорфография, словесно-логическое мышление, ассоциативный эксперимент, ассоциативно-вербальная сеть, энтропия

Abstract: The article provides theoretical calculations about the phenomenon of disorfography, its causes, about the peculiarities of verbal thinking of children with writing disorders. The results of the experiment of studying verbal-logical thinking in five schoolchildren with disorfography are presented. There are three hypotheses about the connection of their grammatical system of speech with their associative-verbal networks, with their associations. The objectives of the experiment were to determine the particle structure of incentives in the experiment according to known studies; quantitative and qualitative selection of incentives for each class; detection of zero reactions; study of the entry of reactions into the nucleus or periphery of the associative field of stimulus in comparison with the Associative Dictionary of Schoolchildren of Saratov and Saratov region (ACWS); Identification of types of communication (paradigmatic, syntagmatic, mediated) between reaction and stimulus, study of peculiarities of these types of connection. Associative experiments with the same children are described (on 9–12 stimuli), their results are given depending on gender, age (2, 4, 5 classes). It indicates the entropy of each particular stimulus. As a result of the analysis of

the results of the experiment, three points (according to the three original hypotheses) are formulated as conclusions. Ways of further research in this direction are also presented.

Key words: disorthography, verbal-logical thinking, associative experiment, associative-verbal network, entropy

«Дизорфография – это стойкое и специфическое нарушение в усвоении и овладении орфографическими знаниями, умениями и навыками и использовании морфологического принципа орфографии, которое проявляется в разнообразных и многочисленных орфографических ошибках. В основе нарушения лежит нарушение языкового и когнитивного развития» [Азова 2021, с. 9]. В настоящее время специалисты общеобразовательных учреждений отмечают рост количества орфографических ошибок в текстах школьников третьих и четвертых классов, поэтому данная проблема является крайне актуальной.

Исследование познавательных процессов у учащихся с дизорфографией О.В. Елецкой выявило своеобразие их психологического статуса, проявляющееся на операционально-технологическом уровне организации психической деятельности: «пониженная, по сравнению с условно возрастной нормой, произвольность психической активности и аффективной регуляции, низкая умственная работоспособность, затруднения произвольной концентрации и переключения внимания, его повышенная отвлекаемость, недостаточный объем памяти и неточность воспроизводимой информации. Отмечается недостаточный уровень развития алгоритмического мышления и диспропорция в функционировании мыслительных операций на наглядно-практическом и словесно-логическом уровне» [Елецкая 2012, с. 85].

В ходе эксперимента по изучению особенностей лексического запаса и лексических операций у школьников с дизорфографией О.В. Елецкая отметила существенные различия количественных показателей состояния лексического запаса и лексических операций школьников из экспериментальной и контрольной групп. «Проведенное исследование выявило у 42 % школьников с дизорфографией выраженное своеобразие лексического компонента системы языка» [Елецкая 2014, с. 159].

Причинами дизорфографии могут быть разные явления (либо их комплексы): нарушения языкового анализа и синтеза, нарушение грамматического строя речи, недостаточно развитая лексика, несформированность навыков связной речи и др. «Уровень овладения навыками грамотного письма учащимися начальных классов определяется грамматическими правилами конструирования слов в предложениях, точным выбором словоформ с точки зрения семантики языка, стилистически верным их употреблением и сформированностью орфографических навыков» [Прищепова 2019, с. 18]. Последние напрямую зависят от устной речи и в качестве компонента включаются в речевую деятельность (в письменном выражении).

Как известно, организацию языковой способности человека отражает ассоциативно-вербальная сеть (АВС) на грамматико-семантическом, когнитивном и прагматическом уровнях (Ю.Н. Караулов). Одним из основных способов получения знаний о реальной структуре лексикона с конца XX века стал признаваться ассоциативный эксперимент. «Лексические единицы, полученные в качестве ассоциативных реакций школьников в свободном ассоциативном эксперименте, входят в лексикон современного школьника и относятся к его активному словарю, поскольку каждая из единиц находится в языковом сознании в совершенно определенных системных семантических связях с другими единицами в его ассоциативно-вербальной сети» [Сдобнова 2013, с. 20]. Если у предъявляемого в ассоциативном эксперименте стимула в языковом сознании школьника устойчивая связь отсутствует, то отсутствует и ассоциативная реакция. Представляется, что у детей с дизорфографией недостаточно сформирована (по отношению к данному возрасту) АВС и неустойчивы связи между лексическими единицами. Это объясняет их низкий уровень вербального мышления.

В последние два десятилетия появляются ассоциативные словари и материалы к ним, исследующие языковое сознание отдельных групп носителей языка, в том числе возрастные. Так, в 2011 г. в Саратове вышел «Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников I–XI классов» («Ассоциативный словарь школьников Саратова и Саратовской области» – АСШС) [Гольдин 2011]. Как писал И.А. Стернин, представляя монографию А.П. Сдобновой «Лексикон школьника как динамическая система», «словарь создал принципиально новую базу для исследования возрастной динамики развития лексикона ребенка... Этот словарь представляет собой огромную ценность для науки, поскольку дает возможность проводить на его базе самые разнообразные лингвистические, психолингвистические, когнитивные, педагогические, психологические и другие исследования» [Стернин 2016, с. 475].

«Установлено, что региональные особенности ассоциаций проявляются в основном в названиях отдельных географических объектов, региональных артефактов и подобных номинациях, фиксируемых в АСШС, как правило, в единичных и низкочастотных реакциях, и, таким образом, ассоциативно-вербальные сети школьников различных регионов в основном совпадают, АСШС фактически не имеет регионального характера и репрезентирует общие особенности внутреннего лексикона российских русскоязычных школьников конца XX – начала XXI в.» [Сдобнова 2013, с. 20-21]. «Чаще всего доминирующим фактором, определяющим специфику лексикона школьника, выступает возрастной фактор и тесно связанные с ним социокультурные и психофизиологические особенности учащихся» [Сдобнова 2013, с. 23].

Гендерный фактор, по наблюдениям А.П. Сдобновой, не оказывал существенного влияния на специфику лексикона.

Ядро языкового сознания (ЯС) школьников было выделено авторами АСШС по методике А.А. Залевской на базе обратных статей АСШС. Возрастные варианты ядра ЯС определялись в соответствии со следующими возрастными группами: ядро ЯС младших школьников 1-4 кл., ядро ЯС двух групп подростков 5-6 кл. и 7-8 кл., ядро ЯС старшеклассников 9-11 кл. Конкретные слова из ядер ЯС по данным возрастным группам (по 75-78 единиц) представлены в работе А.П. Сдобновой «Единицы ядра языкового сознания современного школьника» [Сдобнова 2007, с. 100]. При отборе единиц для ассоциативного эксперимента мы ориентировались на частеречную принадлежность стимулов, также описанную исследователем [Сдобнова 2017, с. 13].

В пилотном ассоциативном эксперименте участвовало 5 детей с дизорфографией вторых – пятых классов. Ранее с ними был проведен эксперимент на определение уровня развития вербального (словесно-логического) мышления по методике определения умственного развития нормальных и аномальных детей (7–9 лет), разработанной Э.Ф. Замбацянчине на основе некоторых методик теста структуры интеллекта Р. Амтхауэра. Тест состоял из 4 субтестов. В результате четверо из этих детей имеют уровень словесно-логического мышления ниже среднего (по дифференциации на четыре уровня – низкий, ниже среднего, средний / нормальный, высокий), один мальчик 4-го класса показал нормальный уровень.

Гипотезы эксперимента:

1. У детей с дизорфографией возможны частотные отказы на предъявленные стимулы вследствие недостаточной сформированности АВС.

2. У детей с дизорфографией реакции на стимулы зачастую не входят в ядро ассоциативного поля стимулов вследствие неустойчивости АВС.

3. У детей с дизорфографией реакции представляются парадигматическим типом связи со стимулом вследствие недостаточно развитого грамматического строя речи.

Приведем результаты пилотного ассоциативного эксперимента с пятью детьми 2-5-х классов, имеющими нарушения при письме (2 класс – мальчик-2, девочка-2; 4 класс – мальчик-4, девочка-4; 5 класс – девочка-5).

2 класс (мальчик-1 и девочка-2)

Из ядра лексикона младших школьников мы отобрали 9 стимулов для 2-го класса: 56% имен существительных, 22% имен прилагательных, 11% глаголов, 11% местоимений. Из выбранных нами слов из ядра

лексикона младшего школьника в ассоциативном словаре не оказалось статей к двум стимулам (**злой, одежда**).

Два стимула (**собака, мальчик**) дали у обоих детей одинаковые реакции (*кошка, девочка*), обе они являются первыми в списке реакций на данный стимул в ассоциативном поле (АП) словаря (с частотой 21 и 50 соответственно).

У мальчика-2 пять из семи реакций входит в ядро АП стимула, причем самой первой лексемой (**большой – маленький, я – ты, плохой – хороший** и две реакции, упомянутых выше); одна его реакция (**школа – дом**) совпадает с единичной реакцией, представленной в поле словаря (менее 1 % от реакций); еще одна его реакция (**гулять – идти домой**) не представлена в данном поле, она состоит из двух лексем, имеет логичное антонимическое значение.

У девочки-2 всего одна реакция (кроме двух упомянутых выше) входит в ядро АП стимула (**гулять – играть**) с частотой 15 (больше 5% от всех реакций); еще три ее реакции (менее 3% каждая) относятся к периферии АП (**школа – садик, я – он, плохой – добрый**); одна реакция не представлена в АП стимула (**большой – низкий**), но, по существу, обладает антонимическим значением по отношению к нему.

И у мальчика-2, и у девочки-2 абсолютно все реакции (все 9) представлены парадигматическими связями, причем у мальчика все реакции антонимические, у девочки их две трети.

4 класс (мальчик-4 и девочка-4)

Из ядра лексикона младших школьников мы отобрали 12 стимулов для 4-го класса: 50% имен существительных, по 17% имен прилагательных и глаголов, по 8% местоимений и наречий. Из выбранных нами слов из ядра лексикона младшего школьника в ассоциативном словаре не оказалось статей к двум стимулам (**злой, одежда**).

Ни одна из реакций у этих детей не совпала между собой.

У мальчика-4 ни одна из реакций не входит в ядро АП стимулов (частота пяти реакций – менее 5% у каждой); а пять реакций вообще не выявлено в АП стимулов (**быстро – делай задания, дело – взрослое, сильный – лев, говорить – о друзьях, радость – семьи**), хотя эти реакции нельзя назвать неожиданными, немотивированными, неинтерпретируемыми.

У девочки-4 пять реакций (**быстро – медленно, сильный – слабый, ты – я, говорить – молчать, радость – грусть**) входят в ядра АП стимулов (находятся на первом или втором месте по частоте таких реакций во всем поле); одна реакция (**цветок – цветок**) находится на периферии АП (менее 3%); еще четыре реакции не выявлено в АП стимулов (**вещь – ваза, дело – смелое, писать – уверенно, улица – нетух**), хотя семантически они, безусловно, связаны со стимулами.

У мальчика-4 практически все реакции (11 из 12) представлены синтагматическими связями, причем семь из них построены по типу согласования (мальчик с нормальным уровнем словесно-логического мышления); одна реакция вступает в опосредованный тип связи со стимулом (**ты** – *мама*), демонстрируя тематическую связь «семья». Исследование семантических связей между стимулом и реакцией в ассоциативном эксперименте представлено в работе С.П. Васильевой, Т.М. Низамудиновой [Васильева, Низамудинова 2020, с. 207], мы опирались на такое же деление связей.

У девочки-4 половина реакций представлена парадигматическими связями с антонимическими отношениями; еще три реакции – синтагматическими связями, построенными по двум типам (согласование, согласование, примыкание); три реакции вступают в опосредованный тип связи со стимулом (**вещь** – *ваза*, **улица** – *петух*, **цвет** – *цветок*), причем первая из них наглядно-образным способом конкретизирует стимул, сужая его до бытового предмета, третья является однокоренным словом, вторая же демонстрирует развитое воображение ребенка, рисуя хоть и наглядный образ, но нестандартный для городского жителя.

5 класс (девочка-5)

Из ядра лексикона младших школьников мы отобрали 12 стимулов для 5-го класса: 50% имен существительных, по 17% имен прилагательных и глаголов, по 8% предиката **нет** и наречий. Из выбранных нами слов из ядра лексикона младшего школьника в ассоциативном словаре не оказалось статьи к одному стимулу (**животное**).

У девочки-5 половина реакций входит в ядро АП стимулов; четыре реакции относятся к периферии АП стимулов (менее 2% реакций); одна реакция не представлена в АП стимула (**делать** – *сидеть*).

Большинство ее реакций демонстрируют парадигматические связи со стимулами (**много** – *больше*, **умный** – *тупой*, **животное** – *птица*, **мир** – *земля*, **делать** – *сидеть*, **добрый** – *злой*, **нет** – *да*, **думать** – *знать*, **город** – *деревня*), в свою очередь, большинство лексем обладают антонимическими связями; три реакции вступают в опосредованный тип связи со стимулом (**голова** – *мозг*, **предмет** – *ложка*, **слово** – *язык*), одна из них наглядно-образным способом конкретизирует стимул, сужая его до бытового предмета, две других демонстрируют устойчивые для русского языка семантические связи со стимулами.

Выводами эксперимента стали следующие тезисы:

1. Нулевые реакции у детей с дизорфографией незначительны или отсутствуют (в нашем эксперименте их 0).
2. Появление реакций в ядре АП стимулов неоднородно у детей с дизорфографией, от значительного их совпадения (у одного ребенка) до практически полного их отсутствия (еще у одного ребёнка), при этом

наблюдается частичное попадание реакций на периферию АП стимулов у других детей, а также среди всех детей выявляются множественные случаи реакций, не входящих в АП стимулов (в нашем эксперименте 12 из 45, или 27%).

3. При преобладании парадигматического типа связи между стимулом и реакцией (особенно у младших детей) наблюдается также значительное присутствие синтагматических и опосредованных связей. При парадигматическом типе связи преобладают антонимические отношения, при синтагматическом типе связи преобладает согласование. Последний вывод несколько удивителен, так как считается, что младшие школьники недостаточно употребляют имя прилагательное в своей речи (2-6%).

Дальнейшая работа должна проводиться со стимулами, имеющими словарные статьи в ассоциативных словарях. Необходимо провести эксперимент с детьми 3-го класса с дизорфографией (для изучения перехода от преобладания парадигматических связей к уменьшению их доли), а также с мальчиками и девочками 5-6-х классов. Считаем, что количество стимулов, предъявляемых за один раз одному ребенку, можно увеличить до 12-15.

Также возможно исследование реакций с точки зрения изучения энтропии АП соответствующих стимулов: чем большее значение принимает показатель энтропии (Н), тем меньше способность данного стимула вызывать наиболее частотные стандартные реакции (поле более размыто), а чем меньше значение Н, тем в большей степени на данный стимул появляются частотные реакции, тем более «компактным» является его АП. Так, в нашем эксперименте имеется два стимула (**думать** и **писать**) с известными значениями энтропии – соответственно 5,533 и 5,035 – в младшей возрастной группе [Усова 2008, с. 170]. Это достаточно высокие показатели, поэтому в АП этих стимулов возможно появление многочисленных единичных реакций. У мальчика 4-го класса реакция на стимул **писать** находится на периферии АП, у девочки 4-го класса на это же слово реакция не попала в АП словарной статьи. У девочки 5-го класса реакция на стимул **думать** попала на периферию АП с единичной частотой. Отметим, что стимулы с высоким показателем энтропии не могут служить основанием для утверждения о том, что реакции детей с дизорфографией всегда находятся на периферии АП стимула или не входят в него.

Таким образом, считаем перспективным проведение ассоциативных экспериментов с детьми с дизорфографией. Несмотря на невысокий уровень словесно-логического мышления, такие дети показывают удовлетворительные, на наш взгляд, результаты при реагировании на стимулы, при этом у них имеются и особенности. Очевидно, что дети с более низким уровнем такого мышления будут испытывать затруднения с представлением своих реакций.

Литература

- Азова О.И. Логопедия. Дизорфография : учебное пособие / О.И. Азова. – Москва : ИНФРА-М, 2021. – 180 с.
- Васильева С.П., Низамудинова Т.М. Изучение динамических процессов внутреннего лексикона школьника методом свободного ассоциативного эксперимента / С.П. Васильева, Т.М. Низамудинова // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. – 2020. – № 3. – С. 203–208.
- Гольдин В.Е., Сдобнова А.П., Мартыанов А.О. Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников I–XI классов: в 2 т. Т. 1. От стимула к реакции. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2011. – 500 с.
- Елецкая О.В. Состояние познавательных процессов у учащихся с дизорфографией / О.В. Елецкая // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2012. – № 3. – Т. 3. – С. 76–85.
- Елецкая О.В. Особенности лексического запаса и лексических операций у школьников с дизорфографией / О.В. Елецкая // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. – 2014. – № 2-1. – С. 154–159.
- Прищепова И.В. Дизорфография младших школьников: учебно-метод. пособие / И.В. Прищепова. – СПб.: КАРО. – 2019. – 224 с.
- Сдобнова А.П. Возрастная динамика распределения грамматических классов слов в индивидуальном лексиконе / А.П. Сдобнова // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. – 2017. – Т. 17. – Вып. 1. – С. 12-16.
- Сдобнова А.П. Единицы ядра языкового сознания современного школьника / А.П. Сдобнова // Вопросы психолингвистики. – 2007. – № 5. – С. 99-104.
- Сдобнова А.П. Лексикон современного школьника: проблема состава / А.П. Сдобнова // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. – 2013. – Т. 13. – Вып. 3. – С. 19-24.
- Стернин И.А. Динамика развития лексикона ребенка / И.А. Стернин // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. – 2016. – Т. 16. – Вып. 4. – С. 475-478.
- Усова Т.С. Ассоциативные поля в сознании современных школьников / Т.С. Усова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 70-2. – С. 168-171.

А.В. Рудакова (Воронеж)

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ГРУППОВЫХ СЕМАНТИЧЕСКИХ РАЗЛИЧИЙ¹

Аннотация: В статье анализируется групповая специфика значения слова в языковом сознании носителей русского языка, представлен алгоритм ее описания. Отмечается, что групповые особенности значения слова могут быть описаны сопоставительно-параметрическим методом.

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ №20-012-00013 «Дифференциальное описание семантики слова в русском языковом сознании и проблема его лексикографической фиксации».

Ключевые слова: семантика, параметр, ассоциативный эксперимент, групповая специфика

Abstract: The article analyzes the group specificity of the meaning of a word in the linguistic consciousness of native speakers of the Russian language, presents an algorithm for its description. It is noted that the group features of the meaning of the word can be described by the comparative-parametric method.

Key words: semantics, parameter, associative experiment, group specificity

Семантическая интерпретация экспериментальных данных показывает, что психолингвистическое значение многих лексических единиц, описанное по данным, полученным от разных групп носителей языка, часто имеет существенные различия. Это связано, прежде всего, с особенностями личного и социального опыта отдельных групп испытуемых, спецификой их языкового сознания и др.

Лексикографическое описание значения слова предполагает, что семантика слова является универсальной для всех носителей языка. Психолингвистическое описание семантики слова позволяет выявить и сопоставить групповую специфику значения слов в языковом сознании носителей одного языка (гендерную, возрастную, профессиональную, региональную и др.).

Представим *общий алгоритм выявления групповой специфики психолингвистического описания семантики слова*. Он предполагает следующие этапы исследования.

1. Выбор типа (категории) групп, описание психолингвистических различий семантики слов которых будет осуществляться:

- гендерная специфика – семантика слова в языковом сознании мужчин и женщин;
- возрастная специфика – семантика слова в языковом сознании дошкольника, школьника, молодого человека, значения в языковом сознании людей среднего, старшего возраста;
- профессиональная специфика – семантика слова в языковом сознании медицинских работников, математиков, филологов, химиков, экономистов, юристов и др.;
- региональная специфика – семантика слова в языковом сознании жителей отдельных населенных пунктов, регионов и др.

2. Определение списка слов, семантика которых подлежит описанию
Ученый в соответствии с целями исследования определяет критерии отбора исследуемых единиц, объем исследуемого материала.

Для этих целей можно использовать список наиболее частотных слов русского языка (определяется по «Частотному словарю русского языка» О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова [Ляшевская 2009]).

3. Выбор экспериментальных процедур и проведение экспериментов со списком слов

К данному этапу относится проведение ассоциативных экспериментов (свободного и направленного ассоциативного или иного эксперимента) с репрезентативным количеством испытуемых. Обычно каждая группа респондентов должна быть не меньше 100 человек. Все условия при проведении эксперимента в каждой группе должны быть максимально одинаковыми: единообразный бланк с заданиями, примерно один и тот же временной период (разрыв не более 1 года) и др.

Затем проводится первичная обработка результатов экспериментов – формирование ассоциативных полей одноименных стимулов каждой группы испытуемых. При необходимости возможен структурный анализ ассоциатов одноименных полей разных групп носителей языка и дифференцированное описание ассоциативного значения исследуемого слова.

4. Обобщение словарных дефиниций слова, включенных в толковые словари русского языка

На данном этапе осуществляется формулирование интегрированного лексикографического значения каждого слова по данным нескольких словарей русского языка.

5. Семантическая интерпретация экспериментальных данных и формулирование психолингвистических значений слов-стимулов по разработанной модели

Осуществляется сравнение лексикографической и психолингвистической семантем одноименной лексемы: выявляются общие в обоих типах значения семемы (зафиксированные в словарях и актуализированные в эксперименте); выделяются семемы, не вербализованные в эксперименте; описываются семемы, экспериментально выделенные, но не зафиксированные в словарных источниках.

6. Установление группово-маркированных значений (семем) и семантических компонентов (сем)

На данном этапе осуществляется определение наличия или отсутствия групповой специфики семантики слова. Устанавливаются общие и различные семантические компоненты значения слова у представителей разных групп носителей языка, проводится сравнительный анализ индексов яркости общих для языкового сознания групп носителей языка семем и семантических компонентов, выделяются эндемичные семантические компоненты для представителей каждой группы испытуемых.

7. Дифференцированное по групповому признаку описание семантики исследуемого слова.

Представление групповой специфики семантики слова несколько отличается от того, как представляется психолингвистическое значение отдельной лексической единицы. Психолингвистическое описание значения слова, актуального для языкового сознания этноса,

осуществляется на материале экспериментальных данных группы испытуемых, состав которой должен отвечать ряду требований: достаточное количество испытуемых, разнородный состав группы по возрасту, полу, профессиональной сфере, образованности, месту жительства и др. В таком случае можно говорить о психолингвистическом значении слова в языковом сознании носителей языка. При описании групповой специфики семантики слова используются экспериментальные данные однородной по какому-либо признаку группы испытуемых (только женщины – женское психолингвистическое значение слова; только люди старшего возраста – психолингвистическое значение в языковом сознании людей старшего возраста; только медицинские работники – психолингвистическое значение слова в языковом сознании медработников; только воронежцы – психолингвистическое значение слова воронежцев и др.). Дифференцированно могут быть описаны групповые особенности значения слова, например: психолингвистическое значение слова в языковом сознании москвичей и воронежцев, психолингвистическое значение слова в языковом сознании дошкольников и школьников начальных классов, психолингвистическое значение слова в языковом сознании испытуемых 90-х годов XX в. и современных носителей языка и др.

Психолингвистическое описание значения слова осуществляется по психолингвистической модели [Стернин 2011]. Затем выполняется сопоставление психолингвистических значений одноименных лексем в языковом сознании двух и более групп испытуемых. Дифференцированное описание психолингвистического значения осуществляется следующим образом:

а) в пределах семантемы:

- выделяются семемы, общие в языковом сознании сравниваемых групп испытуемых: сопоставляется степень актуальности семемы для языкового сознания каждой группы испытуемых (незначительная, значительная, ярко выраженная);

- выявляются семемы, актуальные только для одной группы испытуемых (эндемичные семемы): они описываются как часть языкового сознания конкретной группы испытуемых; определяются причины актуальности семемы для группы носителей языка;

б) в пределах семемы, общей для языкового сознания групп испытуемых:

- выделяются семантические компоненты, общие для языкового сознания сравниваемых групп испытуемых; определяется и сопоставляется степень яркости каждой семы в языковом сознании испытуемых разных групп;

- выявляются эндемичные для отдельной группы испытуемых семантические компоненты; определяются причины актуальности семантических компонентов для языкового сознания носителей языка.

Групповая специфика семантики слова наиболее ярко проявляется при наличии в структуре значения эндемичных для языкового сознания группы испытуемых компонентов значения: на семном уровне (в таком случае говорят о наличии групповых сем в структуре психолингвистического значения) и на семемном уровне (это свидетельствует о наличии групповых семем). Групповая специфика психолингвистического значения слова проявляется и в разной степени яркости (актуальности) общих семем и семантических компонентов в пределах одной семемы в языковом сознании представителей разных групп.

Групповая дифференциация семантики (гендерная, возрастная, профессиональная, региональная и др.) может быть описана сопоставительно-параметрическим методом. На основе опыта экспериментальных исследований принимаются как достоверно выявившиеся различия в пять и более пунктов; различия в один – четыре пункта не рассматриваются или рассматриваются как потенциально случайные (именно они требуют верификации).

По результатам ассоциативного эксперимента описывается общая картина ассоциативной групповой спецификации семантики слова-стимула: вычисляются индекс яркости групповой ассоциативной реакции на стимул, индекс ассоциативной эндемичности ассоциатов группы и индекс групповой дифференциации ассоциативной семантики слова в целом.

Индекс яркости групповой ассоциативной реакции на стимул вычисляется как отношение количества испытуемых одной группы, давших данную ассоциацию, к общему числу испытуемых группы.

Данный индекс позволяет сравнить яркость отдельных совпадающих ассоциаций в языковом сознании одной из групп носителей языка. Например, ассоциативные поля мужчин и женщины на стимул ПАЛЕЦ имеют следующий вид [БАРКСИС-1]:

Мужчины 100: рука 23; большой 8; руки 7; указательный 6; средний 5; часть тела 4; кисть, на руке 3; безымянный, кольцо, мизинец, сломан 2 и др.

Женщины 100: рука 27; указательный 10; руки 8; большой 7; кольцо, ноготь 6; средний 4; безымянный, ногти 3; длинный, кисть, кривой, на руке, указывать 2 и др.

Наиболее частотный общий для языкового сознания двух групп испытуемых ассоциат *рука* в языковом сознании мужчин имеет индекс яркости 0,23, в языковом сознании женщин – 0,27. Так как различие между индексами яркости мужского и женского ассоциата *рука* менее 0,05, то

такое различие считается незначительным и не учитывается при описании гендерной специфики значения слова.

Гендерная ассоциативная специфика ассоциативных полей проявляется в наличии чисто мужских и чисто женских ассоциатов (в основном это единичные ассоциаты):

- чисто мужские ассоциаты: *часть тела; сломан* (в женском ассоциативном поле есть ассоциаты *сломанная, сломать*); *маленький, двадцать первый, друга, другой, на ноге, ноги, один, орган, шевелится* и др.;

- чисто женские ассоциаты: *ногти* (в мужском ассоциативном поле ассоциат *ноготь*); *прямой, указывать, отрублен, перст, сосать, тупой* и др.

Индекс ассоциативной эндемичности ассоциатов группы вычисляется как сумма индексов яркости всех эндемичных ассоциатов одной группы испытуемых к общему количеству ассоциатов обеих групп. Например, индекс ассоциативной эндемичности ассоциатов стимула ПАЛЕЦ в группе мужчин составляет 0,16, в группе женщин – 0,10. Данный индекс позволяет сравнить степень эндемичности одноименных ассоциативных полей разных групп испытуемых и выявить группу, у которой наиболее ярко представлены чисто групповые реакции. Таким образом, степень ассоциативной эндемичности у мужчин выше, чем у женщин.

Индекс групповой дифференциации ассоциативной семантики слова в целом высчитывается как отношение суммы количества ассоциаций, совпавших у двух групп, но обнаруживших групповые различия по индексу яркости, равному пяти и более пунктам, и чисто групповых ассоциаций (эндемичных для данной группы, например, чисто мужских или чисто женских), имеющих индекс яркости, равный пяти и более пунктам, к общему числу ассоциаций двух групп. Данный индекс позволяет выявить обобщенную картину групповой дифференциации ассоциативной семантики слов в целом. Например, индекс групповой дифференциации ассоциативной семантики слова ДРУЖБА равен 0,35, а соответствующий индекс групповой дифференциации ассоциативной семантики слова ПАЛЕЦ всего 0,03, что свидетельствует о высокой степени групповых различий ассоциатов у стимула ДРУЖБА и о низкой степени этих различий у слова ПАЛЕЦ.

По результатам описания психолингвистического значения отдельных групп носителей языка могут быть выявлены групповые особенности конкретных сем и конкретных значений. Для определения степени групповой специфики семантики слова могут быть вычислены индекс семной дифференциации отдельных групповых значений, совокупный индекс яркости отдельных групповых значений.

Индекс семной дифференциации отдельных групповых значений вычисляется как отношение количества сем, совпадающих в конкретном психолингвистическом значении в обеих группах, но имеющих групповые различия по индексу яркости, равному пяти и более пунктам, плюс чисто групповые семы (характерные для значения только одной из групп и имеющие индекс яркости, равный пяти и более пунктам), к общему списочному составу сем психолингвистического значения.

Данный индекс позволяет сопоставить семный состав значения в групповом сознании носителей языка с точки зрения яркости отдельных сем, а также группового наличия / отсутствия отдельных сем.

Например, психолингвистическая семема «Получать в свою собственность, пользование» слова БРАТЬ в языковом сознании мужчин и женщин имеет следующий вид:

- БРАТЬ (мужчины) – получить 0,05 что-то, например, много 0,01 денег 0,04; взятку 0,11, займы 0,09; противоположно – давать 0,04, отдавать 0,02, отдать 0,01, возвращать (менее 0,01) (СИЯ 0,37);

- БРАТЬ (женщины) – получить что-то 0,06, например, деньги 0,04; займы 0,10, взятку 0,08, на время 0,01; противоположно – давать 0,02, отдавать 0,01, дать 0,01, отдать 0,01 (СИЯ 0,35).

Семы, совпадающие в психолингвистических семемах обеих групп (различающиеся на пять пунктов и более), и эндемичные семы отсутствуют. Индекс семной дифференциации данной семемы равен 0.

Для обобщенного описания результатов сопоставительно-параметрического описания групповой семантики слова и дальнейшего сопоставления результатов с результатами других групповых описаний предлагается качественная шкала яркости групповой дифференциации компонентов семемы, по которой могут быть описаны результаты разного типа экспериментальных исследований (см. *Таблица 1*).

Таблица 1. Групповая дифференциация семантических компонентов семемы

Степень выраженности	Индекс групповой семной дифференциации
не выражена	0,00 – 0,04
слабо выражена	0,05 – 0,20
заметно выражена	0,21 – 0,40
ярко выражена	0,41 – 0,60
гиперярко выражена	0,61 – 0,99
абсолютная степень выраженности (эндемичный признак)	1,00

Согласно приведенной шкале степень выраженности групповой семной дифференциации семемы «Получать в свою собственность,

пользование» лексемы БРАТЬ не выражена, семемы «Нарушение верности в любви» лексемы ИЗМЕНА – как заметно выраженная.

Для выявления групповых различий значений слов используется **совокупный индекс яркости семемы**. Он позволяет сопоставить отдельные психолингвистические значения по яркости в групповой семантеме, выявить общие для двух групп носителей языка семемы, определить семемы, актуальные для одной группы и мало актуальные для другой, выделить ядерные и периферийные значения с точки зрения современного языкового сознания, сопоставить групповое психолингвистическое значение с соответствующими лексикографическими, системными значениями.

Например, мужские и женские семантемы лексемы МОЛОДОЙ имеют следующие различия:

Мужчины

1. Не достигший зрелого возраста. СИЯ 0,56
2. Недавно появившийся, начавший существовать, расти. СИЯ 0,21
3. Бодрый, живой, жизнерадостный (о человеке). СИЯ 0,16
4. Свойственный человеку этого возраста. СИЯ 0,13
5. Не имеющий достаточного опыта. СИЯ 0,12
6. Недавно начавший деятельность в какой-л. области. СИЯ 0,05

Женщины

1. Не достигший зрелого возраста. СИЯ 0,67
2. Свойственный человеку этого возраста. СИЯ 0,24
3. Не имеющий достаточного опыта. СИЯ 0,11
4. Бодрый, живой, жизнерадостный (о человеке). СИЯ 0,04
5. Недавно появившийся, начавший существовать, расти. СИЯ 0,02
6. Недавно начавший деятельность в какой-л. области. СИЯ 0,02

И для мужчин, и для женщин не актуальны три лексикографические семемы: «Недавно приготовленный и еще не имеющий достаточной крепости, остроты (о некоторых напитках, продуктах)»; «Супруг, только что или недавно вступивший в брак»; «Употребляется при обозначении детей – в отличие от родителей (обычно в сочетании с фамилией)».

Порядок семем в мужских и женских семантемах не совпадает с лексикографическим порядком фиксации отдельных значений. Сравнение групповых семантем и совокупных индексов яркости соответствующих семем показывает, что из первых шести семем место в семантеме совпадает только у первого и шестого значения (при несовпадении индексов яркости семем). Остальные семемы в мужской и женской семантемах занимают разные позиции.

Только одна семема «Не имеющий достаточного опыта» имеет почти одинаковый совокупный индекс яркости (0,12 у мужчин и 0,11 у женщин).

Остальные семемы значительно различаются по данному количественному показателю: семема «Недавно появившийся, начавший существовать, расти» в 10 раз ярче у мужчин (СИЯ 0,21 и 0,02 соответственно); семема «Бодрый, живой, жизнерадостный» в 4 раза ярче у мужчин (СИЯ 0,16 и 0,04); семема «Недавно начавший деятельность в какой-л. области» в 2,5 раза ярче у мужчин (СИЯ 0,05 и 0,02). Только одна семема – «Свойственный человеку этого возраста» – ярче в семантеме женщин (СИЯ 0,24 и 0,13).

Применительно к семантеме (совокупности значений) при определении уровня групповых различий используется следующая шкала (см. Таблица 2).

Таблица 2. Шкала определения уровня групповых семантических различий в семантеме

Уровень групповых семантических различий	Показатели семантических различий
<i>отсутствие различий</i>	уровень различий значений по яркости – ниже 0,05; все значения совпадают
<i>очень низкий уровень</i>	уровень различий значений по яркости – ниже 0,10; все значения совпадают
<i>невысокий уровень</i>	уровень различий значений по яркости от 0,11 до 0,25; все значения совпадают
<i>существенный уровень</i>	уровень различий значений по яркости от 0,25 до 0,50; все значения совпадают; либо уровень различий совпадающих семем – не ниже 0,10; наличие одного несовпадающего значения
<i>высокий уровень</i>	совпадающие различаются по яркости от 0,50 до 0,70; наличие совпадающих и несовпадающих значений либо наличие чисто групповых значений
<i>гипервысокий уровень</i>	совпадающие различаются по яркости более 0,70; наличие совпадающих и несовпадающих значений либо наличие чисто групповых значений

В соответствии с приведенной шкалой уровень групповых различий психолингвистических семантем мужчин и женщин у слова МОЛОДОЙ – невысокий: отсутствуют чисто групповые семемы, индексы яркости совпадающих семем различаются не более чем на 0,20.

Групповые семантические различия требуют определенного комментария. Выделяют два вида комментария – языковой и когнитивный.

В языковом комментарии отражена дифференциация языкового сознания сопоставляемых групп носителей языка, он показывает выявленные различия, касающиеся лексико-семантических параметров сопоставляемых значений – количество значений, наличие совпадающих и несовпадающих значений, различия в яркости совпадающих значений, различие в полевой организации семантемы слова, различия в составе

семантических компонентов и их яркости, различия в оппозитах, симилярах, прецедентных текстах, актуализируемых словом, типовой сочетаемости. Гендерная специфика может проявляться и в фиксации наиболее активно развивающихся значений в отдельных группах носителей языка, рецептивных значений.

Когнитивный анализ представляет собой результат когнитивной интерпретации результатов дифференциального описания значений, дает характеристику когнитивных особенностей сознания разных групп носителей языка, выявляющихся при описании результатов исследования. Когнитивный комментарий выявляет определенные тенденции когнитивного осмысления предметов или явлений сознанием, но не предполагает категоричного утверждения того или иного когнитивного факта, поскольку эта тенденция может проявляться только в данной группе испытуемых, только в определенное время и зависеть от многих других параметров.

Приведем примеры языкового комментария (ЯК) и когнитивного комментария (КК) отдельных слов (на материале возрастных особенностей семантики слов).

ВОЙНА

ЯК: в молодежном языковом сознании выявляются значения «Неприяженные отношения» и «Борьба за достижение своих целей», в сознании взрослых эти значения не представлены.

КК: взрослое сознание не концептуализирует явления, не связанные непосредственно с боевыми действиями, как войну.

ЖИЗНЬ

ЯК: в молодежном языковом сознании выявляются яркие семантические признаки «долгая», «счастливая», во взрослом – «короткая», «быстрая», компонент «счастливая» представлен единичной реакцией; во взрослом языковом сознании выявляется значение «Быт», для молодежного сознания это значение не актуально.

КК: концепт хорошо освоен обеими возрастными группами, но имеет яркую содержательную дифференциацию: в сознании взрослых он отождествляется с повседневным бытом, для молодежи этот признак отсутствует; в молодежном концепте наиболее яркие признаки связаны со счастьем и длительностью жизни, а взрослый концепт более пессимистичный, акцентируется внимание на быстротечности жизни.

Для подтверждения или опровержения сделанных выводов о групповой специфике психолингвистического значения слова проводятся верификационные эксперименты. Составляется список эндемичных семем и эндемичных семантических компонентов исследуемого слова. Испытуемым предлагают отметить те семантические компоненты (семемы), которые, по их мнению, присущи данной лексеме для представителей речи группы носителей языка. При обработке результатов

верификационного эксперимента учитывается следующее: если более 50% опрошенных отмечают сему /семему как характерную для исследуемой группы носителей языка, то полученные данные включаются в описание группового психолингвистического значения; если испытуемых, подтвердивших наличие данной семы / семемы, менее 50%, то она исключается из психолингвистического описания, признак / семема считается несущественным, случайным.

Необходимо также отметить, что лексическая единица в языковом сознании носителей языка может как иметь групповую специфику, так и не иметь ее. Хотя можно предположить, что групповая специфика значения может быть выявлена у всех лексических единиц. Отсутствие групповой семантики может быть связано с тем, что, скорее всего, она просто не вербализовалась в конкретном эксперименте (мало опрошенных, нужно провести иной тип эксперимента).

Таковы некоторые особенности описания групповой семантики слова.

Литература

Ляшевская О.Н. Частотный словарь современного русского языка на материалах Национального корпуса русского языка [Текст] / О.Н. Ляшевская, С.А. Шаров ; Российская акад. наук, Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. – М. : Азбуковник, 2009. – 1087 с.

Стернин И.А. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы : монография / И.А. Стернин, А.В. Рудакова. – LAP Lambert Academic Publishing : Saarbrücken, 2011a. – 192 с.

Л.А. Шабанова (Воронеж)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АССОЦИАТИВНЫХ ПОЛЕЙ ОДНОКОРЕННЫХ СЛОВ-СТИМУЛОВ ОТВЕЧАТЬ/ОТВЕТ

Аннотация: Статья посвящена сопоставительному анализу ассоциативных полей однокоренных стимулов ОТВЕЧАТЬ/ОТВЕТ. Сопоставление полей проводилось по таким параметрам, как: частеречный состав, типы ассоциативных связей. Выявились существенные различия в частеречном составе ассоциативных полей. Сравнение типов реакций показывает, что в обоих ассоциативных полях преобладают синтагматические реакции.

Ключевые слова: эксперимент, ассоциация, часть речи

Abstract: The article is devoted to the comparative analysis of associative fields of single-root stimuli to RESPOND/ANSWER. The comparison of fields was carried out according to such parameters as: partial composition, types of associative connections. A significant difference in the partial composition of associative fields was revealed. Comparison of reaction types shows that syntagmatic reactions prevail in both associative fields.

Key words: experiment, association, part of speech

В ходе описания психолингвистического значения слов *ответ* и *отвечать* на основе ассоциативных полей, приведенных в РАС, мы обратили внимание на сходство семантики данных слов, относящихся к разным частям речи. Для более объективного обоснования полученных результатов возникла необходимость сопоставить ассоциативные поля слов-стимулов, связанных отношениями производности: гл. *отвечать* и сущ. *ответ*.

Сопоставление полей проводилось по следующим параметрам: частеречный состав, типы ассоциативных связей и оценочность вербальных ассоциатов.

Рассмотрим результаты анализа частеречного состава полей.

В ассоциативном поле ОТВЕЧАТЬ, по данным РАС, всего реакций на стимул – 523, различных реакций – 183, одиночных реакций – 133, отказов – 6. Приведем ассоциативное поле.

ОТВЕЧАТЬ 523: на вопрос 89; на вопросы 54; вопрос 29; урок 22; быстро 20; за себя 14; невпазд 12; спрашивать 10; говорить, молчать 9; правильно 8; громко, за все, экзамен 6; за поступок, плохо, прямо, смело, четко 4; билет, вопросы, думать, за слова, кратко, не хочу, письмо, по существу, по телефону, правду, у доски 3; анкета, грубо, задавать, закон, за поступки, за содеянное, медленно, мне, не задумываясь, не хочется, ответственность, перед законом, по заслугам, просто, сдавать, спросить, сразу, суд, экзаменатору 2; анатомии, армия, безупречно, бить, бодрость, бумага, в глаза, вопрос билета, вполголоса, вполсилы, вслух, глаза, глазами, глупо, голос, голословно, да, давать показания, дело, дерзко, допрос, жене, жить, за, забывать, заверять, за всех, загадывать, за дела, за кого, замечать, замолчать, застенчиво, за что, звонок, знание, знать, искренне, когда знаешь, коротко, креветка, криком, кричать, кротко, культурно, ласково, лениво, лукаво, любовью, маме, мгновенно, молча, мычать, на анкету, на вопросы читателей, на все, на вызов, на запрос, на звонок, нам, наобум, на отлично, на письма, на письмо, на поставленные вопросы, на предложение, на семинаре, нахально, на что, на экзамене, негромко, неловко, немедленно, не надо, не смогу, нет, односложно, они, ответ, отказом, откровенно, открыто, отлично, очки, перед собою, перед судом, писать, письма, погоду в календаре, по-дружески, по закону, полно, помогать, по стойке смирно, поступок, потребности, преподавателю, приказ, принуждение, рано, решать, робко, рычать, себе, сидеть, сказать, скоро, следовательно, следует, слова, слово, смяться, спор, стоять, строго, судить, так всем, телеграмма, телефон, тихо, точно, убеждать, удовлетворять, укор, уроки, утопия, ученик, учитель, хорошо, человек, честно, школа, я тебя спрашиваю 1.

В данном поле существительных 203, что составляет 39% реакций от общего числа; глаголов 61 – 0,11%; наречий 103 – 20%, местоимений – 3, частиц – 2; союз – 1; предлог – 1.

Анализ ассоциативного поля по типу реакций показывает, что в АП ОТВЕЧАТЬ отмечается 452 синтагматические реакции, что составляет 86% от общего числа по отношению ко всему количеству ответов (*на вопрос 89; на вопросы 54; вопрос 28; урок 22; быстро 20; за себя 14; невпазд; правильно 8; громко, за все, экзамен 6; за поступок, плохо, прямо, смело, четко 4; билет, вопросы, за слова, кратко, по существу, по телефону, правду, у доски 3; грубо, за поступки, за содеянное, медленно,*

мне, не задумываясь, перед законом, по заслугам, просто, перед законом, по заслугам, просто, сразу, экзаменатору 2). Среди них 103 реакции – 23% – являются реакциями адвербиальными.

Парадигматические реакции представляют 104 реакции, что составляет 20 % от общего числа вопросов. В числе парадигматических реакций выделяются следующие виды: антонимические 25: *спрашивать 10, молчать 9, задавать 2, спросить 2, забывать, замолчать 1*; симилары 13: *говорить 9, сдавать 2, давать показания, сказать 1*; гипоперонимические: *писать 1, решать 1, кричать 1, мычать 1, рычать 1*.

Тематические реакции 33 – 6,3%: *анкета, закон, сдавать 2, суд 2; армия, бить, бодрость, бумага, глаза, голос, допрос, жить, звонок, знание, знать, очки, по стойке смирно, следовательно, слова, слово, спор, стоять, телеграмма, телефон, утопия, ученик, учитель, человек, школа 1*.

Коммуникативные реакции 9: *не хочу 3, не хочется 2, не надо 1, нет 1, так всем 1, я тебя спрашиваю 1*.

Не интерпретируются: *креветка 1*.

Рассмотрим ассоциативное поле ОТВЕТ.

ОТВЕТ 482: вопрос 71; правильный 29; на вопрос 28; привет 22; полный 9; быстрый, дан, прямой, точный 8; верный, задача, плохой, хороший 7; дать, держать, отличный 6; глупый, неверный, нет, письмо, удовлетворительный 5; конец 4; готов, неверен, оценка, положительный, простой, резкий, скорый, совет, четкий 3; да, достойный, ждать, задачи, интерес, краткий, лаконичный, молчание, на задачу, на письмо, нужный, остроумный, отрицательный, получить, пятерка, разговор, слово, студента, телефон, трудно, удачный, ученика, Чемберлену, экзамен 2; 5 баллов, адекватный, администратора, аргументированный, безапелляционный, безупречный, брови, будет, быстро, в глаз, В письме, ваш правильный, вето, волнение, восход, вперед, вранье, высказывание, гайка, глупость, горбатый, грамотный, грубый, давай, дам, двусмысленный, действие, дело, джентльмена, директора, дневник, доска, другу, дружеский, дума, его пока нет, жены, за инициативу, за себя, завтра, задать, задержали, заключение, запрос, зачем, заявление, злой, знать, знаю, идентичный, идиотский, изящный, интересный, К вопросу, к задаче, карта, Керзон, кино, компьютер, контрольная, короткий, краток, ласковый, легкомысленный, логичный, ложь, машина, мгновенный, министру, момент, на удар, на ультиматум, на уровне, на уроке, на что, навет, напишу, наудачу, не готов, не дождался, не последовал, не пришел, ненужный, неопределенный, неправильный, нескромный, Ни да ни нет, нота, облако, обман, обнадеживающий, один, опрос, осознать, отказ, откровенный, отличиться, отозваться, паутина, пекло, подлинный, подсказка, половинчатый, половинчатый, получен, последовал, поступок, правда, предмет, прекрасный, принят, продуманный, пропуск, радость, разумный, резонный, реплика, решение, решительный, рот, сверху, свет, семинар, скромный, содержательный, срочный, строй, тайный, тень, точность, трудный, тут же, у доски, удовлетворенность, урок, учителю, цифра, честный, ЭВМ 1.

В ассоциативном поле ОТВЕТ, по данным РАС, всего реакций на стимул 482, различных реакций – 195, одиночных реакций – 139, отказов – 2. Части речи: существительных – 247, что составляет 51%; прилагательных 195 – 40%; глаголов и кратких причастий 30 – 6,2%; наречий 5 – 1% от общего числа реакций; местоимений – 3; числительных – 2.

Сравнение показывает, что основу АП существительного и глагола составляют существительные, на втором месте в соответствии с грамматической природой слов у существительного находится прилагательное – 40%, а у глагола – наречие (20%). На третьем месте у существительного находятся реакции-глаголы – 6,2%, а у глагола – глагол (0,11). Единичными примерами представлены местоимения, частицы, предлоги. Анализ частеречной структуры ассоциативного поля позволяет установить *частеречное разнообразие ассоциативных реакций в его структуре* – количество и относительную долю отдельных частей речи, представленных в ассоциативных реакциях ассоциативного кластера.

Анализ типа реакций показывает, что в АП ОТВЕТ синтагматические реакции – это 289 ответов, что составляет 60% от общего числа по отношению ко всему количеству ответов (*на вопрос 28; дан 8; дать, держать 6; готов, неверен 3; ждать, на задачу, на письмо, получить, ученика, Чемберлену 2*). Среди них 192 реакции, т.е. практически половина, приходится на атрибутивные сочетания (*правильный 29; полный 9; быстрый, прямой, точный 8; верный, плохой, хороший 7; отличный 6; глупый, неверный, удовлетворительный 5; положительный, простой, резкий, скорый, четкий 3; достойный, краткий, лаконичный, нужный, остроумный, отрицательный, удачный 2*); далее следуют единичные ответы.

Второй по количеству блок представляют тематические реакции 96 – 18% от общего числа ответов: *задача 7, письмо 5, конец 4, совет 3, пятерка, студентка, экзамен, интерес, разговор, слово, телефон 2; 5 баллов, волнение, глупость, дневник, доска, задать, действие, дело, поступок, заключение, заявление, вранье, ложь, обман, правда, карта, кино, компьютер, машина, много, момент 1*.

На третьем месте блок парадигматических реакций 77 ассоциатов, что составляет 16% от общего числа по отношению ко всему количеству ответов. В числе парадигматических реакций выделяются следующие виды: антонимические 74: *вопрос 71, молчание 2, запрос 1* и симилары 3: *высказывание 1, нота 1, реплика 1*.

Отдельно были выделены коммуникативные реакции (32), которые представляют собой своеобразные реплики – ответы в диалоге: *привет 22, ответ нет 5, да 2, ваш правильный 1, его пока нет 1, ни да ни нет 1*.

Прецедентные тексты 2: *Керзон, Чемберлену*.

Не интерпретируется 5: *брови, восход, вперед, гайка, облако 1*.

Сравнение типов реакций показывает, что и в АП глагола ОТВЕЧАТЬ, и в АП существительного ОТВЕТ преобладают синтагматические реакции. Количество парадигматических и тематических реакций у существительных и глаголов разное, но оно в несколько раз уступает сочетательным связям. Проведенное сравнение

показало невыраженность дифференциации сочетательных связей ассоциатов на именной и глагольный стимул.

Ю.К. Шляпина (Воронеж)

ИРОНИЯ КАК ПОНЯТИЕ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ (экспериментальное исследование)

Аннотация: Статья посвящена изучению семантики слова «ирония» в языке и языковом сознании людей. Выявлено три типа понимания понятия «ирония». Описано психолингвистическое значение исследуемого слова. Выполнено сопоставление словарного и психолингвистического значения слова «ирония».

Ключевые слова: ирония, семантика, эксперимент, психолингвистика

Abstract: The article is devoted to the study of the semantics of the word "irony" in the language and language consciousness of people. Three types of understanding of the concept of "irony" are revealed. The psycholinguistic meaning of the studied word is described. A comparison of the dictionary and psycholinguistic meaning of the word "irony" was performed.

Key words: irony, semantics, experiment, psycholinguistic

Данное исследование посвящено изучению семантики слова «ирония» в языке и языковом сознании людей. Термином **ирония** сегодня обозначаются разнообразные явления, которые объединяет идея несовпадения ожидаемого и реального положения вещей.

Есть как минимум три понимания **иронии**: 1) как вида тропа; 2) как концептуальной категории, позволяющей автору имплицитно передать свое отношение к изображаемому, и 3) как насмешки, высказывания, которое, за счет содержащегося в нем противоречия, оказывает определенное воздействие на слушающего.

Для изучения языкового сознания и описания семантических компонентов языковых единиц часто используют эксперименты, в частности, ассоциативный эксперимент, который позволяет реконструировать различные связи языковых единиц в сознании и выявить характер их взаимодействия в различных процессах понимания, хранения и порождения речевых произведений. Реакция в условиях свободного ассоциативного эксперимента является «неспровоцированной», действительно свободной, что позволяет интерпретировать ее как вербальную актуализацию некоторого семантического компонента слова-стимула, рассматриваемого испытуемым как наиболее яркий, важный для его семантики, лежащий на «поверхности» языкового сознания.

Нас заинтересовало, какие смыслы рождает слово **ирония** в сознании говорящих на русском языке людей, как воспринимается это понятие в целом. С этой целью был проведен свободный ассоциативный эксперимент, в котором приняли участие 53 человека. В результате было

получено ассоциативное поле слова-стимула *ирония*. Ассоциаты были подвергнуты семантической интерпретации по методике И.А. Стернина, и сформировано психолингвистическое значение этого слова-стимула. Для того чтобы оценить, насколько ярко проявляется то или иное значение в ассоциатах, был определен совокупный индекс яркости семемы (СИЯ), который вычисляется по методике И.А. Стернина как отношение числа выделивших значение к общему числу участников [Стернин 2011]. Представим ассоциативное поле «Ирония».

ИРОНИЯ 53: *насмешка 13; шутка 9; сарказм 8; фильм «Ирония судьбы или с легким паром 6; скрытая насмешка 5; пародия 4; высмеивание, защита, издевательство, издевка, легкая насмешка, сатира, смех, фильм, юмор 2; в скрытой форме, высшие слои общества, двуличие, дурной юмор, желание по-доброму посмеяться над кем-то / с кем-то, жизнь, злая насмешка, злая шутка, злобный смех, ироничность, легкая шутка, Минька, насмешка над кем-то, недовольство, недостоверная информация, несерьёзное отношение, несет негативный подтекст, Никита, Новый год, обидный юмор, обман, презрение, пренебрежение, повышенная стипендия, поезд, противоположность, противоречие смыслу, противоположный смысл, сарказм с небольшим подстегиванием собеседника, саркастическое восприятие действительности, сатирическое высказывание, скептицизм, скрытое превосходство, скрытый сарказм, слабо уловимая, словам придается такое значение, которое не соответствует их буквальному значению, теория невежливости, увиливание, употребляется с насмешкой, усмешка, ухмылка, чувства, которые частично скрыты, эмоции, переполняющие человека, которые он не хочет показывать, 1 апреля никому не верю 1.*

Психолингвистическое значение

1. Насмешка 17 (*насмешка 13; легкая насмешка 2; насмешка над кем-то, употребляется с насмешкой 1*), содержащая обиду 3 (*обидный юмор, дурной юмор*), скрытая 10 (*скрытая насмешка 5; в скрытой форме; слабо уловимая; увиливание; чувства, которые частично скрыты; эмоции, переполняющие человека, которые он не хочет показывать 1*), выражает негативные чувства 4 (*пренебрежение, презрение, недовольство несет негативный подтекст*), может сопровождаться усмешкой 2 (*усмешка, ухмылка 1*), может быть средством демонстрации превосходства 1 (*скрытое превосходство 1*), психологической защиты 1 (*защита 1*). СИЯ 0,72

2. Сарказм 18 (*сарказм 8; издевка 2, издевательство 2, злая насмешка, злая шутка, злобный смех, скрытый сарказм, сарказм с небольшим подстегиванием собеседника 1*). СИЯ 0,34

3. Шутка 11 (*шутка 9; легкая шутка, желание по-доброму посмеяться над кем-то / с кем-то; несерьезное отношение 1*), вызывает смех 2 (*смех 2*). СИЯ 0,24

4. Сатира 5 (*высмеивание 2, сатира 2, сатирическое высказывание 1*). СИЯ 0,10

5. Отношение к действительности 2 (*саркастическое отношение к действительности, скептицизм 1*), предмет такого отношения 3 (*жизнь, повышенная стипендия, поезд 1*). СИЯ 0,1

6. Юмор 4 (*юмор 2, дурной юмор, обидный юмор 1*). СИЯ 0,07

7. [Прием] Слова, несущие противоположный смысл 4 (*словам придается такое значение, которое не соответствует их буквальному значению; противоположность, противоречие смыслу, противоположный смысл 1*). СИЯ 0,07

8. Обман 4 (*двуличие, обман, недостоверная информация, 1 апреля никому не верю 1*). СИЯ 0,07

9. Пародия 4 (*пародия 4*). СИЯ 0,07

В АП представлен и яркий прецедентный феномен – фильм «Ирония судьбы» 9 (*фильм «Ирония судьбы или с легким паром 6, фильм 2, Новый год 1*). СИЯ 0,2

Анализируя ассоциаты, мы обратили внимание на то, что абсолютное большинство испытуемых дали ответы в форме субъективной дефиниции.

В ассоциативном поле практически нет синтагматических реакций, т.е. реакций, которые составили бы словосочетание со словом-стимулом. Это можно интерпретировать как то, что слово не входит в активный лексикон людей, не является частотным в речевой практике. В полученном наборе ассоциатов мы видим стратегию определения слова через синонимы – *насмешка*, симиляры – *издевка, сарказм*. Заметим, что в словарных толкованиях также наблюдается сближение этих понятий. Сравним (по данным толкового словаря С.И. Кузнецова):

Ирония – 1. Тонкая, скрытая насмешка.

Насмешка – 1. Обидная шутка по поводу кого-, чего-л.

Сарказм – 1. Язвительная насмешка, едкая ирония.

Издевка – Язвительная, злая насмешка; издевательство.

В основе толкования всех слов лежит понятие насмешки.

Кроме того, ассоциаты содержат отдельные признаки, определяющие суть иронии: «противоположный сказанному смысл», «скрытый характер», «выражение негативных эмоций». Ряд ассоциатов свидетельствуют о том, что у носителей языка нет точного представления о значении слова-стимула, поэтому они сближают иронию с другими видами комического, в частности, с *сатирой* и *юмором*, или с другим жанром – *пародией*.

В психолингвистическом значении наиболее ярким после первого значения «Насмешка» является значение «сарказм», т.е. *злой шутки, издевки* (СИЯ 0,34). В этом значении подчеркивается более высокая

степень недоброжелательства, проявляющегося в адрес собеседника. По данным словаря (БТС), в семантике иронии этого смысла нет, что делает возможным сочетания с прилагательными, привносящими этот признак: *едкая, злая, злобная, язвительная, ядовитая* и т.п.

На третьем месте по индексу яркости находится значение «Шутка» в смысле *высказывания, вызывающего смех*. СИЯ 0,24. В этом значении практически полностью нивелируется смысл понятия ирония. Наиболее далеким от словарного толкования семемы слова *ирония*, на наш взгляд, является значение «Обман» (СИЯ 0,07). В этом значении абсолютизируются и переосмысливаются компоненты семемы *ирония* – «наличие скрытого смысла» и «придание словам противоположного смысла».

Любопытно отметить, что среди ассоциатов есть один, не соотносящийся иронии ни с приемом выразительности, ни с типом высказывания (насмешка) – это реакция *саркастическое восприятие действительности*. Такое понимание отражает более абстрактную трактовку иронии как способа мысли, эстетической установки на восприятие.

С целью определения оценочного восприятия слова *ирония* и отношения к ней мы проанализировали ассоциаты с точки зрения оценочности.

Группа реакций с неодобрительной оценкой составляет 53 единицы, что составляет половину полученных ассоциатов: *насмешка 13, сарказм 8, скрытая насмешка 5, высмеивание, издевательство, издевка, легкая насмешка 2, двуличие, дурной юмор, злая насмешка, злая шутка, злобный смех, насмешка над кем-то, недовольство, несет негативный подтекст, обидный юмор, обман, презрение, пренебрежение, сарказм с небольшим подстегиванием собеседника, скрытый сарказм, скрытое превосходство, увиливание, употребляется с насмешкой, усмешка, ухмылка 1*.

С одобрительной оценкой только один ассоциат: *желание по-доброму посмеяться над кем-то / с кем-то*.

Данные нашего эксперимента соотносятся с данными анализа сочетаемости слова *ирония*, зафиксированной в Национальном корпусе русского языка. В результате сплошной выборки было выявлено, что со словом *ирония* абсолютно преобладают сочетания с отрицательной коннотацией: *горькая ирония, едкая ирония, въедливая ирония, ядовитая ирония, жгучая ирония, язвительная ирония, колкая ирония, злая ирония, агрессивная ирония, убийственная ирония, злобная ирония, беспощадная ирония, жестокая ирония, яростная ирония, губительная ирония, презрительная ирония, высокомерная ирония, снисходительная ирония, надменная ирония, безнадежная ирония, грустная ирония, мрачная ирония, вызывающая ирония, грубая ирония, резкая ирония, обидная ирония, оскорбительная ирония, насмешливая ирония, холодная ирония, сухая ирония, желчная ирония, неуместная ирония, пошлая ирония, резкая ирония, унылая ирония*.

Сочетания с положительной коннотацией встречаются значительно реже: *легкая ирония, невинная ирония, безобидная ирония, благодушная ирония, ласковая ирония, мягкая ирония, добродушная ирония, спокойная ирония, теплая ирония, доброжелательная ирония, веселая ирония.*

Таким образом, данные эксперимента и сочетаемости показывают, что большинство (две трети) испытуемых понимают иронию как насмешку, но толкуют ее более детально, чем в словаре. Выявлено также, что носители русского языка склонны неодобрительно оценивать иронию и связывать ее с негативной коннотацией.

Литература

Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 1998. – 1536 с.

Стернин И.А. Психолингвистическое значение и его описание: теоретические проблемы: монография / И.А. Стернин, А.В. Рудакова. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 192 с.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЙ СЕМАНТИКИ СЛОВА

П.Б. Кузьменко, В.Н. Картавцев (Воронеж)

ПРЯМЫЕ И ПЕРЕНОСНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ГЛАГОЛА *STRUGGLE* В ЗЕРКАЛЕ ЕГО ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

Аннотация: В настоящей статье предложено систематическое описание значений английского глагола **struggle**. Данное семантическое представление базируется на соотношении свойств актантов, вступающих в противоборство в прямом или переносном смысле. Делается акцент на том, что при убывании агентивных свойств второго актанта, выраженного дополнением, наблюдается победение реципрокальной семантики предиката и одновременно возрастание степени метафоричности передаваемого глаголом значения. В результате соотнесения такой интерпретации семантемы глагола **struggle** с его словарными дефинициями в 4 англо-английских словарях авторы приходят к выводу о том, что не все значения данного глагола, выделенные по степени возрастания метафоричности, последовательно отражаются в словарных статьях.

Ключевые слова: реципрокальность, семантема, семема, денотативные и коннотативные значения, глагол

Abstract: This article proposes a systematic description of the meanings of the English verb **struggle**. This semantic representation is based on the ratio of the properties of actants entering confrontation in the literal or figurative sense. Emphasis is placed on the fact that with a decrease in the agentive properties of the second actant, expressed by an object, there is a blanching of the reciprocal semantics of the predicate and, at the same time, an increase in the degree of metaphorical meaning conveyed by the verb. As a result of correlating such an interpretation of the semantheme of the verb **struggle** with its dictionary definitions in 4 English-English dictionaries, the authors come to the conclusion that not all meanings of this verb, distinguished by the degree of increasing metaphoricalness, are consistently reflected in dictionary entries.

Key words: reciprocity, lexical meaning, denotative meaning, connotative meaning, verb

Глагол **struggle** (бороться) входит в ряд лексем, обозначающих прототипическую борьбу – процесс, в котором принимают участие контрагенты, осуществляя симметричные действия в адрес друг друга. Типичным примером такой ситуации являются спортивные соревнования и им подобные действия, предполагающие равную вовлеченность участников процесса. Однако семантическое поле, закрываемое семантемой названного глагола, весьма неоднородно: эта лексема может участвовать в обозначении денотативной ситуации, не содержащей настоящей борьбы или физического противостояния.

Сравним два случая употребления глагола **struggle**:

(1) *He **struggled** with his attacker who then ran away.* – Он боролся с напавшим на него человеком, который потом убежал.

(2) *They had to **struggle** against all kinds of adversity.* – Им приходилось справляться с многочисленными неприятностями.

В примере (1) лексема **struggle** реализует значение «прототипической борьбы», то есть глагол полноценно выступает в денотативном значении. В примере (2), полагаем, денотативное значение несколько ослабевает, т.к. физическая конфронтация отсутствует (неприятности не оказывают видимого сопротивления).

В настоящей статье мы рассмотрим случаи изменения значения данного глагола в различных ситуациях сопротивления – как одностороннего, так и двустороннего, взаимного. Для наиболее удобного описания значения лексемы мы используем типологию семем, разработанную в Воронежской теоретико-лингвистической школе [Попова, Стернин 2011]. По наблюдениям З.Д. Поповой, лексема может реализовывать несколько семем (две денотативных – Д1, Д2 и три коннотативных – К1, К2, К3), демонстрируя различную мотивированную связь между ними.

З.Д. Попова отмечает, что в разных структурных схемах предложения одна и та же лексема способна менять семему [Волохина, Попова 2003]. По нашим наблюдениям, квалификация семемы как денотативной или коннотативной зависит от типа так называемого «второго» участника (контрагента). В связи с этим важно установить объект, стоящий при данном глаголе (выяснить, представителем какого класса предметов он выступает).

Рассмотренный материал показывает, что «поле» существительных, способных занять позицию объекта при данном глаголе, весьма разнородно.

Представляется, что применительно к данному глаголу в результате обработки лексикографических материалов и наблюдения за множеством контекстов употребления глагола **struggle**, его семантему можно структурировать следующим образом.

Первая денотативная семема (Д1) представляет собой прототипическую борьбу с прототипическим агенсом, который обязательно представлен в структуре предложения и выполняет роль объекта при глаголе. Как правило, такой объект выражен именем существительным, называющим человека (активно действующего субъекта). Приведенные ниже примеры показывают, что в класс этих существительных могут попасть лица, осуществляющие негативные действия в отношении первого контрагента (косвенный объект *with+N*):

*James was hit in the mouth as he struggled **with the burglars**.*

*There were signs that she struggled **with her attacker**.*

Подобные контексты обнаруживают ситуации, в которых семема Д1 несколько теряет определенные свойства обозначаемого денотата, но в то же время передает некоторое с ним сходство. Так, например, возможен

случай так называемой социальной борьбы, которая осуществляется между прототипическими агенсами:

*For years she **struggled** with/against the establishment to her theories accepted.*

Эти наблюдения позволяют предположить, что у глагола **struggle** имеются две семемы Д1, которые условно назовем их Д1-1 и Д1-2. В основу такого деления можно положить наличие активных взаимных действий в первом случае и их отсутствие – во втором.

Второй денотативной семемой (Д2), производной от Д1, является противостояние первого участника какому-либо физическому объекту, несущему вред этому участнику. При глаголе в этом случае обнаруживается объект, выраженный именем существительным, называющим материальный предмет (например, *препятствие*). Здесь снова возникает физическая «борьба», однако контрагент не оказывает симметричного сопротивления (при тушении огня контрагентом выступает огонь, при попадании участника в сеть – сама сеть и т.д.). При этом семантическая роль второго контрагента различна:

- транзитив (место, через которое пролегал путь с акцентом на длительность): *A common lizard **struggled** through long grass;*

- финитив (конечная точка действия – трудности при надевании одежды, преодолении пути вверх и пр.): *She **had to struggle** into the tight dress. We **struggled** to the top and faced the sea;*

- источник действия (аблатив) – действие начинает происходить в коляске, являющейся начальным пунктом до момента успешного «выхода»: *Paul **struggled** out of his wheelchair.*

Первая коннотативная семема (К1) сохраняет логически мотивированную связь с семемой Д1, однако предполагает решение сложной проблемы, столкновение с каким-либо положением дел. Как правило, в значение глагола может включаться сема «умственная работа». Частным случаем является решение задач, создание текстов и пр. Часто при глаголе в позиции объекта стоит наименование положения дел (ПД как актант). В этом случае сопротивление как бы ни на кого не направлено:

*The company **is struggling** to find buyers for its new product.*

*One in five young adults **was struggling** with everyday mathematics.*

*I was **struggling** with the accounts.*

Такие контексты описывают ситуации, в которых значительное место занимают различные интеллектуальные действия, которые специально не оформлены языковыми средствами (то есть по контексту нельзя однозначно установить, что именно совершает первый участник при решении сложной задачи).

Наряду с преодолением интеллектуальных трудностей, возможно преодоление трудностей вообще (интенсивная работа участника над положением дел) – несмотря на это семема не перестает быть

коннотативной, т.к. и в этом случае не названо активное сопротивление второго участника, в связи с чем отсутствует физическая борьба. При глаголе **struggle** находится инфинитив, называющий действие, которое вызывает трудности при его осуществлении.

*Before that, a patchwork of smaller counties **struggled to deliver** a wide range of services, with help from a tiny Welsh Office.*

*The refugees, expelled from the occupied territories last week, **struggled to dry** their clothes.*

Несомненно, в таких ситуациях нет активных взаимных физических действий, т.к. объектом при глаголе выступает существительное, называющее непредметное имя: *несправедливость*, *бедность* и т.д. Вероятно, в пользу некоторого ослабления мотивированной связи говорит Н.Д. Арутюнова, именуя подобные словоупотребления социометафорами [Арутюнова 1999, с. 612].

Имеющиеся примеры демонстрируют разные объекты при глаголе **struggle**, актуализирующем эту семему:

Millions of people are struggling for survival (цель – чтобы выжить).

The airline is struggling with high costs (указание точного объекта воздействия).

She's struggling to bring up a family alone (цель – чтобы воспитать).

Деятельность первого участника не предполагает осуществления физических действий, чтобы выжить, снизить цены, воспитать ребенка и т.д.

Рассмотрим, как некоторые англо-английские толковые словари фиксируют значение лексемы **struggle** (см. Таблица 1). За основу при сравнении семем в разных словарях мы возьмем приведенную выше систематизацию. Использовались онлайн-версии названных ниже словарей.

Таблица 1. Лексикографическое описание лексемы «struggle в англо-английских словарях

Семема	Longman Dictionary	Cambridge Dictionary	Oxford Dictionary	Collins
Д1-1 Прототипическое физическое противостояние	<i>to fight someone who is <u>attacking</u> you or holding you, especially so that you can <u>escape</u></i> (отдельная семема)	<i>to <u>fight</u>, <u>especially</u> <u>ly</u> with <u>your hands</u></i> (отдельная семема)	<i>fight somebody or try to get away from them</i> (отдельная семема)	<i>If two people struggle with each other, they <u>fight</u></i> (отдельная семема)
Д1-2 Социальное противостояние	<i>to try extremely hard to <u>achieve</u> something, even though it is very difficult</i> (отдельная семема)	<i>to use a lot of <u>effort</u> to <u>defeat</u> someone or <u>achieve</u> something, <u>prevent</u> something</i>	<i>to try very hard to do something when it is difficult or when there are a lot of problems</i>	<i>If you struggle to do something, you <u>try hard</u> to do it, <u>even</u> though other people or things</i>

	семема)	(отдельная семема)	(отдельная семема)	<i>may be making it <u>difficult</u> for you to <u>succeed</u></i> (отдельная семема)
Д2 Физическое противостояние объекту	<i>to move somewhere with great <u>difficulty</u></i> (отдельная семема)	<i>to <u>experience difficulty</u> and make a very <u>great effort</u> in <u>order</u> to do something</i> (отдельная семема)	<i>to move somewhere or do something with difficulty</i> (отдельная семема)	<i>If you struggle when you are being held, you <u>twist</u>, <u>kick</u>, and <u>move violently</u> in order to <u>get free</u></i> (отдельная семема)
К1 Решение сложной проблемы (умственные усилия)	-	не обособлена, контексты подведены под семему Д-2	не обособлена, контексты подведены под семему Д1-2	не обособлена

Судя по данным, приведенным в Таблице 1 и проанализированным выше примерам, все словари регистрируют денотативные семемы, однако коннотативная семема не была вынесена в семанте анализируемого глагола. Вместе с тем, примеры, которые мы бы отнесли к семеме К1, приводятся авторами словарей в качестве иллюстраций денотативных семем. Это означает, что значение глагола **struggle** не всегда последовательно дифференцируется с точки зрения второго участника.

Предлагаемая нами систематизация семем данного глагола может быть положена в основу его лексикографического описания. Последовательное применение данной модели семантического описания к глаголам с аналогичной семантикой в разных языках открывает возможность построения лексико-семантической типологии глаголов борьбы.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. — I-XV, 895 с.
- Волохина Г.А., Попова З.Д. Синтаксические концепты русского простого предложения / Г.А. Волохина, З.Д. Попова. – Воронеж: Истоки, 2003. – 192 с.
- Попова З.Д., Стернин И.А. Лексическая система языка: внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: URSS, 2010. – 171 с.

ДИНАМИКА ЛЕКСИЧЕСКОГО ФОНДА ЯЗЫКА: ВОПРОСЫ СЕМАНТИКИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Аннотация: В статье рассматриваются особенности изменения семантики лексических единиц на основе трансформаций лексико-грамматического, валентностного и синтаксического характера. Их основу составляет психологическая природа человеческого мышления и ословливания информации, которая находит отражение в работе ассоциативного механизма и функциональной переориентации языковых данных. Отмеченные выше процессы синхронизированы для представителей одного лингвосоциума, выявляя свою этнокультурную обусловленность.

Ключевые слова: семантика, функционирование, ассоциации

Abstract: The article treats semantic changes of lexical units on the grounds of lexico-grammatical, valency and syntactic transformations. They reveal the psychological nature of human thinking and information verbalization. The above process is reflected through mental associative mechanism as well as functional re-orientation of language data. Those processes are synchronized for the members of the same linguistic unity to represent their own ethnic and cultural specificity.

Key words: semantics, functioning, associations

Проблема динамизма и творческого аспекта языка неотделима от явления вариативности, т. е. единства постоянного и переменного. Поэтому инвентарь языковых единиц, их структурная организация может быть рассмотрена во взаимосвязи с правилами и процедурами их формирования. Синхронные явления могут анализироваться как в статике, так и в динамике, т. е. в ходе их развития, что затрагивает необходимость описания процесса и моделей подобного преобразования. Если изменения в синхронии выявляют тенденции в развитии лексического фонда и в целом системы языка, исследователь должен напрямую изучить психолингвистические процессы, соотносимые с речевой деятельностью [Кубрякова 1980, с. 228-230].

Отметим также и основные ипостаси динамической основы системы языка: внешнюю, т. е. постоянный процесс образования новых слов и словоформ; внутреннюю, т. е. словообразовательную потенцию. Из подобного подхода вытекает общепризнанное для отечественного языкознания утверждение: «Различение речи как материала и языка как заключенного в ней предмета языкознания крайне существенно для четкого и глубокого понимания коренного отличия языка от надстроек» [Телия 1996, с. 13-14]. Таким образом, язык должен обязательно изучаться в речи. Следовательно, любое речевое произведение состоит из единиц языка, которые выражают определенную мысль или эмоцию, относящуюся к вербальной сфере человеческой деятельности. Итак, воспроизводимость готовых единиц языка в речи не вызывает сомнений.

Однако не вызывает сомнений и другой факт, что старшее поколение декодирует определенные семантические ассоциации по-другому в сравнении с более молодыми членами того же лингвосоциума. Скажем, упоминание «Апрельских тезисов» в среде нынешних студентов способно вызвать в их сознании отсылку к тезисам, написанным к конференции, которая проходит в апреле. Как правило, нынешние студенты неправильно декодируют упоминание об «особенной жизни», которую повела Нина Заречная, героиня чеховской «Чайки» в Москве. Таких примеров слишком много. Они также касаются прецедентных феноменов, основанных на цитатах из произведений классиков литературы и кинематографа. Они доказывают, что ассоциативные отношения, возникающие у нового поколения, в ходе деривации нового для них значения основываются на тех данных, которыми они располагают. В данном случае фиксируется отсутствие контекстуальной обусловленности некой ментальной репрезентации контексту ее употребления и долговременной памяти. В целом, как утрата ассоциаций между лексическими единицами и внеязыковыми феноменами, как и их появление определяется тем, что внутренняя сторона слова характеризуется высокой степенью вариативности и изменчивости, в зависимости от задач и целей коммуникативного акта и контекстного окружения [Левицкий 2006, с. 154]. Вместе с тем, исходя из особенностей номинативной функции языкового знака, следует вывод о том, что семантика языковой единицы не может быть лишена и определенной константности. Таким образом, ядро семантики лексической единицы составляет константный компонент, а периферию – вариативный.

Процесс образования новых значений полисемантического слова тем самым иллюстрирует развитие периферийных областей его семантики. В то время как особенности ассоциативного мышления человека дают возможность переносить черты одного предмета на другой в процессе номинаций. Иллюстрацией подобного явления может служить английского слово *a morsel* с предметным значением 'кусочек'. Однако в определенном контексте, представляющем образец разговорно-бытового стиля, оно приобретает совершенно иное значение – 'слегка': "*It's only because he's a morsel down today*" (A. J. Cronin).

Некая ассоциативная связь между понятиями 'очень' и 'большое количество' дают возможность говорить о развитии вариативной зоны семантики исходной лексической единицы, что приводит к ее функциональной переориентации и появлению омонима. Данное новообразование поначалу не входит в активную часть лексикона носителей языка, но становится ему понятным из-за существования опосредованной связи между константным значением исходного слова и контекстуальным значением новообразования, появившимся в результате метафоризации. Контекстуальное (речевое) значение слова обычно

рассматривается как актуализация его языкового значения в тексте, т. е. конкретизация лексического значения.

Происходящие же изменения представляются функциональным переосмыслением языковой единицы, возникающим на основе функционального сдвига, т.е. использованием речевой единицы в функции, которая была ей ранее не свойственна. Это обычно приводит к изменению парадигмы этой единицы и ее закреплению в новой функции, причем языковая единица может употребляться параллельно в новом и старом значениях. Следует также учесть, что функциональное переосмысление единицы позволяет ей адаптироваться в семантическом плане к своему окружению как следствие переплетения своими семами и создания своеобразных контекстных цепочек. Знак, входя в новые контексты, расширяет свои связи, приобретает новые экстенсионалы и тем самым принимает участие в создании новых структур. Известное носителям языка лексическое значение может даже вступать в противоречие с грамматическим значением модели, например, *Thoughts father ideas*. Когда значение существительного *father* не согласуется с его синтаксической ролью простого глагольного сказуемого. Следовательно, реципиент подобного высказывания путем активизации ассоциативных связей приходит к декодированию этой единицы как глагола с семантикой 'to generate' ('порождать'). Такие случаи в речи объясняются коммуникативной установкой говорящего, его речевой компетенцией, т.е. знанием нормы конкретного языка.

Подобные изменения характеризуются семантическими и лексико-грамматическими показателями: ср. *respective :: respectively, definite :: definitely, particular :: particularly, close :: closely, deep :: deeply* и т. п. Следствием синтаксической деривации выступают также единицы типа *fast (adj.)* и *fast (adv.)*, *daily (adj.)* и *daily (adv.)*. В них наиболее концентрировано проявляется грамматическая омонимия, фиксирующая различные показатели у единиц, обладающих аналогичной материальной оболочкой *alone (adj.)* и *alone (adv.)*, *far (adj.)* и *far (adv.)*.

Только в ходе реализации языковые единицы способны обнаруживать потенции к актуализации новых характеристик, что собственно и способствует динамичности языковой системы, с одной стороны, и размытости ее границ, а также, находящихся в ней, классов – с другой. Таким образом, конкретные лексемы с большей или меньшей полнотой сочетают в себе необходимые для определенной части речи признаки. Итак, относительно любой части речи может быть сделан вывод о наличии в ней более типичных (прототипических) единиц. Подобные единицы наиболее полно охватывают референциальную зону данной части речи, а менее типичные обозначают лишь «определенные» объекты, действия, признаки, признаки признаков и т. п. Кроме того, в любой части речи протекают глубокие процессы постепенного отмирания старого качества и

накопления нового, что делает возможным переход слова из одной части речи в другую.

Подобное явление может проявляться как узуально, так и окказионально, т. е. в речевом употреблении как некоторое отступление от обычного, общепринятого в языке: *“/.../ it is not one for which I altogether blame myself” (J. Symons); “Boy, was she lousy with rocks” (J. Salinger); “Well, you little so-and-so. All right for you” (Ibid.); “Newton is okay,” I said. “His type don’t run with bums” (P. Benchley); “Miss Watkins was a nobody. She was a drifter. No family, no close friends...” (Ibid).*

У функционального омонима принципиально другие конструктивные признаки (семантические, лексические, категориальные, парадигматические, валентностные и синтаксические). Учитывая сущностные особенности строя и основных тенденций развития современного английского языка, функциональных частей речи (*pin (n, v), deep (adj, adv)*), так и внутри служебных частей речи, а также между знаменательными частями речи и служебными, модальными словами и междометиями (*over (adv, prep), rabbit (n, interj), in (n, prep, adj.), can (n, mod v)*). Подобное многообразие форм функциональной омонимии отражает действительность живого процесса обогащения языка и изменений его структуры.

Предпосылками подобного рода изменений выступает не сам язык, а его пользователи, т. е. люди, обладающими конкретными особенностями познания окружающего мира. Не только человек познает мир в действии (поэтому и познание существенно отличается у разных индивидов), но и материальные предметы изменяются, зачастую не имея четких границ, а также иногда не могут быть индивидуализированы. Именно из-за этого, наделение предмета названием связано с огрублением, определенной формализацией соответствующего фрагмента действительности, что повышает роль оценочного момента избирательной заинтересованности, которая опосредуется мышлением. Понятно, почему так разнообразны виды косвенной номинации, а также в чем причина относительно быстрого декодирования продуктов субъективной номинации, в частности, образных метафор, которые напрямую связаны с механизмами функциональной переориентации как по целям, так и по формам реализации. Не случайно, отдельные метафазы и возникают только в результате функциональной переориентации.

Психологическая переориентация в рамках личностно-деятельного подхода является основным, базовым типом интерпретации действительности. Поэтому психологическую интерпретацию можно рассматривать как духовный метод, как осмысление целей, мотивов продуцента высказывания, переживающего и предчувствующего субъекта.

Кроме того, поскольку метафора «выводится» из значений, общих для представителей одной культуры, то процесс метафоризации основывается

на создании интеллектуальных, эмоциональных, перцептивных аналогий и тождеств между различными языковыми значениями в разных видах человеческой жизнедеятельности: ср., напр., *зеленый юнец*, *желторотый юнец*, *green envy*, *a green beginner*, *зеленый работник* (дословный перевод с китайского), *зеленая шанка* (дословно с китайского – соответствует русскому *рогатый муж*). Несмотря на то, что понимание достигается с помощью возбуждения у реципиента ассоциаций, подразумеваемых передающим информацию субъектом, наше внимание все же задерживается на некоторое время на ассоциациях, основанных на культурном опыте иных этносов. Функциональное назначение каждой ассоциации в том, что она представляет собой передачу определенной идеи наиболее экономичным и наиболее экспрессивным способом.

Установление связи между «сопрягаемыми» объектами происходит автоматически, на промежуточном этапе «совмещенного видения» внимание человека почти не задерживается, в результате чего языковой образ значительно уступает речевому по яркости и наглядности; объект значения каждого языкового образа фиксируется и становится единым для всех носителей определенного языка [Левицкий 2006, с. 34]. Прямое же значение слова теряет свою роль, превращаясь в ориентир для авторской ассоциации. Однако метафорическая семантика слов, возникающая на основе ассоциативной связи, не имеет четких границ. Поэтому для нормативной, узуальной семантики слов, которые создают метафорический смысл, в сознании реципиента могут возникать и субъективные, добавочные ассоциации, основанные на его жизненном опыте, психическом складе, характером интеллектуальной деятельности, особенностями высшей нервной деятельности, настроения.

Итак, нетрадиционный путь образования метафоры, т. е. зафиксированный лишь посредством нетипичной синтаксической функции, на самом деле, представляется, во-первых, экономным, поскольку в высказывании отсутствует предмет сравнения, а во-вторых, более напряженным с точки зрения актуализации значительного количества компонентом ментальной памяти индивидуума. При всей простоте вербализации, метафора проявляется только при конкретном синтаксическом окружении, или неких синтаксических условиях.

Итак, метафорический базис у коллокаций, идиом и переносных значений слов различен. В частности, выбор компонентов коллокаций определяется теми же закономерностями, что и выбор свободных компонентов высказывания: продуцент высказывания не только преследует цель максимально адекватно отразить свою интенцию, но и помочь реципиенту наиболее легко понять его. Не следует отвергать и роль парадигматических связей, установившихся между словами в свободном употреблении.

Свобода сопоставления гетерогенных сущностей метафоры находится в зависимости от продуцента высказывания, его языкового, речевого, интеллектуального и житейского опыта, что позволяет метафоре нарушить границы несовместимого и синтезировать новые концепты. Модус фиктивности, благодаря которому в метафору вводится какой-либо из «возможных миров», снимает ограничения, накладываемые онтологией и системой знаний о мире.

В центре антропоцентрической парадигмы в лингвистике находится человек как создатель языка, воплощающего определенную картину мира, а в конкретном проявлении – как производитель и получатель данного высказывания.

Литература

Кубрякова Е.С. Семантика производного слова / Е.С. Кубрякова // Аспекты семантических исследований. – М.: Наука, 1980. – С. 81-155.

Левицкий А.Э. Функциональная лингвистика в свете когнитивно-дискурсивной парадигмы: учебное пособие / А.Э. Левицкий. – Донецк: ДонНУ, 2006. – 265 с.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

О.В. Новоселова (Тверь)

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ ОБЪЕМ ВЕРБАЛЬНОЙ УГРОЗЫ

Аннотация: В работе предпринята попытка очертить содержательный объем лексико-тематического пространства угрозы в английском языке, а также установить лимологические параметры феномена вербальной угрозы. Автор приходит к выводу, что в содержательном объеме феномена вербальной угрозы интегративно сочетаются элементы контрарного плана, формирующие диапазон функционально-семантического (прагматического) пространства угрозы.

Ключевые слова: вербальная угроза, менасив, семантика, содержательный объем

Abstract: This work is an attempt to outline the content of lexical-thematic space of threat in the English language and determine limological parameters of verbal threat phenomenon. The author comes to the conclusion that the content of threat phenomenon integratively combines elements of the counter plan and forms pragmatic threat space.

Key words: verbal threat, menasive, semantics, limological parameters

Феномен вербальной угрозы рассматривается с позиций многочисленных научных школ и направлений в широком междисциплинарном контексте. Анализ исследований представителей гуманитарной науки раскрывает их устойчивый интерес к описанию причинно-следственной связи между вербальной угрозой и формируемым при ее помощи эмоциональным состоянием страха, тревоги или беспоконья. В отечественных и зарубежных исследованиях по философии и

психологии угроза рассматривается как причина возникновения различных отрицательных эмоциональных состояний личности [Делумо 2009; Симонов 1981; Gray McNaughton 2000]. Также ученые обращают внимание на консолидирующую функцию угрозы в обществе [Рыхтик 2003, с. 214], рассматривая ее как инструмент влияния в социально-политической жизни. Однако при всем многообразии трактовок феномен угрозы не имеет общепризнанного определения в современном научном дискурсе, а ученым не удалось систематизировать его смыслообразующие признаки.

В русле лингвистических исследований также не сформировалось единого мнения относительно коммуникативно-интенциональной природы вербальной угрозы. Ученые утверждают, что угроза являет собой эффективное средство «добиться желаемого положения дел» [Мельчук 1995]. Вместе с тем, в общем и частном языкознании закрепилось представление об угрозе как о феномене, который «устойчиво ассоциируется с речевой агрессией» в ситуации рассогласованного общения [Рабенко, Нестерова 2007, с. 235]. Поэтому неудивительно, что на фоне широкого интереса лингвистов к вербальным проявлениям феномена угрозы в виде отдельных высказываний-угроз (также менасивных высказываний или менасивов) в настоящее время отсутствуют работы, раскрывающие комплексное представление носителей английского языка о феномене вербальной угрозы (см. обзор работ в: [Романов, Новоселова 2021, с. 24-38]), заложенном в «ментальном пространстве» говорящей личности в виде совокупности константных признаков и сем.

Таким образом, оказывается не проработанной в полной мере проблема причинно-следственной связи между вербальной угрозой и формируемым при ее помощи эмоциональным состоянием. Более того, в научной практике лингвистического описания остается нерешенным вопрос о том, каким образом носители английского языка интерпретируют и оценивают высказывания-угрозы, а также с помощью какого смыслового инструмента можно исследовать прагма-эмоциональное воздействие, которое менасивы оказывают на единичного или массового адресата. В свете выше изложенного становится очевидной необходимость очертить содержательный объем лексико-тематического пространства угрозы в английском языке, а также упорядочить представления носителей языка о феномене вербальной угрозы.

В целях проводимого исследования были выявлены и сгруппированы лексикографические дефиниции английского языка, которые отражают содержательную сущность лексико-тематического пространства угрозы, а также был проведен их дефиниционный анализ. Обращение к лексикографическим источникам английского языка позволило выявить 58 вербальных репрезентантов угрозы, в число которых входят, например, такие глаголы, как *«to threaten»*, *«to warn»*, *«to caution»*, *«to blackmail»*, *«to intimidate»*, *«to bully»*, *«to terrorize»*, *«to force»*, *«to scare»* и др.

Установлено, что фреймообразующим (вершинообразующим) глаголом лексико-тематического пространства угрозы в английском языке является глагольная лексема «*threaten*».

На основе лексикографических описаний удалось описать содержательный объем фреймообразующего глагола «*to threaten*». Зафиксированные в словарях дефиниции глагола «*to threaten*» явились основанием для выявления в структуре его значения интегративного гиперонимического компонента «наступление негативных последствий», который включает в свой содержательный объем четыре базовых семы – сему «совершение чего-либо неприятного», сему «совершение чего-либо плохого», сему «причинение боли, вреда или беспокойства», сему «осуществление наказания», а также две периферийные семы – сему «источник возможной опасности» и сему «разрушение чего-либо».

Семантический анализ глагола «*threaten*» также показывает, что глагол характеризуется таким семантическим признаком, как побудительность (каузативность). Становится понятным, что побудительное значение глагола «*to threaten*» основано на сообщении субъектом воздействия о своем намерении совершить какие-либо негативные (санкционные) действия в отношении объекта с целью каузировать его выполнить некоторое действие или породить ситуацию, каузирующую негативные последствия для объекта.

Проведенный анализ словарных дефиниций свидетельствует о том, что фреймообразующий глагол «*to threaten*» представляет собой семантически «объемную» лексему. Получается, что в содержательном объеме вербальной угрозы сочетаются элементы *контрарного плана*: значение наступления возможных негативных последствий для объекта воздействия и его каузация к выполнению некоторых действий, а также возможность для объекта избежать наступления таких последствий, выполнив каузируемые действия. То есть функционально-семантическая сущность угрозы заключается в побудительном значении, которое обусловлено возможностью наступления негативных последствий для объекта в случае его отказа от выполнения каузируемого действия.

В этой связи есть все основания полагать, что участники социальной интеракции обладают когнитивной способностью осознавать и интерпретировать каждый конкретный случай вербальной репрезентации угрозы на фоне языковых, энциклопедических, социокультурных, логических и иллюкативных знаний о различных вариантах санкционного воздействия, а также оценивать возможность избежать такого воздействия, выполнив каузируемые действия (о типах знаний см.: [Романов 1988, с. 101]). В частности, упоминание говорящим о наступлении негативных последствий способствует формированию дискомфортных эмоциональных переживаний у адресата воздействия, в то время как вербализация условия, при котором у адресата появляется возможность избежать негативных

последствий, нейтрализует его дискомфортные переживания [Новоселова 2021a, 2021b]. С указанных позиций очевидно, что адресат оценивает содержание негативных последствий менасивов не только на фоне своих представлений о более или менее интенсивных последствиях вербальной угрозы, но с позиций собственных знаний о возможности избежать санкционного воздействия при условии выполнения каузируемых действий. Поэтому в процессе оперирования негативными последствиями конкретного менасивного высказывания языковая личность обращается к своим структурированным знаниям о типовой коммуникативной ситуации угрозы.

Итак, в ходе исследования удалось обозначить содержательный объем лексико-тематического пространства угрозы в английском языке, а также установить наличие элементов контрарного плана в структуре значения вербальных репрезентантов угрозы, которые задают лимнологические параметры этого пространства. Зафиксированные семантические признаки и свойства отражают комплексное представление носителей английского языка о феномене вербальной угрозы, а также закладывают основу для формирования типовой матрицы, рамки или фрейма угрозы в ментальном пространстве языковой личности. Тем не менее, важно констатировать, что с позиций собственно лингвокогнитивного и прагматического подходов к пониманию феномена вербальной угрозы, остается открытым вопрос о том, каким образом носитель языка как когнитивный агент может «измерять», интерпретировать и оценивать акты менасивной каузации в виде высказываний-угроз, а также в какие эмоциональные состояния вводят высказывания-угрозы и в каком эмоциональном состоянии находятся адресант и адресат таких высказываний.

Становится очевидным, что необходим новый подход к структурированию представлений носителей о вербальной угрозе, который позволит установить, как сочетаются элементы контрарного плана в конкретном случае реализации акта менасивной каузации для решения коммуникативной задачи говорящего в условиях социально-политической коммуникации. Поэтому перспективно продолжить структурировать представления носителей языка о вербальной угрозе с использованием ментального образования под названием «коммуникативный конструкт угрозы» [Новоселова 2021a] и привлечением когнитивно-дискурсивных механизмов оценки прагма-эмоционального воздействия акта менасивной каузации на адресата, позволяющих вскрыть принцип организации воздействующего потенциала угрозы в различных сферах социальной интеракции.

Литература

Деломо Ж. Идентификация ужаса / Ж. Деломо, Дж. Дж. Фрезер. – М.: Алгоритм, 2009. – 240 с.

Мельчук И.А. Об одном словообразовательном аффиксе и об одной синтаксической фраземе современного русского языка / И.А. Мельчук // Русский язык в модели «Смысл↔Текст». – М.: Вена, «Языки русской культуры», 1995. – С. 325-346.

Новоселова О.В. Коммуникативный конструкт угрозы: концепции и подходы / О.В. Новоселова // Дискурс в социокультурном пространстве: коммуникативные механизмы и ментальные структуры его репрезентации: сб. научных трудов. – М.: Флинта, 2021а. – С. 310-329.

Новоселова О.В. Формирование коммуникативного статуса угрозы: лексико-семантические основания [Электронный ресурс] / О.В. Новоселова // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2021б. – №3. – С. 83-101. – Режим доступа: <http://www.tverlingua.ru>

Рабенко Т.Г., Нестерова Н.Н. Языковые средства реализации речевого жанра угрозы / Т.Г. Рабенко, Н.Н. Нестерова // Юрислингвистика. – 2007. – №8. – С. 235–244.

Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения / А.А. Романов. – М.: Институт языкознания АН СССР, 1988. – 183 с.

Романов А.А., Новоселова О.В. Менасивные конструкты предвыборной дискуссии: лингвокогнитивный анализ материалов программ президентской кампании 2018 года / А.А. Романов, О.В. Новоселова. – М.: Флинта, 2021. – 440 с.

Рыхтик М.И. Стратегическая культура и новая концепция национальной безопасности США / М.И. Рыхтик // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Международные отношения, политология, регионоведение. – 2003. – №1. – С. 203–219.

Симонов П.В. Эмоциональный мозг / П.В. Симонов. – М.: Наука, 1981. – 166 с.

Gray J.A., McNaughton N. The Neuropsychology of Anxiety: An Enquiry into the Functions of the Septo-Hippocampal System. 2-nd Edition. – New York: Oxford University Press, 2000. – 443 p.

Н.С. Рыжук (Москва)

КОГНИТИВНЫЙ И СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ КОРРЕЛЯЦИИ «ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ» (на материале английского и русского языков)

Аннотация: Целью настоящей статьи является изучение и анализ лингвистической сущности отношений «часть – целое», а также выявление этнокультурной специфики метафоризации единиц семантического поля партитивности на материале английского и русского языков.

Ключевые слова: семантическая категория, семантическое поле, партитивность, метафоризация.

Abstract: The main purpose of this paper is to study and analyze the linguistic nature of part-whole relations as well as to identify the ethno cultural peculiarities of metaphorization of lexical units of the semantic field 'PARTITIVITY' in the English and Russian languages.

Key words: semantic category, semantic field, partitivity, metaphorization.

Партитивные (от лат. *pars, parties* – часть) связи имен пронизывают весь словарь и сообщают его семантической структуре целостную перспективу. По нашим наблюдениям, в английском и русском языках

достаточно детально представлена семантика партитивности, при этом лексические единицы со значением части целого весьма часто служат основой для метафорических переносов, что свидетельствует о высокой семантической плотности категории партитивности в анализируемых языках. При этом в английской и русской лингвокультурах наблюдаются расхождения в смысловом наполнении имен частей целого, что обусловлено культурными особенностями способов взаимодействия с предметами материального мира, а также языковой спецификой формирования значений слов.

Проблема соотношения части и целого выходит за рамки собственно лингвистики и находит свое решение в философии [Crystal 2001, с. 168]. Философские категории «часть» и «целое» выступают *универсалиями* познавательного процесса, где, как это подчеркивал еще Гегель, «ни одна из сторон не может рассматриваться без другой. Целое без (до) частей немислимо; с другой стороны, часть вне целого – уже не часть, а иной объект, так как в целостной системе части выражают природу целого и приобретают специфические для него свойства» [ФЭС 1989, с. 768].

Части бывают экстенциональные (куски, фрагменты, фазы, порции) и интенциональные (аспекты, черты, моменты). Можно делить на части экстенционально (объемно), можно делить и интенционально (содержательно), но только мысленно, в абстракции [там же]. Так, по мнению Л.О. Чернейко, «индивидуальное сознание работает центробежно (индуктивно, “экстенционально”), если говорить об именах предметов материального мира, и центростремительно (дедуктивно, “интенционально”), если говорить о предметах идеального мира» [Чернейко 1997, с. 133]. С учетом специфики нашего исследования представляется важным акцентировать внимание на том, что механизмы метафоры позволяют интенционально выделять экстенциональные части в абстрактных сущностях.

Будучи связанным с когнитивными и психологическими процессами и механизмами человека, процесс языковой категоризации раскрывает общую проблему отражения концептуальных структур и общих принципов когнитивной классификации и членения. Наиболее известными концепциями категоризации являются теория фамильного сходства Витгенштейна, учение о фреймовой структуре представления знания М. Минского и теория прототипов Э. Рош, Дж. Лакоффа, Т. Гивона и др.

Несомненный интерес, на наш взгляд, представляет разработка теоретических положений прототипической теории Дж. Лакоффом, который обобщает результаты полевой работы Р. Диксона и экспериментальные исследования Э. Рош. Последняя показала неадекватность традиционных (восходящих еще к Аристотелю) представлений о категориях как множествах с четкими границами,

которым некий объект может либо принадлежать, либо не принадлежать, причем все члены некоторой категории имеют одинаковый статус.

В соответствии с концепцией Э. Рош, языковые категории можно представить как спиралевидную структуру или структуру, состоящую из концентрических кругов, причем в центре располагаются те элементы категории, которые обладают наибольшим числом типичных для нее черт, а ближе к периферии – те элементы, которые можно назвать «менее типичными представителями класса» [Rosch 1975, с. 192-233]. Исследовательница экспериментально показала, что на самом деле границы категорий размыты, а сами категории имеют внутреннюю структуру: некоторые их элементы представляют категорию лучше, чем другие, т.е. являются прототипическими ее членами. Внутри категории члены могут быть связаны различными отношениями, которые также были изучены. Более того, сами категории тоже неодинаковы: было показано, что среди них есть привилегированные, которым соответствуют так называемые концепты базового уровня категоризации. По мнению Э. Рош, человек, осуществляя категоризацию, сравнивает некоторый элемент, принадлежность которого к категории следует определить, с прототипом категории, и далее либо относит тестируемый элемент к категории, либо отвергает его как не принадлежащий к данному классу. Прототипический подход к категоризации имеет свое отражение и на языковом уровне. Так, чувственно воспринимаемые объекты образуют естественные, или природные категории, а когнитивные, концептуально обусловленные объекты – семантические категории. Изучаемая нами семантическая категория партиитивности подтверждает этот тезис.

О.О. Борискина, допуская, что язык способен «членить мир» и задавать человеку стереотипы восприятия мира, принимает гипотезу о существовании в любом языке мира на глубоком латентном уровне особых образований, регулирующих в определенной степени сочетаемость языковых единиц в речи. Идея скрытых категорий (криптотипов) не нова (см. работы: [Уорф 1972; Кацнельсон 2001 и др.]). Действительно, если сущность любой категоризации – подведение под определенную категорию, то описание языковой категоризации мира предписывает нам в качестве базовой единицы языковую категорию.

Семантические структуры связаны с концептуальными структурами и в значительной мере определяются ими, т.е. имеют под собой одинаковые с когнитивными структурами принципы организации, и потому «изучение языковых форм заведомо неполно без обращения к когнитивным категориям» [Баранов 1997, с. 14]. Следовательно, семантические структуры являются отражением того, как человек взаимодействует с реальным миром, и несут в себе особенности понимания мира, которые типичны для человека как биологического вида, как представителя определенной культурной среды и как отдельного индивида. Отсюда

следует, что семантическая категория партитивности несет на себе отпечаток взаимодействия носителя языка с окружающей средой и отражает особенности восприятия мира, характерные для данного этноса.

Категории части и целого относятся к категориям базового уровня. Базовый уровень категоризации – это уровень, который в первую очередь осваивается детьми и включает наиболее короткие базовые слова, образующие основу словарного запаса языка и используемые в наиболее нейтральных контекстах. Одной из особенностей базовых концептов является то, что они почти всегда лексикализируются в значениях отдельных слов. Как известно, понятия о части и целом усваиваются ребенком на самых ранних этапах овладения языком, причем не путем сознательных усилий, а через опыт взаимодействия с объектами окружающей действительности, соответственно и в дальнейшем они используются автоматически. Специфика категорий базового уровня, по Дж. Лакоффу, состоит в том, что они зависят не непосредственно от объектов, независимых от людей, а от специфики взаимодействия людей с объектами: от того, как люди воспринимают их, представляют их, систематизируют информацию о них и действуют по отношению к ним [Лакофф 2004, с. 78]. Именно базовый уровень является психологически наиболее значимым и выполняет ведущую роль в понимании и осуществлении процессов категоризации. Посредством различного рода трансформаций концептов базового уровня формируются концепты более абстрактного и более конкретного уровней. Поэтому для ориентации в мире нам необходимо иметь представление о структуре «часть – целое» других объектов [там же, с. 356].

По словам Дж. Лакоффа, наши знания на базовом уровне организуются, главным образом, по линии разделения «целое – часть». Кроме того, мы проецируем структуру «часть – целое» на события, поэтому наши представления о категориях событий структурируются в весьма значительной степени по образу и подобию наших представлений о категориях физических объектов [там же, с. 73]. Этот тезис подтверждается в нашем исследовании многочисленными метафорическими переносами, характерными как для английского, так и для русского языка. При этом даже если метафоризируются соотносимые лексические эквиваленты (в нашем случае – наименования частей целого) сопоставляемых языков, полной идентичности не наблюдается, поскольку в этом случае национальная специфика проявляется в количестве производных значений, направлении метафоризации, а также на уровне семем, а именно в объеме и структуре сопоставимых значений.

«Часть» и «целое» входят в число культурных универсалий – основ понимания мира и места человека в нем, имплицитно формирующихся у каждого индивида в таком процессе, как социализация. В ментальности и языке разных народов универсалии получают разное выражение [Зинченко

2003, с. 97]. Иными словами, каждый язык по-своему детализирует любую из универсалий, что и придает ему национальное своеобразие. Кроме того, у универсальных концептов могут быть совершенно разные коннотации, существующие лишь в сознании и воображении представителей данной культуры и неведомые представителям других культур. Данный тезис подтверждается проведенным нами исследованием. Так, например, существительное изучаемого нами семантического поля партитивности *крошка* – «Мельчайшая часть, крохотный кусочек чего-нибудь» наряду с прямым значением имеет переносно-метафорическое: «Малютка (о ребенке или женщине; с оттенком ласки)». Конечно, есть и слова, которые заключают в себе аналогичные по содержанию коннотации, наблюдающиеся у эквивалентных слов разных языков. Это относится, скажем, к культурному компоненту смысла слова *grain* – *крупница* в английском и русском языках – «Мельчайшая часть, минимальное количество чего-нибудь»: *not a grain of truth* – *ни крупницы истины*. Метафорический перенос в данном случае осуществляется по признаку «размер». Следует отметить, что соотносимая с русской лексемой *зерно* английская лексическая единица *grain* более многозначна, что обуславливает возможность множественных метафорических переносов.

Как было отмечено выше, партитивные значения очень часто являются основанием для метафорического переноса. В партонимических отношениях упорядочивающий аспект отступает перед многообразием реальных связей и зависимостей вещей в структурах целого, что и служит источником метафоризации, когнитивные механизмы которой позволяют интенционально выделять экстенциональные части в абстрактных сущностях. Характерно, что метафорическое переосмысление может основываться на любой ассоциации, стимулируемой предметом, в том числе ложной, случайной и необоснованной, а вовсе не только на существенных признаках, предположительно образующих понятие класса. Ассоциация в некотором отношении случайна и произвольна. Мы не можем заранее определенно сказать, какая ассоциация возникает у человека при создании слова.

Процесс разделения (расщепления) целого на составляющие его части является, как мы отмечали ранее, универсальной процедурой, которая сопровождает осмысление человеком сложных реалий окружающего мира. Характерные для языковой картины мира партитивные семантические связи при этом по-разному отражают данную мыслительную операцию. Проведенный нами анализ показал, что в метафорически переосмысленных лексических единицах со значением части целого национально-семантические доли присутствуют на уровне импликационалов их значений. В этих случаях понятийно тождественные лексические единицы в английском и русском языках обладают расхождениями в области семантической периферии, т.е. знаний и

ассоциаций, сопряженных с данным предметом или явлением в сознании носителей данных языков.

Безусловно, каждая метафора уникальна по своей сути, так как ее форма и содержание в определенной мере зависят от творческого воображения и мировосприятия автора. Тем не менее, некоторые слова в метафорических сочетаниях, выражающих идею партиитивности, отличаются заметной повторяемостью. Частое употребление в метафорических контекстах ведет к появлению соответствующих коннотаций у слов, функционирующих в роли вспомогательного компонента подобных концептуальных метафор – слово несет на себе след своих метафорических контекстов.

Так, существительные *grain* (**крупница, частица**), *crumb* (**частица, крошка**), *speck* (**частичка**), *shred* (**обрывок**), *chunk* (**ломоть, большой кусок**) и многие другие в прямом значении являются нейтральными. В результате частого употребления в метафорических выражениях типа *not a grain of truth* (букв. **ни крупницы правды**) / *not a grain of pity* (букв. **ни крупницы жалости**), *not a speck of evidence* (букв. **ни частички доказательства**) / *not a speck of sympathy* (букв. **ни частички симпатии**), *the only crumb of hope* (букв. **единственная крошка надежды**) / *crumbs of information* (букв. **крохи информации**), *not a shred of proof* (букв. **ни обрывка доказательства**), *a chunk of luck* (букв. **ломоть удачи**) / *a chunk of history* (букв. **ломоть истории**) эти слова обрели коннотативный аспект значения: *grain* (**крупница, частица**), *crumb* (**частица, крошка**), *speck* (**частичка**), *shred* (**обрывок**) ассоциируются с очень малым, ничтожным количеством чего-либо (как правило, эти слова используются в английском языке при описании эмоций, чувств, мыслей человека); *chunk* – это не только «ломоть», но и ассоциация у носителей английского языка с большой частью, большим количеством чего-либо (как правило, речь идет о сфере явлений и процессов общественной жизни). Следует отметить, что в русском переводе преобладает модель ЖИДКАЯ СУБСТАНЦИЯ: **ни капли правды, ни капли жалости, ни капли симпатии, ни капли надежды**. В русском языке также происходят процессы появления соответствующих коннотаций у слов, функционирующих в роли вспомогательного компонента подобных концептуальных метафор: **крупница, капелька, кроха** ассоциируются с незначительным количеством чего-либо.

Для того чтобы в компактной и наглядной форме представить соотношение исходного и производного значений, вслед за М.В. Никитиным [Никитин 1996, с. 234], прибегнем к символизации. Значения (точнее интенционалы значений) будем изображать заглавными буквами, семы – строчными. Если значение и сема – одно и то же понятие, будем изображать их одной и той же буквой, заглавной в первом случае, строчной – во втором. Чтобы различать части интенционала, будем

изображать его в виде дроби, помещая внизу гиперсему, вверху – гипосему. Импликациональные признаки помещаем справа от «дроби». В соответствии с имеющейся практикой, резервируем x , y , z для обозначения переменных (неопределенных) признаков, M , m – значения.

При метафорической связи значений общая часть – семы импликационала (обычно) и интенционала (реже) исходного значения, которые в производном значении играют роль гипосемы. Что же касается гиперсемы производного значения, то ею служит понятие о классе, в котором выделяется подкласс, конституируемый признаком – гипосемой. Ср.: *lump* m1: интенционал – часть целого (A); импликационал: маленькая часть (b); часть твердой субстанции (c); часть, не имеющая правильной формы.

Переменной оказывается не только гипосема производных значений, но и их гиперсема. Последнее менее очевидно, но вполне справедливо: слово *lump* может быть отнесено не только к части материального предмета, но констатирующе к любому физически невоспринимаемому явлению. Таким образом, общая формула семантического варьирования слова метафорическом поле выглядит так:

$$lump\ m1\ A - b, c;$$

$$m2\ \frac{x}{y}$$

где x – любой признак или связка признаков из импликационала или гипосемы исходного значения m1, а y – понятие о любом классе, в котором выделяется подкласс, конституируемый признаком x .

Как видим, метафора имеет большой диапазон варьирования за счет того, что переменной оказывается не только гипосема, но и гиперсема производного значения. Однако сколько бы широким ни было поле варьирования семантики, оно не вполне беспредельно за счет того, что само имеет вероятностную структуру, определяемую вероятностной мерой импликациональных признаков и степенью номинационной потребности в новом значении. Потенциальные метафорические значения имеют разный шанс реализоваться, и он вновь определяется силой ассоциативной связи и остротой номинативной потребности.

В результате проведенного нами исследования соотношения универсального и специфического в метафорическом переносе можно констатировать, что национальная специфика может проявлять себя:

1) на уровне лексем, когда из двух соотносимых единиц сопоставляемых языков, совпадающих по значению, метафорическое значение имеется только в одном из них, а в другом метафоризации не наблюдается;

2) на уровне семантем, когда соотносимые лексемы метафоризируются в обоих языках, но имеют отличия в количестве производных семем и/или направлении метафоризации;

3) на уровне семем, когда соотносимые метафорические семемы имеют отличия в составе сем. По нашим наблюдениям, национальная специфика второго типа является самой частотной.

Итак, специальный семантический анализ обозначений части и целого в английском и русском языках, а также контрастивное описание семантических полей партитивности позволили установить заметное множество интересных проявлений национально-специфического осмысления данного фрагмента действительности. Так, слова-эквиваленты со значением части целого с психолингвистической точки зрения могут считаться в обоих языках таковыми лишь условно. Особенностью партитивной семантики является ее культурная специфика, которая проявляется и в несовпадении объемов значений одноименных понятий и в различной степени их дифференциации. Проведенное исследование позволяет утверждать, что партитивные сочетания активно подвергаются десемантизации и метафоризации в английском и русском языках. Специфика рассматриваемого семантического поля партитивности в английском языке состоит в более активной по сравнению с русским языком метафоризации с переносом значения части на абстрактные сущности.

Литература

- Баранов А.Н. Постулаты когнитивной семантики / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский // Известия АН. Серия литературы и языка. – 1997. – Т. 56. – № 1. – С. 11-21.
- Зинченко В.Г. Межкультурная коммуникация. Системный подход / В.Г. Зинченко, В.Г. Зусман, З.И. Кирнозе. – Нижний Новгород: изд-во НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2003. – 192 с.
- Кацнельсон С.Д. Категории языка и мышления / С.Д. Кацнельсон. – М.: Школа «Языки славянской культуры», 2001. – 864 с.
- Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят на о мышлении / Дж. Лакофф: пер. с англ. И.Б. Шатуновского. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
- Никитин М.В. Курс лингвистической семантики / М.В. Никитин. – СПб.: Научный центр проблем диалога, 1996. – 760 с.
- Уорф Б.Л. Грамматические категории / Б.Л. Уорф // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М.: Наука, 1972. – С. 44-60.
- ФЭС – Философский энциклопедический словарь / Редкол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичев и др. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – 816 с.
- Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени / Л.О. Чернейко. – М.: 1997. – 320 с.
- Crystal David. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. – Cambridge University Press, 2001, 489 p. – P. 168.
- Rosch E. Cognitive Representations of Semantic Categories // Journal of Experimental Psychology. 1975. General 104. – P. 192-233.

СЕМАНТИКА НАИМЕНОВАНИЙ ДЕСЕРТА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация: В статье описывается интегрированное лексикографическое значение наименований десерта.

Ключевые слова: семантика, толковый словарь, лексикографическое значение

Abstract: The article describes the integrated lexicographic meaning of dessert names.

Key words: semantics, explanatory dictionary, lexicographic meaning

Целью данного исследования является изучение семантики наименований десерта в русском языке.

Материалом исследования послужили 15 слов наименований десертов в русском языке: ВАФЛЯ, ДЕСЕРТ, ЗАПЕКАНКА, ЗЕФИР, КЕКС, ПАСТИЛА, ПЕЧЕНЬЕ, ПИРОГ, ПИРОЖНОЕ, ПРЯНИК, ПУДИНГ, РУЛЕТ, СЛОЙКА, ТОРТ, ЭКЛЕР.

Было сформулировано интегрированное лексикографическое значение каждого слова. При анализе лексикографического значения исследуемых слов, использовались данные пяти толковых словарей: БТС, ТСЕ, МАС, ТСОШ, ТСУ. Также было определено происхождение каждого исследуемого слова.

Лексикографическое описание семантики слова – это логически сформулированный лексикографами минимум признаков для узнавания значения слова, ядерные семы слова в представлении лексикографов [Стернин 2011, с. 15]. При описании интегрированного лексикографического значения использовался метод обобщения словарных дефиниций [Рудакова 2015]. Приведем результаты лексикографического анализа семантики слов.

ВАФЛЯ

1. Тонкое 1 (БТС, МАС, ТСОШ, ТСЕ, ТСУ) сухое 1 (БТС, МАС, ТСОШ, ТСЕ, ТСУ), хрустящее 0,20 (БТС) печенье 0,80 (МАС, ТСОШ, ТСЕ, ТСУ), кондитерское изделие 0,20 (БТС), из муки на сливках и яйцах 0,20 (ТСУ) с рельефным клетчатым рисунком 1 (БТС, МАС, ТСОШ, ТСЕ, ТСУ), различной формы (в виде листов, трубочек, стаканчиков) 0,20 (БТС), с начинкой из крема, помадки 0,20 (БТС). ЛИЯС 1. *Вафли с кремом. Вафли с муссом. Вафельные трубочки с кремом.*

2. Сборка на ткани, блузе в виде мелкой рельефной клетки 0,20 (БТС). ЛИЯС 0,20. *На ней была красивая блузка со сборками.*

Комментарий: Слово ВАФЛЯ заимствовано в русский язык из немецкого – Waffel – «соты». Слово «ВАФЛЯ» есть во всех словарных статьях. Слово ВАФЛЯ имеет два лексикографических значения, одно из которых относится к наименованию десерта (указано во всех словарях). Признак «различной формы (в виде листов, трубочек, стаканчиков)»

указан только в дефиниции (БТС), признак «из муки на сливках и яйцах» указан только в дефиниции (ТСУ). Второе значение относится к виду ткани «сборка на ткани» указано только в дефиниции (БТС). Общим признаком будет «рельефная клетка». Для лексикографов важными оказались параметры: с рельефным клетчатым рисунком.

ДЕСЕРТ

Сладкие блюда 1 (БТС, МАС, ТСОШ, ТСЕ, ТСУ), фрукты 1 (БТС, МАС, ТСОШ, ТСЕ, ТСУ), конфеты 0,80 (МАС, ТСОШ, ТСЕ, ТСУ), подаваемые в конце обеда 1 (БТС, МАС, ТСОШ, ТСЕ, ТСУ). ЛИЯС 1. *Разнообразные десерты. Обед без десерта. Десертные блюда. Десертные вина. Десертная ложка.*

Комментарий: Слово ДЕСЕРТ заимствовано в русский язык из французского языка – *dessert*. Во всех пяти словарях русского языка есть словарная статья «ДЕСЕРТ». Слово ДЕСЕРТ имеет одно лексикографическое значение, которое относится к наименованию кондитерского изделия. Для лексикографов важными оказались параметры: тип кушанья (кондитерское изделие), категория (сладкий). Признаки «конфеты» включены не во все дефиниции, а отмечены только в отдельных словарях (ТСОШ, ТСЕ, ТСУ).

ЗАПЕКАНКА

1. Кушанье 1 (БТС, МАС, ТСОШ, ТСЕ, ТСУ), приготовленное запеканием 1 (БТС, МАС, ТСОШ, ТСЕ, ТСУ). ЛИЯС 1. *Картофельная запеканка. Запеканка из риса.*

2. Приготовленная на жару 1 (БТС, МАС, ТСОШ, ТСЕ, ТСУ) ягодная наливка 0,80 (БТС, ТСОШ, ТСЕ, ТСУ), настойка 0,20 (МАС), хлебное вино 0,40 (МАС, ТСЕ) с пряностями 1 (БТС, МАС, ТСОШ, ТСУ, ТСЕ). ЛИЯС 1. *Вишневая запеканка, запеканка из риса.*

Комментарий: Слово ЗАПЕКАНКА заимствовано в русский язык из польского – *zapiekanka*. Слово ЗАПЕКАНКА есть во всех словарных статьях. Слово имеет два лексикографических значения, одно из которых относится к наименованию десерта – запеченного кушанья, второе обозначает напиток – ягодную наливку (указано во всех словарях). Для лексикографов важными оказались параметры: способ приготовления, ингредиенты, вид блюда.

ЗЕФИР

1. Сорт легкой 0,60 (БТС, МАС, ТСЕ, ТСУ) фруктовой 0,80 (БТС, МАС, ТСЕ, ТСУ) пастилы 1 (БТС, МАС, ТСОШ, ТСЕ, ТСУ). ЛИЯС 1. *Зефир в шоколаде, коробка зефира.*

2. Старинная 0,20 (БТС) тонкая 0,40 (ТСОШ, ТСУ) бельевая 0,60 (БТС, МАС, ТСЕ) хлопчатобумажная 1 (БТС, МАС, ТСЕ, ТСОШ, ТСУ)

ткань 1 (БТС, МАС, ТСОШ, ТСЕ, ТСУ) из крученой беленой пряжи 0,20 (ТСЕ), саржевого плетения 0,20 (ТСУ). ЛИЯС 1. *Сорочка из зефира*.

3. В поэзии 1 (ТСЕ, БТС, ТСОШ, МАС, ТСУ): легкий 0,80 (БТС, МАС, ТСОШ, ТСЕ), обычно теплый 0,60 (БТС, ТСОШ, ТСЕ), приятный 0,20 (ТСУ), мягкий 0,20 (ТСУ) ветерок 1 (БТС, МАС, ТСОШ, ТСЕ, ТСУ). ЛИЯС 1. *Ночной зефир струит эфир* (Пушкин). *Дышит влагою прохладной Упоительный зефир*. Полежаев, Романсы. *Приди ко мне, когда зефир Колышет рощами лениво*. Кольцов, *Приди ко мне...* *Как тихо веянье зефира по водам*. Жуковский

4. У древних греков в античной мифологии 0,60(ТСОШ, ТСЕ, ТСУ): западный 0,60 (ТСОШ, ТСЕ, ТСУ) ветер 0,60 (ТСОШ, ТСЕ, ТСУ) в виде юноши с крыльями 0,20 (ТСЕ). ЛИЯС 0,60. *Теплый и влажный западный ветер, дающий с побережья Атлантического океана*.

Комментарий: Слово ЗЕФИР заимствовано в русский язык из греческого – *zerphugos* {От греч. ζέφυρος — западный ветер}. Слово «ЗЕФИР» есть во всех словарных статьях. Слово ЗЕФИР имеет четыре лексикографических значения, одно из которых относится к наименованию десерта, второе обозначает хлопчатобумажную ткань (указано во всех словарях), третье четвертое значения – ветер (указано во всех словарях). Для лексикографов важными оказались параметры: сорт или разновидность пастилы.

КЕКС

Маленькая булочка 0,80 (БТС, МАС, ТСОШ, ТСЕ) или небольшой хлебец 1 (БТС, МАС, ТСОШ, ТСЕ, ТСУ) из сдобного теста 1 (БТС, МАС, ТСЕ, ТСОШ, ТСУ) с изюмом 0,60 (БТС, МАС, ТСУ) или коринкой 0,40 (БТС, МАС), с цукатами и пряностями 0,40 (БТС, МАС). ЛИЯС 1. *Кекс с изюмом*.

Комментарий: Слово КЕКС заимствовано в русский язык из английского языка – *sake*. Во всех пяти словарях русского языка есть словарная статья «КЕКС». Слово КЕКС имеет одно лексикографическое значение, которое относится к наименованию кондитерского изделия. Для лексикографов важными оказались параметры: тип кушанья (кондитерское изделие), материал изделия (вид теста), категория (сладкий), составляющие блюда (начинка). Признаки «маленькая булочка» включены не во все дефиниции, а отмечены только в отдельных словарях (БТС, МАС), «небольшой хлебец» включены только в дефиниции (БТС, МАС, ТСОШ, ТСЕ), сема «из сдобного теста» – БТС, МАС, ТСЕ; признак «с изюмом» включен не во все дефиниции, а отмечен только в отдельных словарях (БТС, МАС, ТСУ), сема «с коринкой» – БТС; сема «с цукатами и пряностями» включены только в дефиниции (БТС, МАС).

ПАСТИЛА

Кондитерское изделие 1 (БТС, МАС, ТСОШ, ТСЕ, ТСУ), тестообразного вида 0,20 (ТСЕ), из потертых и сваренных с сахаром фруктов 1 (БТС, МАС, ТСОШ, ТСЕ, ТСУ), обычно с добавлением взбитых яичных белков 1 (БТС, МАС, ТСОШ, ТСЕ, ТСУ). ЛИЯС 1. *Яблочная пастила. {Варвара} угощала гостей вареньем и яблочной пастилой.*

Комментарий: Слово ПАСТИЛА заимствовано в русский язык из немецкого языка – Pastille. Во всех пяти словарях русского языка есть словарная статья «ПАСТИЛА». Слово ПАСТИЛА имеет одно лексикографическое значение, которое относится к наименованию кондитерского изделия. Для лексикографов важными оказались параметры: тип кушанья (кондитерское изделие), материал изделия (вид теста), составляющие блюда. Признаки «из потертых и сваренных с сахаром фруктов» включены во все дефиниции, «тестообразного вида» включены только в дефиниции (ТСЕ), «обычно с добавлением взбитых яичных белков» – БТС, МАС, ТСОШ, ТСЕ, ТСУ.

ПЕЧЕНЬЕ

1. Кондитерское изделие 1 (БТС, МАС, ТСЕ, ТСУ, ТСОШ) из кусочков 1 (МАС, ТСОШ, ТСУ, БТС, ТСЕ) сладкого 0,60 (МАС, ТСОШ, ТСУ) испеченного теста 1 (БТС, МАС, ТСОШ, ТСЕ, ТСУ), имеющее определенный рельеф 0,20 (БТС). ЛИЯС 1. *Миндальное печенье. Предложить гостям сдобное печенье. Коробка печенья. Наладить производство печенья. Сухое печенье.*

2. Печеное кушанье 0,80 (БТС, МАС, ТСЕ, ТСУ), обычно хлебное 0,20 (ТСЕ). Разг. 0,40 (МАС, ТСУ). ЛИЯС 0,80. *Какие запасы были там {в Обломовке} варений, солений, печений!* И. Гончаров, Обломов.

3. Процесс печения 0,40 (МАС, ТСУ). ЛИЯС 0,40. *Печение хлеба.*

Комментарий: Слово ПЕЧЕНЬЕ заимствовано в русский язык из голландского языка – «koeke». В четырех словарях русского языка есть словарная статья «ПЕЧЕНЬЕ», а в БТС – «ПЕЧЕНИЕ». Слово ПЕЧЕНЬЕ имеет несколько значений, но все они связаны с едой. Признаки «из кусочков сладкого теста» включены не во все дефиниции, а отмечены только в отдельных словарях (МАС, ТСОШ, ТСЕ, ТСУ), «из испеченного теста» включены только в дефиниции БТС, «имеющее определенную форму и рельеф» – БТС.

ПИРОГ

1. Мягкое 0,20 (ТСЕ), печеное изделие 1 (БТС, МАС, ТСОШ, ТСЕ, ТСУ) из раскатанного 0,80 (БТС, МАС, ТСОШ, ТСЕ), дрожжевого 0,20 (ТСЕ), сдобного 0,20 (ТСУ) теста с какой-либо начинкой 1 (БТС, МАС, ТСОШ, ТСЕ, ТСУ). ЛИЯС 1. *Мясной пирог, рыбный пирог, сладкий пирог.*

2. Источник материального достатка 0,60 (БТС, ТСЕ, ТСУ), средство наживы 0,20 (ТСЕ). ЛИЯС 0,60. *Общественный, казённый п. Пристроиться к пирогу. Жирный п. (разг.; о каком-л. деле, предприятии, сулящем хорошую выгоду).*

3. То же, что торт 0,20 (ТСУ). Разг. 0,20 (ТСУ). ЛИЯС 0,20

4. Ситный или пшеничный хлеб, булка (ТСУ). Обл. (ТСУ). ЛИЯС 0,20

Фразеологические единицы:

◇ Вот такие (какие) пироги. *Шутл.* Вот так обстоят дела, вот что произошло (о создавшемся сложном, неприятном положении).

◇ Пожизвиться от общего пирога. *Разг.* Вот так обстоят дела, вот что произошло.

◇ Урвать свой кусок пирога. *Неодобр.* Добиться некоторой доли при дележе чего-л.

◇ Вот такие (какие) ~ и (прост. шутл.) вот как обстоят дела, вот что случилось (обычно о чём-н. сложном, неприятном).

Комментарий: Слово ПИРОГ – древнерусское. Слово «ПИРОГ» есть во всех словарных статьях. Слово ПИРОГ имеет несколько лексикографических значений, одно из которых относится к наименованию десерта, второе обозначает материальный достаток (указано в БТС) и третье значение – торт (указано в ТСЕ). Признак «мягкое» указан только в дефиниции (ТСЕ). Для лексикографов важными оказались параметры: разновидность пирога.

ПИРОЖНОЕ

1. Кондитерское изделие 1 (БТС, МАС, ТСОШ, ТСЕ, ТСУ) небольших размеров 0,80 (БТС, МАС, ТСОШ, ТСУ) из сдобного 1 (БТС, МАС, ТСОШ, ТСЕ, ТСУ), сладкого 0,40 (ТСОШ, ТСЕ) теста 1 (БТС, МАС, ТСОШ, ТСЕ, ТСУ), преимущественно со сладкой начинкой (с кремом, взбитыми сливками, помадкой, цукатами, миндалем и т.п.) 1 (БТС, МАС, ТСОШ, ТСЕ, ТСУ). ЛИЯС 1. *Бисквитное пирожное, песочное пирожное, слоеное пирожное. Подать на стол пирожные. Купить к чаю пирожных. Пирожное безе.*

2. Сладкое блюдо 0,40 (МАС, ТСЕ), мучное 0,20 (ТСУ), которое подавалось в конце обеда, ужина 0,60 (МАС, ТСЕ, ТСУ). Устар. 0,60 (МАС, ТСЕ, ТСУ). ЛИЯС 0,60. *Наконец подают нетерпеливо ожидаемое детьми пирожное. Оно двух сортов. Сначала разносят фигурные венчики, сделанные из нарезанного миндаля; потом — желе малинового цвета с прилепленной во внутренней пустоте восковой свечой. Салтыков-Щедрин, Пошехонская старина.*

Комментарий: Слово ПИРОЖНОЕ исконно русское слово, произошедшее от «пирог». Во всех словарях русского языка есть словарная статья «ПИРОЖНОЕ». Слово ПИРОЖНОЕ имеет одно лексикографическое значение. Для лексикографов важными оказались

параметры: тип кушанья (кондитерское изделие), материал изделия (вид теста), категория (сладкий), составляющие блюда (начинка).

ПРЯНИК

Сладкое 0,60 (МАС, ТСОШ, ТСУ) мягкое 0,20 (ТСОШ) мучное кондитерское изделие 0,40 (ТСЕ, БТС), печенье 0,60 (МАС, ТСОШ, ТСУ) на меду 0,80 (БТС, МАС, ТСЕ, ТСУ), сахаре 0,60 (БТС, МАС, ТСЕ) или патоке 0,80 (БТС, МАС, ТСЕ, ТСУ), с добавлением пряностей 0,60 (МАС, ТСЕ, ТСУ) в виде толстой лепёшки 0,60 (БТС, ТСОШ, ТСЕ), прямоугольника 0,20 (БТС), плоской фигурки 0,20 (ТСОШ). ЛИЯС 1. *Печатный пряник. Мятный пряник. Фруктовые пряники. Пряники с начинкой. Тульские пряники. Медовый пряник. Расписной пряник.*

Комментарий: Слово ПРЯНИК древнерусское, произошедшее от «перец». Во всех пяти словарях русского языка есть словарная статья «ПРЯНИК». Слово ПРЯНИК имеет одно лексикографическое значение, которое относится к наименованию кондитерского изделия. Для лексикографов важными оказались параметры: тип кушанья (кондитерское изделие), материал изделия (вид теста), категория (сладкий), форма изделия.

ПУДИНГ

Запеканка 1 (БТС, МАС, ТСОШ, ТСЕ, ТСУ) из муки 1 (БТС, ТСОШ, ТСЕ, ТСУ), крупы 1 (БТС, МАС, ТСОШ, ТСЕ, ТСУ), риса 0,40 (БТС, ТСУ), белого хлеба 0,40 (БТС, ТСЕ), творога 0,80 (БТС, МАС, ТСОШ, ТСЕ), фруктов 1 (БТС, МАС, ТСОШ, ТСЕ, ТСУ) со сладостями 0,60 (БТС, ТСОШ, ТСУ), приправами 0,80 (БТС, ТСОШ, ТСЕ, ТСУ), мясом 0,40 (БТС, ТСЕ), жиром 0,20 (БТС), маслом 0,20 (БТС), изготавливается на водяной бане 0,20 (БТС), относится к классическим блюдам английской кухни 0,20 (БТС). ЛИЯС 1. *Рисовый пудинг. Манный пудинг. Творожный пудинг. Яблочный пудинг.*

Комментарий: Слово ПУДИНГ заимствовано в русский язык из английского – pudding. Слово «ПУДИНГ» есть во всех словарных статьях. Слово ПУДИНГ имеет одно лексикографическое значение. Имеет разновидности – может быть десертом (сладким блюдом, если включает в свой состав творог, фрукты, сладости), может быть вторым блюдом – мясом. Нет разграничения на сладкое и несладкое блюдо. Различие только в начинке и типе теста при одинаковом способе приготовления. Для лексикографов важными оказались параметры: тесто, способ приготовления, состав, происхождение.

РУЛЕТ

1. Кушанье 1 (ТСОШ, ТСЕ, ТСУ, БТС, МАС) с начинкой 0,60 (ТСОШ, БТС, МАС) из рубленого мяса 0,80 (ТСЕ, ТСУ, БТС, МАС), мятого

картофеля 0,40 (БТС, МАС), запеченное 0,60 (ТСОШ, БТС, МАС), удлиненной и округлой формы 1 (ТСОШ, ТСЕ, ТСУ, БТС, МАС). ЛИЯС 1. *Свиной рулет. Рулет из скумбрии. Картофельный рулет. Мясной рулет.*

2. Окорок 1 (ТСОШ, ТСЕ, ТСУ, БТС, МАС), рыба 0,20 (БТС), освобожденный от кости 1 (ТСОШ, ТСЕ, ТСУ, БТС, МАС), удлиненной и округлой формы, в форме толстой колбасы 0,80 (ТСОШ, ТСЕ, БТС, МАС), закопченный 0,20 (БТС). ЛИЯС 1. *Рулет обычно запекается одним большим куском.*

3. Кондитерское изделие 0,20 (ТСЕ, ТСУ), пирог 0,20 (БТС, МАС), со сладкой начинкой 0,80 (ТСЕ, ТСУ, БТС, МАС), из нескольких свернутых слоев 0,80 (ТСЕ, ТСУ, БТС, МАС) теста 0,80 (ТСЕ, ТСУ, БТС, МАС). ЛИЯС 0,80. *Бисквитный рулет. Рулет с маком.*

Комментарий: Слово РУЛЕТ заимствовано в русский язык из французского – Rouler. Во всех словарях русского языка есть словарная статья РУЛЕТ. Слово имеет три лексикографических значения. Первое – кушанье с начинкой из рубленого мяса, второе – окорок, освобожденный от кости; третье значение – кондитерское изделие. Для лексикографов важными оказались параметры: тип кушанья (кондитерское или мясное изделие), материал изделия (вид теста), составляющие блюда (начинка).

СЛОЙКА

1. Булочка 1 (БТС, МАС, ТСОШ, ТСЕ, ТСУ) или пирожное 0,20 (ТСУ) из слоеного теста 1 (БТС, МАС, ТСОШ, ТСЕ, ТСУ). Разг. 0,20 (ТСУ). ЛИЯС 1. *Печь слойки, съесть слойку, румяная слойка.*

2. Расположение слоями 0,80 (БТС, МАС, ТСОШ, ТСУ), то же, что слоение 0,20 (ТСУ). ЛИЯС 0,80. *Повар осуществил слойку теста.*

Комментарий: Слово СЛОЙКА – исконно русское. Во всех словарях русского языка есть словарная статья «СЛОЙКА». Слово СЛОЙКА имеет два значений. Только одно из них является наименованием кондитерского изделия (ЛИЯС 1). Признак «это пирожное» указан только в дефиниции ТСУ. Для лексикографов важными оказались параметры: тип кушанья (булочка или пирожное), материал изделия (вид теста). Второе значение также имеет отношение к кондитерской сфере – действия повара с тестом «слоить».

ТОРТ

1. Кондитерское изделие 1 (БТС, МАС, ТСОШ, ТСЕ, ТСУ) или пирог 0,20 (ТСУ) из сладкого 0,40 (ТСОШ, ТСУ), бисквитного 0,20 (ТСЕ), песочного 0,20 (ТСЕ), слоеного 0,20 (ТСЕ), сдобного теста 0,40 (МАС, ТСОШ), обычно круглой или прямоугольной формы 0,20 (БТС), с кремом 0,80 (БТС, МАС, ТСОШ, ТСЕ), фруктами 0,60 (БТС, МАС, ТСОШ), цукатами 0,20 (ТСЕ). ЛИЯС 1. *Трюфельный торт, фруктовый торт, шоколадный торт, торт безе, ореховый торт.*

2. Кушанье, состоящее из нескольких слоев и имеющее круглую или прямоугольную форму 0,20 (БТС). ЛИЯС 0,20. *Она сделала торт-салат. Печеночный торт сегодня особенно вкусный.*

Комментарий: Слово ТОРТ заимствовано в русский язык из итальянского – torta. Слово «ТОРТ» есть во всех словарных статьях. Слово ТОРТ имеет два значения, из которых только одно относится к наименованию десерта (указано во всех словарях). Признак, указывающий на форму десерта – «обычно круглой или прямоугольной формы» – указан только в БТС, тип теста – только в ТСЕ. В ТСУ указана синонимическая единица – пирог. Для лексикографов важными оказались параметры: вид теста, тип начинки, форма десерта, структура теста (слои).

ЭКЛЕР

Пирожное 0,80 (БТС, МАС, ТСОШ, ТСЕ) из заварного теста 0,80 (БТС, МАС, ТОСОШ, ТСЕ) с кремом внутри 0,80 (БТС, МАС, ТСОШ, ТСЕ). ЛИЯС 0,80. *Вкусные эклеры. Съев очередной эклер, я действительно чувствовала себя лучше.*

Комментарий: Слово ЭКЛЕР заимствовано в русский язык из французского – éclair. Слово ЭКЛЕР входит в словник четырех толковых словарей русского языка, отсутствует в ТСУ, так как это слово заимствованное. Слово ЭКЛЕР имеет только одно значение. Основные признаки «пирожное», «состоит из заварного теста», «с кремом внутри».

Анализ лексикографических значений наименований десерта показывает, что среди 15 наименований десерта шесть слов имеют только одно значение: *десерт; кекс; пастила; пряник; пудинг; эклер.*

У пяти слов семантемы состоят из двух семем: *вафля, запеканка, пирожное, слойка, торт.* Только у слов «вафля» (сборка на ткани) и «слойка» (процесс слоения) вторая семема не связана с наименованием пищи. У слова «запеканка» второе значение – «напиток, настойка», прямое значение «блюдо, изготовленное запеканием» не содержит прямого указания на десерт. У слова «пирожное» отмечено обобщенное значение «любое кондитерское изделие» – в этом оно синонимично значению слова «десерт». Слово «торт» имеет второе значение, основной признак которого – структура блюда (состоит из слоев).

Три и более значений имеют семантемы слов *печенье, рулет, зефир, пирог.*

Литература

Рудакова А.В. Методика обобщения словарных дефиниций при описании интегрированного лексикографического значения слова / А.В. Рудакова // Вестник Дагестанского научного центра. – 2015. – №3(58). – С. 152-156.

Стернин И.А. Психолингвистическое значение и его описание: теоретические проблемы: монография / И.А. Стернин, А.В. Рудакова. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 192 с.

Список словарей

БТС – Большой толковый словарь русского языка» / под ред. С.А. Кузнецова // <http://gramota.ru/slovari/info/bts/>

МАС – Малый академический словарь русского языка» / под ред. А.П. Евгеньевой // <https://classes.ru/all-russian/dictionary-russian-academ.htm>

ТСЕ – Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный» Т.Ф. Ефремовой // <https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova.htm>

ТСОШ – Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой // <https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegov.htm>

ТСУ – Большой толковый словарь современного русского языка» Д.Н. Ушакова // <https://gufo.me/dict/ushakov>

Уссейну Талл (Дакар, Республика Сенегал)

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ ЛЕКСИКОЛОГИИ И ЛЕКСИКОГРАФИИ

Аннотация: Данная статья посвящена понятиям лексикологии и лексикографии русского языка.

Ключевые слова: русский язык, лексика, лексикология, словарь, лексическая система, лексикография

Abstract: This article is devoted to the concepts of lexicology and lexicography of the Russian language.

Key words: Russian language, lexical, lexicology, dictionary, lexical system, lexicography

При изучении русского языка как иностранного необходимым этапом в освоении языка является обращение к словарным источникам, которые имеют своей целью дать справочную информацию о значении слова, о правилах его употребления и др.

Практика обучения сенегальцев русскому языку показывает, что обучающиеся часто не разграничивают такие понятия, как лексикология и лексикография, неправильно употребляют термины, относящиеся к этим разделам языка. Поэтому цель данной статьи – восполнить и систематизировать теоретический материал для тех, кто только начал изучать русский язык.

Лексикология – это наука, которая изучает словарный состав любого языка (или его лексику). Лексика языка – это слова и словосочетания, которые выполняют в речи роль слова (*книга, имеет место* и др.). Слово – это языковая единица, которая служит для обозначения (наименования) предметов и признаков (действий, отношений, качеств, количеств).

Под **значением** слова понимают отображение в слове реалий действительности (предметов, признаков, отношений, процессов и т. д.).

Основная функция слова – название реалий действительности (так называемая номинативная функция). Но слово не только называет, но и обобщает: называя *столом* предметы разного размера, формы, назначения, мы отвлекаемся от индивидуальных особенностей конкретных предметов и сосредотачиваем внимание на их основных чертах, отражающих не все, а лишь существенные признаки реалии, позволяющие отличать одно явление от другого (например, предметы, называемые словом *стол*, от предметов, называемых словом *табурет*).

Слова бывают **однозначные** (имеющие одно лексическое значение) и **многозначные** (имеющие несколько значений). Значения одного слова в языке существуют не изолированно, а в тесной связи друг с другом. Известный русский семасиолог М.М. Покровский, одним из первых осознавший системный характер лексики, писал во второй половине XIX века: «Слова и их значения живут не отдельной друг от друга жизнью, но соединяются (в нашей душе) независимо от нашего сознания в различные группы, и основанием для группировки служит сходство или прямая противоположность по основному значению».

Однозначными словами является большинство терминов, некоторые названия инструментов, профессий, разновидностей деревьев и пр. Однозначны, например, слова *табурет*, *сахарница*, *огромный*, *суффикс*.

Большое количество слов имеет несколько (два и более) значений. Так, например, для слова *голова* в Толковом словаре С.И. Ожегова приводится шесть значений: 1) часть тела человека или животного; 2) ум, рассудок (*Он человек с головой*); 3) человек как носитель идей (*Он голова!*); 4) передняя часть чего-либо (*голова колонны, поезда*); 5) единица счета скота (*стадо в 100 голов*); 6) пищевой продукт в форме шара, конуса (*голова сыра, сахара*).

Все значения многозначного слова связаны между собой. В многозначном слове выделяются главное (исходное, первичное) значение слова и производные от него значения. Новые значения возникают у слова в результате переноса наименования (внешней оболочки слова – звуковой и буквенной последовательности) с одного объекта действительности на другие объекты.

Существуют два типа переноса наименования: 1) по сходству (метафора), 2) по смежности – реальной связи объектов (метонимия). Охарактеризуем эти типы переноса.

Перенос по сходству (метафора) – чем-то похожие друг на друга объекты начинают называться одним словом. Сходство между предметами может быть 1) внешнее: а) форма: лента дороги, пузатый чайник; б) цвет: медные волосы, собирать лисички; в) расположение: горло залива, цепь гор; г) размер, количество: море слез, гора вещей; д) степень плотности: стена дождя, кисель дорог; е) степень подвижности: быстрый ум, машина ползет; ж) характер звучания: дождь барабанит, скрипучий голос;

2) функциональное: дворники машины, брачные оковы; 3) в восприятии человеком: холодный взгляд, кислое выражение лица.

Перенос по смежности (метонимия) – два явления, реально связанных друг с другом (пространственно, ситуативно, логически и т. д.), получают одно наименование, называются одним словом. Связь явлений бывает: 1) пространственная – помещение и люди, находящиеся в нем: класс опоздал, зал аплодировал; 2) временная – действие и предмет – результат этого действия: подарочное издание, набор инструментов; 3) логическая: а) действие и место этого действия: вход, остановка; б) действие и люди, его производящие: защита, нападение (защитники, нападающие); в) материал и изделие из этого материала: носить золото, меха, выиграть золото, серебро, бронзу; г) автор и его произведения: ставить Чехова, пользоваться Ожеговым.

Разновидностью этого типа переноса является перенос наименования с части на целое и с целого на часть (синекдоха): 1) с части на целое: *в семье прибавился лишний рот* (= человек), *стадо в сто голов скота* (= животных), *номер в гостинице* (= комната), *первая скрипка*, *первая ракетка*; 2) с целого на часть: *соседи купили машину* (= автомобиль); но *машиной* называется и целый класс механизмов: стиральные, швейные и др. машины.

Степень образности и распространенности в языке у переносных по происхождению значений различна. Часть переносных употреблений не используется носителями в речи и существуют лишь в тексте определенного автора. Это индивидуальные (авторские) метафоры и метонимии: *медные кишочки автомобиля* (И. Ильф и Е. Петров), *скула яблока* (Ю. Олеша). Образность их максимальна, употребление связано лишь с авторским текстом; в словарях эти переносные значения не отражаются. Другие метафоры и метонимии являются общеупотребительными, они не «привязаны» к определенному тексту и употребляются носителями языка в разных ситуациях (обычно в разговорной речи): *стена леса*, *море слез*, *звезда экрана*, *пилить* (ругать). Их образность меньше, чем у авторских, но отчетливо ощущается носителями языка; они отражаются в словаре и имеют помету *переносное*.

Значения слов фиксируются в толковых словарях. Разные значения одного слова помещаются в одну словарную статью толкового словаря. **Лексикография** – это теория и практика составления словарей. **Словарь** – книга, содержащая перечень слов или других языковых единиц (морфем, словосочетаний, фразеологизмов), размещенных в определенном порядке, чаще всего алфавитном.

Словари бывают энциклопедические и лингвистические. **Энциклопедические словари** описывают сам объект внеязыковой действительности и стараются представить максимальное количество признаков этого объекта. **Лингвистические словари** описывают языковые

единицы. Лингвистические словари можно разделить на две группы: толковые, описывающие лексическое значение слов, и аспектные, описывающие слова с точки зрения их написания (орфографические), произношения (орфоэпические), морфемного состава (морфемные).

Подведем итог: лексикология русского языка – это раздел науки о языке, изучающий словарный состав языка, лексикография – это теория и практика составления словарей. Два эти раздела тесно связаны друг с другом и играют важную роль в современной лингвистике.

Литература

Чарыкова О.Н. Введение в языкознание: учебное пособие для вузов / О.Н. Чарыкова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2005. – 135 с.

Чернышева М.И. Лексикология и лексикография славянских языков: монография / М.И. Чернышева и др. – М.: ЛЕКСРУС, 2017. – 879 с

И.И. Торубарова (Воронеж)

РЕЧЕВЫЕ ОШИБКИ В НАУЧНЫХ МЕДИЦИНСКИХ ТЕКСТАХ

Аннотация: В статье представлен анализ некоторых речевых ошибок в текстах русскоязычных авторов, созданных ими на английском языке. Приводится мнение экспертов в области психолингвистики о необходимости анализа речевых ошибок. Исследование имеет прикладной характер, так как его результаты могут положительно повлиять на процесс обучения иностранному языку.

Ключевые слова: речевые ошибки, дескриптивный анализ, сопоставительный анализ

Abstract: The paper deals with an analysis of some speech errors in the English texts of Russian-speaking authors. It discusses expert views regarding the need to analyze speech errors in terms of psycholinguistics. The study appears to be applied in nature, as its results can favourably influence the process of teaching a foreign language.

Key words: speech errors, descriptive analysis, comparative analysis

Анализ речевых ошибок имеет долгую историю. Суть этого процесса кратко сформулировала А.А. Залевская: «...динамика трактовки ошибки в принципе сводится к переходу от рассмотрения ее как интересного казуса и/или недопустимого нарушения прескриптивного правила к признанию естественности речевых ошибок и важности анализа механизмов ошибки как инструмента научного исследования процессов и механизмов функционирования языка у пользующегося им человека, в том числе продуцирования и понимания речи, организации языковых явлений в готовности к их применению в речемыслительной деятельности и т.д.» [Залевская 2009, с. 6].

Анализ ошибок – это метод, который успешно применяется для анализа устной или письменной речи изучающих второй/иностраный язык. Кордер полагал, что анализ ошибок – это нечто большее, чем просто их устранение. Для преподавателя – это возможность оценить, на каком этапе достижения цели (изучение иностранного языка) находится ученик; для исследователя – возможность получить информацию/факты о том, как изучают язык/овладевают языком, какие стратегии и методики используют для этого; для самого обучающегося – и это, по мнению Кордера, самый важный аспект – анализ ошибок – инструмент, который он использует, чтобы учиться [Corder 1967, с. 167]. Из вышесказанного очевидно, что анализ речевых ошибок имеет важное прикладное значение.

Многие исследователи выдвигали свои классификации речевых ошибок. Целям нашего исследования удовлетворяет классификация Ричардса (на которого ссылаются Heydari and Bagheri), выделившего три основные категории ошибок:

1) ошибки интерференции, которые возникают, когда обучающиеся используют свой родной язык для создания предложения на целевом языке;

2) внутриязыковые ошибки: ошибки, отражающие общие характеристики языка (обучение правилам, ошибочное обобщение, неполное применение правил и неспособность распознать условия, при которых применяются правила);

3) ошибки компетенции, возникающие, когда учащиеся пытаются создавать высказывания на целевом языке на основе ограниченного языкового или социального опыта.

Данная классификация, в целом, соотносится с категоризацией анализа ошибок, предложенной Кордером: межъязыковые, внутриязыковые и ошибки развития [Corder 1974]. К внутриязыковым ошибкам, на наш взгляд, следует отнести также некорректное употребление лексических единиц из-за незнания/неполного знания значения слова/фразы.

Выделяют различные виды/типы ошибок: употребление слов в несвойственном им значении, тавтология (плеоназм), нарушение лексической сочетаемости, смешение паронимов, ошибки в употреблении синонимов, антонимов и многозначных слов, замены, повторения, пропуски, перестановки, ошибки ударения, добавления, искажения и т.д. [Егоров 2006; Корчагина 2016]. Несмотря на многообразие мнений и гипотез, четко прослеживается идея о том, речевая ошибка является единицей ментального лексикона и зафиксирована не только в языке, но и в сознании носителя языка.

Цель данного исследования – провести дескриптивный анализ речевых ошибок в аннотациях, заголовках и ключевых словах, написанных к статьям, опубликованным в научном медицинском журнале.

Материал исследования составили заголовки, аннотации, ключевые слова, написанные русскоязычными авторами к статьям, опубликованным впоследствии в научном журнале «Вестник экспериментальной и клинической хирургии». Корпус исследования включал 22 аннотации (11 на русском и 11 на английском языке), 6921 слово.

Известно, что при написании аннотаций на английском языке многие исследователи-медики обращаются за помощью к коллегам-преподавателям иностранного языка либо к услугам профессиональных переводчиков; помимо того, что ИЯ является обязательной дисциплиной школьной и вузовской программы, некоторые ученые углубленно изучают иностранный язык (для личных целей/повышения академической мобильности и т.д.); исходя из вышесказанного, можно считать создателей текстов на английском языке билингвами. В рамках данного исследования мы проводили дескриптивный и сопоставительный анализ текстов на русском и английском языках с целью их редактирования и последующей публикации в журнале. Анализ данных речевых ошибок представляет также интерес для преподавателей английского языка для специальных/медицинских целей.

Проведенный анализ показал, что наибольшее количество ошибок было из категории «ошибки компетенции»: авторы некорректно употребляли лексические единицы (ЛЕ) в научном медицинском контексте. Это говорит о недостаточной языковой компетенции авторов текстов, о дефиците знаний в сфере медицинской терминологии на английском языке, недобросовестной работе со справочным материалом (научные публикации на английском языке по соответствующей тематике, отраслевые словари и т.п.). Достаточно частотны были ошибки из категории «ошибки интерференции», приводившие к явлению, которое мы назвали «научообразное многословие»: большое количество цепочек абстрактных существительных в родительном падеже, длинные многословные предложения. Авторы во многих случаях просто выполняли пословный перевод предложений с русского на английский, соблюдая грамматические нормы целевого языка. Некоторые примеры и наши комментарии представлены в *Таблице*.

Таблица. Анализ речевых ошибок в научных медицинских текстах русскоязычных авторов (примеры и комментарии)

№ п/п	Русскоязычный вариант	Англоязычный вариант	Комментарии
1	Лечение <i>пострадавших</i> с сочетанной травмой и политравмой представляет одну из наиболее трудных задач в травматологии,	Treatment of <i>victims</i> with combined trauma and polytrauma is one of the most difficult tasks in traumatology, characterized by high	Ошибки компетенции (некорректное употребление ЛЕ <i>victims-patients/injured</i> ; для термина <i>нетрудоспособность</i> в

	характеризуется высокой летальностью, длительной нетрудоспособностью и высоким уровнем инвалидности.	mortality, long-term <i>disability</i> and a high level of <i>disability</i> .	английском языке существует аналог <i>incapacity for work</i> , который уместно использовать в данном контексте также для дифференциации лексических единиц (ЛЕ) «нетрудоспособность – инвалидность»)
2	Даже тогда, когда удается вывести больного из шока и избежать полиорганной недостаточности – многомесячный период замедленной реконвалесценции или период трофологических нарушений травматической болезни нередко заканчивается инвалидизацией <i>спасенного пациента</i> .	Even when it is possible to bring the patient out of shock and avoid multiple organ failure – a multi-month period of delayed convalescence or a period of trophic disorders of traumatic illness often ends with the disability of the <i>rescued</i> patient.	Внутриязыковая ошибка (некорректное употребление ЛЕ <i>rescue-save</i>)
3	Эффективность лечения переломов оценивалась по шкале Neer-Grantham-Shelton, основу которой составила балльная оценка пяти клинических и одного рентгенологического признаков.	The effectiveness of fracture treatment was evaluated <i>on the Neer-Grantham-Shelton scale</i> , which is based on a score of 5 clinical and 1 X-ray signs.	Ошибка интерференции (according to/using the Neer-Grantham-Shelton scale)
4	В результате исследования доказано, что предложенная тактика лечения больных с тяжелой сочетанной травмой и политравмой, включающая использование новых разработанных нами способов и устройств для малоинвазивного остеосинтеза, привела к улучшению результатов лечения: увеличению	<i>As a result of the study, it turned out that the proposed tactics for treating patients with severe combined trauma and polytrauma, including the use of new methods and devices developed by us for minimally invasive osteosynthesis, led to improved treatment results.</i> An increase in the number of <i>good</i> results by 14.2%, a decrease in satisfactory results by	Ошибка компетенции (некорректное употребление ЛЕ в контексте – <i>turn out-appear/seem, good-favourable</i>) Ошибка интерференции (научнообразное, пословный перевод)

	количества хороших результатов на 14,2%, уменьшению удовлетворительных на 10,24%, неудовлетворительных – на 4,02 %.	10.24%, and unsatisfactory results by 4.02 %.	
5	Работа основана на анализе результатов лечения и обследования 413 пострадавших с тяжелой сочетанной травмой и политравмой.	<i>The work is based on the analysis of the results of treatment and examination of 413 patients with severe combined trauma and polytrauma.</i>	Ошибка интерференции (пословный перевод с русского)
6	В основу исследования положен анализ результатов лечения и качества жизни 380 больных раком желудка.	<i>The study is based on the analysis of the results of treatment and the quality of life of 380 patients with gastric cancer.</i>	Ошибка интерференции (пословный перевод с русского)
7	Проведение спленэктомии увеличивало частоту развития ранних послеоперационных осложнений, в том числе тяжелых осложнений 3-5 классов по классификации Clavien-Dindo, способствовало развитию рефлюкс-эзофагита и в целом худшему качеству жизни в позднем послеоперационном периоде, однако не оказывало влияния на выживаемость пациентов.	Splenectomy increased the incidence of early postoperative complications, including severe complications of grades 3-5 according to the Clavien-Dindo classification, contributed to the development of reflux esophagitis and, in general, a <i>worse quality of life</i> in the late postoperative period, but did not affect the survival of patients.	Ошибка интерференции (научнообразное многословие) Ошибка компетенции (bad quality of life-poor quality of life) Внутриязыковая ошибка (a worse quality of life-the quality of life)
8	Полученные данные свидетельствуют о достоверно худшем и в целом неблагоприятном профиле безопасности пациентов, перенесших спленэктомию, по сравнению с пациентами, перенесшими спленосохраняющие	The data obtained <i>indicate</i> a significantly worse and generally unfavorable safety profile of patients <i>undergoing splenectomy compared to patients who underwent splenectomy.</i>	Ошибка компетенции (некорректное употребление LIE indicate-evidence) Некорректный перевод/игнорирование значений фразы «спленосохраняющие вмешательства», наш вариант – <i>spleen-preserving</i>

	вмешательства.		<u>surgery</u>
9	Проведен ретроспективный анализ амбулаторных карт 279 (100%) пациентов, которые находились на лечении в клинике госпитальной хирургии г. Смоленска за период 2013-2020 гг. по поводу острого нарушения мезентериального кровообращения.	<i>A retrospective analysis of outpatient records of 279 (100%) patients who were treated at the hospital surgery clinic in Smolensk for the period from 2013-2020 was carried out for: "Acute mesenteric circulation disorder".</i>	Ошибка интерференции (научообразное многословие, пословный перевод с русского языка)
10	При проведении тщательного анализа амбулаторных карт пациентов, особое внимание было уделено: анамнезу, в частности наличию абдоминального болевого синдрома, особенностям, локализации и интенсивности болей; характеру трудовой деятельности в течение жизни; имевшейся сопутствующей патологии; перенесенным оперативным вмешательствам на органах брюшной полости, данным объективного осмотра, а также лабораторным и инструментальным методам исследования.	When conducting a thorough analysis of outpatient patient records, special attention was paid to: anamnesis, in particular, the presence of abdominal pain syndrome, features, localization and intensity of pain; the nature of work during life; the existing concomitant pathology; surgical interventions on the abdominal organs, objective examination data, as well as laboratory and instrumental research methods.	Внутриязыковая ошибка (избыточность значений в словосочетании <i>outpatient patient records</i>) Ошибка компетенции (некорректное употребление ЛЕ the nature of work during life-occupational environment)
11	У пациентов с возникшим острым нарушением мезентериального кровообращения за 3-4,5 года были выявлены клинические признаки, позволяющие заподозрить нарушения по мезентериальному руслу.	In patients with acute mesenteric circulatory disorders, clinical signs were revealed for 3-4.5 years, allowing to suspect violations along the mesenteric bed.	Внутриязыковая ошибка (порядок слов в предложении, неправильное употребление глагольной формы <i>allowing to suspect</i>)

12	Оптимизация терапевтического ангиогенеза при экспериментальной язвенно-некротической стадии критической ишемии нижних конечностей	<i>The Optimization of Therapeutic Angiogenesis in the Experimental Ulcerative-Necrotic Stage of Critical Lower Limb Ischemia</i>	Ошибка интерференции (пословный перевод) Внутриязыковая ошибка (употребление артикля <i>The Optimization</i>)
13	Ишемию мышц голени моделировали на крысах линии Wistar.	Lower leg muscle ischemia was modeled on Wistar rats.	Ошибка компетенции (некорректное употребление ЛЕ в контексте <i>modeled-simulated</i>)
14	Формировали 4 группы животных по 20 особей в каждой...	4 groups of animals were formed, 20 individuals each...	Ошибка компетенции (в научных текстах предложение не начинается с цифры, возможный вариант – Four groups)
15	Попадание в пищевод инородных тел может возникнуть в результате быстрого приема пищи, снижения чувствительности слизистой оболочки ротовой полости при некоторых неврологических болезнях, при психических заболеваниях, у лиц определенных профессий.	<i>Freshing</i> in the esophagus of foreign bodies may result from rapid food intake, <i>reduce the sensitivity of the mucous membrane</i> of the oral cavity in some neurological diseases, with mental illness, in individuals of certain professions.	Недифференцированная ошибка (возможно, перепутано со словом fall – падать?) Ошибка интерференции (пословный перевод, возможный вариант – reduced sensitivity)
16	В 3-4% случаев возникают перфорации пищевода, что может быть вызвано либо наличием <i>острых травмирующих концов</i> у инородного тела, либо продолжительным <i>нахождением</i> инородного тела и, следовательно, развитием <i>пролежня</i> стенки пищевода.	In 3-4% of cases, perforations of the esophagus arise, which can be caused either by the presence of <i>acute traumatic ends</i> in the foreign body, or by long <i>finding</i> a foreign body and, consequently, the development of the <i>waters of the esophagus</i> .	Внутриязыковая ошибка (некорректное употребление ЛЕ <i>acute-sharp, ends-borders/margins, finding-presence</i> ?) Ошибка компетенции (<i>waters of the esophagus-decubitus ulcer</i>)
17	В связи с этим необходима своевременная и полноценная	<i>In this connection</i> , timely and full-fledged diagnosis is needed, adequate surgical treatment in the	Ошибка интерференции (пословный перевод, возможный вариант – in this relation/regard)

	диагностика, адекватное хирургическое лечение в первые часы после установления диагноза перфорации пищевода инородным телом.	first hours after the diagnosis of esophageal perforation by a foreign body.	
18	Пациент поступил в отделение торакальной хирургии с жалобами на чувство инородного тела в горле, гиперсаливацию, наличие подкожной эмфиземы шеи.	The patient <i>entered</i> the <i>separation of thoracic surgery</i> with complaints about the feeling of a foreign body in the throat, <i>hypersion</i> , the presence of the subcutaneous emphysema of the neck.	Внутриязыковая ошибка (некорректное употребление ЛЕ entered-was admitted, separation-department) Недифференцированная ошибка (hypersion-hypersalivation/hypersialosis)
19	Больному выполнен тур обследования и поставлен диагноз: «Инородное тело верхней трети пищевода с перфорацией».	The patient has a <i>survey tour</i> and diagnosed: the foreign body of the upper third of the esophagus with perforation.	Внутриязыковая ошибка (survey tour-examination; The patient has a survey tour and diagnosed – сложное предложение, пропущено подлежащее второго простого предложения)
20	По экстренным показаниям выполнено: 1. ФЭС + низведение инородного тела в желудок; 2. Левосторонняя колотомия, ушивание верхнегрудного отдела пищевода, дренирование превертебрального пространства; 3. Верхне-срединная лапаротомия, гастротомия, удаление инородного тела, гастростомия по Кадепу.	For emergency testimony, completed: 1. <i>Fes + reduction</i> of the foreign body in the stomach; 2. <i>Left-and-thermed koltomius, embedding</i> of the <i>uppergrates</i> of the esophagus, drainage of the <i>prevertubral</i> space; 3. Upper-median laparotomy, gastrotomy, the removal of the foreign body, gastrostomy by <i>cader</i> .	Ошибка интерференции (пословный перевод) Недифференцированная ошибка (Left-and-thermed koltomius-left-sided colotomy) Ошибки компетенции (Fes-esophagoscopy, нет аббревиатуры в английском языке; некорректное употребление ЛЕ в контексте – <i>testimony-indications reduction-bringing down embedding-suturing/closure uppergrate-upper thoracic section of esophagus</i>) Внутриязыковая ошибка (by cader – заглавная буква в имени собственном;

			некорректное употребление предлога – according to Cader)
21	Гастростома закрыта консервативно через 3 недели после выписки в амбулаторных условиях.	Gastrostoma is closed conservatively 3 weeks after extracting in outpatient conditions.	Ошибка компетенции (некорректное употребление ЛЕ в контексте – after extracting-after discharge)

Таким образом, анализ ошибок, допущенных авторами научных текстов, дает представление об уровне их владения языком для специальных целей (ESP/EMP), отражает важные проблемы в академическом письме, дает пищу для размышлений преподавателям ESP/EMP, редакторам рецензируемых научных журналов. Возможным объяснением является влияние родного языка авторов и отсутствие опыта академического письма.

Литература

Абдрахимов Л.Г. Феномен речевой ошибки в психолингвистических исследованиях отечественных и зарубежных ученых / Л.Г. Абдрахимов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – №11. – С. 333-336.

Егоров Т.Г. Психология овладения навыком чтения / Т.Г. Егоров. – Санкт-Петербург: КАРО, 2006. – 304 с. – ISBN 5-89815-774-3.

Залевская А.А. Речевая ошибка как инструмент научного исследования / А.А. Залевская // Вопросы психолингвистики. – 2009. – №9. – С. 6-22.

Корчагина А.П. Типы речевых ошибок и принципы их классификации / А.П. Корчагина // Инновационная наука. – 2016. – №5-3 (17). – С. 87-90.

Corder P. The significance of learner's errors. International Review of Applied Linguistics in Language Teaching. 1967. Vol. 4. Pp.161–170.

Corder S.P. Error Analysis. In J. P. B. Allen and S. P. Corder (eds.) Techniques in Applied Linguistics (The Edinburgh Course in Applied Linguistics: 3). London: Oxford University Press (Language and Language Learning). – 1974. Pp 122-154.

Heydari P., Bagheri M.S. Error analysis: Sources of L2 learners' errors. Theory and practice in language studies, 2(8), 1583. – 2012.

Н.А. Фененко, Л.С. Фролова (Воронеж)

ФРАНЦУЗСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ ПЕРИОДА ПАНДЕМИИ 2020

Аннотация: В статье представлены результаты анализа неологизмов, которые появились во французском языке в период пандемии 2020 года. Материалом для исследования послужили данные толковых словарей французского языка «Larousse» и «LeRobert-2021», а также список неологизмов 2020 года, который был опубликован на сайте онлайн-словаря LeRobert, включавший в себя 160 лексических единиц. В ходе данного исследования были проанализированы словообразовательные модели

французских неологизмов, появившиеся в 2020 году, а также проведен их функционально-семантический анализ. Было выявлено, что самым продуктивным способом образования французских неологизмов в период пандемии стала телескопия или словослияние. Активными способами словообразования неологизмов 2020 остаются семантическое словообразование и парасинтез, а также заимствование. На основе функционально-семантических характеристик нами выделены неологизмы – медицинские и административные термины, неологизмы, номинирующие реалии повседневной жизни, сферы образования, трудовой деятельности, а также неологизмы, обозначающие абстрактные понятия. Большинство из них отличаются отрицательной оценочностью. Дальнейшее функционирование данных неологизмов во французском языке будет определяться рядом факторов, как лингвистического, так и экстралингвистического характера.

Ключевые слова: неология, неологизм, словообразование, пандемия, Covid-19, коронавирус

Abstract: The article presents the results of the analysis of neologisms that appeared in the French language during the 2020 pandemic. The data of the explanatory dictionaries of the French language "Larousse" and "LeRobert-2021", as well as a list of neologisms of 2020, which was published on the website of the online dictionary LeRobert, which included 160 lexical units. In the course of this study, word-formation models of French neologisms that appeared in 2020 were analyzed, as well as their functional and semantic analysis was carried out. It was revealed that the most productive way of forming French neologisms during the pandemic was telescoping or collocation. Semantic word formation and parasynthesis, as well as borrowing, remain active ways of word formation of neologisms 2020. On the basis of functional and semantic characteristics, we have identified neologisms - medical and administrative terms, neologisms nominating the realities of everyday life, education, work, as well as neologisms denoting abstract concepts. Most of them are characterized by negative evaluation. The further functioning of these neologisms in the French language will be determined by a number of factors, both linguistic and extralinguistic in nature.

Key words: neology, neologism, word formation, pandemic, Covid-19, coronavirus

На сегодняшний день неология как наука обладает серьезными достижениями, обусловленными развитием методологии и методики исследования, формированием собственного категориального и терминологического аппарата, обширным количеством проанализированного и систематизированного материала различных языков, в том числе французского. Вместе с тем однозначного решения пока не получил целый ряд проблем, связанных с дефиницией базовых понятий этого научного направления, с классификаций неологизмов, спецификой их функционально-семантических характеристик, их отбором и фиксированием толковыми и двуязычными словарями и др.

По-разному ученые определяют и статус этой науки. Так, по мнению Т.Ф. Ефремовой, неология – это «раздел языкознания, занимающийся изучением неологизмов (их разновидностей, способов образования, сфер употребления и т.п.)» [Ефремова 2000, с. 87]. Е.С. Кубрякова считает, что, «неологию нельзя рассматривать в качестве самостоятельной науки или отдельной лингвистической дисциплины, существует необходимость

изучения ее в качестве отдельного раздела лексикологии» [Кубрякова 2006, с. 143].

Французский лингвист А. Рей выделяет три разновидности неологии: «*формальную, семантическую и прагматическую*» [Rey 1995, с. 68].

По мнению автора, *формальная неология* – «это результат применения грамматических правил к морфемному закону языка, формальный неологизм может существовать только в отношении с лингвистической системой» [Rey 1995, с. 69]. Сюда относятся слова, образованные с помощью суффиксов, префиксов, путем словосложения, а также аббревиатуры и акронимы.

Под *семантической неологией* понимается «наличие каких-то черт, присущих всем неологизмам без исключения: заимствованиям, морфологическим неологизмам, неологизмам, созданных синтагматическим путем» [Rey 1995, с. 71].

Прагматическая неология является «формой неологизмов, обусловленных отношением к процессам коммуникации. Невозможно представить неологизм вне языкового процесса, на который влияют старые лексические значения слова, ограниченные подсистемами языка: диалектом, социальным кругом, нормой использования. Принятие неологизма в обществе зависит от индивидуального творческого потенциала единицы» [Rey 1995, с. 71].

Мы придерживаемся точки зрения И.В. Скуратова, который утверждает, что неология является отдельной наукой, основная цель которой заключается в процессе «создания языка пригодным для любого рода общения и способным адаптироваться как к разнообразию тем, так и к новым местам обмена информацией» [Скуратов 2020, с. 130].

Вопрос дефиниции понятия «неологизм» также остается одним из самых дискуссионных в лексикологии: до настоящего времени не существует четкого и общепринятого определения данного понятия, что объясняется как сложной природой самого языкового явления, так и разнообразием взглядов на него.

По мнению В.Г. Гака, неологизм – это «новое слово либо по форме, либо по содержанию, либо и по форме и по содержанию» [Гак 1978, с. 38]. Д.Э. Розенталь и М.А. Теленкова определяют неологизм как «слово или оборот речи, созданные для обозначения нового предмета или выражения нового понятия» [Розенталь 1985, с. 130].

Современные французские лингвисты Ж. Прюво и Ж-Ф. Саблеролль интерпретируют неологизм как «изменчивый языковой знак, совмещающий новый план содержания и новый план выражения» [Прюво 2003, с. 118].

Перечисленные выше проблемы имеют принципиальное значение для анализа конкретных вопросов неологии, поэтому представляется

необходимым определиться с исходными понятиями, прежде чем приступить к анализу конкретного языкового материала.

Под неологизмом в данной работе будем понимать «лексическая единица социального характера, фиксируемая со временем в словарях, созданная по существующим в языке словообразовательным моделям или заимствованная из другого языка для обозначения нового (прежде неизвестного) предмета или явления внеязыковой действительности, или новое значение у уже существующего слова, появившееся в языке на определенном этапе его развития» [Несветаило 2008, с. 8-9].

При определении типа неологизма будем основываться на классификации, согласно которой выделяются лексические и стилистические неологизмы (окказионализмы).

Лексические неологизмы включают в себя вновь образованные единицы, к которым Н.З. Котелова относит лексические новшества «слова, значения слов, идиомы, узусально существующие в определенный период времени в определенном языке, не существовавшие в предшествующий период в том же языке» [Котелова 1978, с. 22].

Окказионализмы (от лат. *occasionalis* – «случайный») – это «авторские неологизмы, созданные по необычным моделям, которые не могут существовать вне конкретного контекста» [Лопатин 1973, с. 54].

Цель данного исследования – представить системное описание корпуса неологизмов, возникших во французском языке в период пандемии Covid-19.

Материалом для исследования послужили следующие источники: список неологизмов 2020 года, опубликованный на сайте онлайн-словаря Le Robert, включающий в себя 160 лексических единиц, а также данные толковых словарей французского языка за 2020 и 2021 гг. – электронные версии словарей «Larousse», «Le Robert-2021». При выборе словарей учитывалось, что они отражают современное состояние французского языка.

Теоретическую основу работы составляют труды российских и зарубежных ученых по вопросам неологии (В.Г. Гак, И.В. Скуратов, Н.Н. Бузунов, А.Г. Вишнякова, Е.К. Выхота, Д.Е. Доманский, Т.В. Кравцова, Г.Б. Сабирова, J. Sablayrolles, J. Humbley); по словообразованию и семантике (Е.С. Кубрякова, О.Б. Поляничук R. Huyghe, J. Makri-Morel); по отдельным аспектам изучения неологизмов, возникших во время пандемии коронавируса (Е.С. Бугрышева, Н.М. Ветчинова, Н.А. Воскресенская, М.А. Обухова).

Проведенное нами исследование показало, что неологизмы периода пандемии Covid-19 появились с помощью основных способов французского словообразования: семантического и морфологического.

Семантическое словообразование включает в себя расширение и сужение значения.

Расширение значения слова – это процесс «приобретения нового значения уже устоявшихся в структуре языка лексем, который ведет к некоторому смещению (перемещению) смыслового содержания лексико-семантического варианта (комплексного знака)» [Полянчук 2013, с. 13]. Другими словами, это – расширение смысла, при котором слово получает большую свободу в отношении его именной функции. Слово теряет некоторые свои конкретные особенности и начинает обозначать нечто более широкое, а иногда более абстрактное.

Сужение значения слова – явление, когда одно слово начинает специализироваться на меньшем количестве предметов, т.е. происходит «конкретизация выраженного понятия» [Гак 1978, с. 48].

Приведем примеры французских неологизмов, появившихся в период пандемии 2020 года, образованных путем расширения значения:

Couvre-feu:

1. Signal qui indique l'heure de rentrer chez soi et parfois d'éteindre les lumières.

2. Interdiction de sortir après une heure fixée (mesure de police).

3. Enterrement express des victimes des formes graves de la COVID-19 (Le dico en ligne Le Robert).

Согласно словарным дефинициям, данный термин имеет два основных значения: 1) *комендантский час* (указание времени, когда необходимо возвращаться домой и возможно выключать свет); 2) *запрет на выход после установленного времени* (юридический термин). В период пандемии слово *couvre-feu* приобрело еще одно значение: *ускоренные похороны жертв тяжелой формы Covid-19*.

Distanciation (sociale / physique):

1. Recul, détachement pris par rapport à qqn, qqch.

2. Fait de maintenir une distance de sécurité entre les personnes pour des motifs sanitaires (Le dico en ligne Le Robert).

Первоначально термин ***distanciation sociale*** использовался в социологии для выделения категорий людей по социальному и половому признаку. В период пандемии данное сочетание приобрело новое значение: *безопасное расстояние между людьми, позволяющее уменьшить или остановить распространение опасного вируса*.

Écouvillon:

1. Brosse cylindrique pour nettoyer un objet creux.

2. Bâtonnet muni d'une petite brosse ou d'une matière absorbante, pour nettoyer les cavités naturelles ou y effectuer des prélèvements (Le dico en ligne Le Robert).

Данный термин означал, согласно словарному определению, *цилиндрическую щетку, предназначенную для очистки полых предметов*. Во время пандемии слово приобрело еще одно значение: *палочка с*

небольшой щеткой или абсорбирующим материалом для очистки полостей или забора проб для ПЦР-теста.

Foyer:

1. Espace ouvert aménagé dans une maison pour y faire du feu.
2. Lieu d'où se propage une maladie. Foyer épidémique (Le dico en ligne Le Robert).

Основное значение термина – *место разведения огня*. В период пандемии слово приобрело переносное значение *очаг распространения эпидемии*. В этом значении оно является эквивалентом англицизма *cluster*, который также активно использовался в пик пандемии.

Vague (épidémique):

1. Mouvement (comparé à celui des flots). Une vague d'enthousiasme.
2. Faire des vagues, des remous, de l'agitation. — La nouvelle vague : la dernière génération ou tendance.
3. Brusque intensification d'une épidémie pendant laquelle le nombre de cas d'une affection contagieuse évolue rapidement vers un pic épidémique avant de redescendre tranquillement, et qui se traduit par une courbe épidémique en forme d'une vague (Le dico en ligne Le Robert).

Данный термин имеет большое количество значений, которые актуализируются в зависимости от контекста. В период пандемии термин приобрел медицинское значение *резкое усиление эпидемии, во время которой число случаев заразного заболевания быстро переходит в пик эпидемии, а затем постепенно спадает*.

В процессе анализа нами выделены, кроме того, лексические единицы, образованные путем **сужения значения**:

Pénurie :

1. Manque de ce qui est nécessaire.
2. Disparition éclair des denrées alimentaires à l'annonce d'un confinement probable (Le dico en ligne Le Robert).

Основное значение термина – *отсутствие необходимых вещей*. В период пандемии термин сузил значение до *внезапного исчезновения продуктов питания при объявлении о вероятной самоизоляции*.

Морфологическое словообразование, включающее *аффиксацию, телескопию, словосложение, аббревиацию и заимствования*, оказалось наиболее продуктивным способом образования неологизмов во французском языке в период пандемии Covid-19.

Так, с помощью суффиксации были образованы следующие неологизмы:

- attestarder (v) – attestation + -ard + -er;
- balconner (v) – balcon + -er;
- quatorzaine (n) – quatorze + -aine;
- casseroliser (v) – casserole + -iser.

Следующая группа неологизмов исследуемого периода образована с помощью префиксации:

- *déconfinement* (*n*) - *dé-* + *confinement*;
- *déconfiner* (*v*) - *dé-* + *confiner*;

Следующие неологизмы были образованы с помощью парасинтеза, т.е. способа словообразования, при котором «новые слова создаются путем одновременного присоединения к производящей основе префикса и суффикса» [Хованская 1991, с. 136]:

- *asymptomatique* (*adj*) - *a-* + *symptomathie* + *-ique*;
- *comorbidité* (*n*) - *co-* + *morbide* + *-ité*;
- *emportierage* (*n*) - *em-* + *portier* + *-age*.

Способом образования следующей группы проанализированных неологизмов является телескопия (словослияние). Это способ словообразования, представляющий собой «слияние двух или более полных слов или сегментов этих слов (при этом деление слов на сегменты не связано с их делением на морфемы), в результате которого образуется новое слово – телескопная единица, полностью либо частично совмещающая значение всех входящих в нее структурных компонентов» (Андрианова 2016, с.37).

- *calendibrouille* (*n*) – **calendaire** + **brouiller**;
- *coronasceptique* (*adj.*) – **coronavirus** + **sceptique**;
- *infodémie* (*n*) – **info** + **pandémie**;
- *mascourir* (*v*) – **masque** + **courir**;
- **randonnade** (*n*) – **randonnée** + **promenade**.

Следующая группа неологизмов изучаемого периода образована с помощью словосложения. Это способ, при котором «новое слово образуется в результате сложения двух уже существующих в языке слов. Процесс словосложения протекает с участием автономных единиц, которым свойственно присутствовать в речи самостоятельно и функционировать независимо от других составляющих сложных слов» [Тархова 1972, с. 76].

- *covid-poche* (*n*) – *covid* + *poche*;
- *hydroalcoholisme* (*n*) – *hydro* + *alcoholisme*;
- *vaccinodrome* (*n*) – *vacciner* + *-drome*;
- *se télévêtir* (*v*) - *télé* + *se vêtir*;
- *autoconfinement* (*n*) – *auto-* + *confinement*;
- *téléchômage* (*n*) – *télé* + *chômage*.

Проведенный анализ позволил выявить более сложные, смешанные способы словообразования, например, телескопия и префиксация, с помощью которых был образован, например, неологизм: *hypoconfiniaque* (*n*) = префикс *hypo-* + *confinement* + *maniaque*.

Кроме того, исследуемый нами вокабуляр позволил выявить среди новых слов французского языка анализируемого периода следующие английские термины:

- *clap clap'o clock* – данное выражение обрело популярность в пик пандемии, когда наблюдался рост заболеваемости во многих странах мира. Люди, чтобы хоть как-то поддержать медиков, работавших несколько смен подряд, каждый вечер в 20:00 выходили на свои балконы и аплодировали в их честь, что привело к появлению данного выражения *clap clap'o clock* – «*время аплодировать*». Во французском языке данная фраза также часто использовалась как маркер времени *Il est vingt heures* (восемь часов вечера);

- *cluster* – в английском языке данное слово означает «кластер» / «группа». В основном оно употребляется в экономической сфере, однако его можно встретить и в области медицины в значении «*несколько случаев одного и того же заболевания у людей в одном месте*» [Ветчинова 2022, с. 12]. В период пандемии термин приобрел значение «*очаг заражения*»;

- *corona shaming* – данный термин означает критику граждан, не соблюдающих общеустановленных правил гигиены; термин быстро распространился в социальных сетях, где люди выставляли тайно сфотографированных нарушителей, сопровождая фотографии нелестными подписями;

- *coronacoaster* – данное слово получило широкое распространение в социальных сетях, где люди сравнивали американские горки со сменой эмоций в течение дня – от положительных до отрицательных, в зависимости от новостей, связанных с пандемией коронавируса;

- *covidays* – термин также распространился в социальных сетях посредством хештега, словом *coviday(s)* жители многих стран называли дни, проведенные на самоизоляции. В социальной сети Инстаграмм хештег с данным словом насчитывает около 2500 упоминаний;

- *scariants* – термин активно используется учеными из разных стран для осуждения паники, вызванной объявлением об открытии новых вариантов Covid-19, которые пресса, как правило, описывает как «*потенциально более опасные*», несмотря на отсутствие знаний о них;

- *slowphistication* – термин возник, когда появилась первая вакцина против Covid-19, но процесс ее поставки в ряд стран длился очень долго, вызывая небольшую волну паники, связанной с боязнью нехватки вакцины;

- *super spreader* – термин применяется к людям, не соблюдающим меры предосторожности, тем самым заражающих большое количество людей;

– *zoom-bah* – арготический термин, употребляемый студентами или работниками офиса, когда им приходится присутствовать на неинтересной видеоконференции;

– *zoombombing* – термин, означающий подключение неизвестных к видеоконференции, часто с целью прервать, помешать работе или раздражать людей на встрече; получил широкое распространение у активных пользователей онлайн-платформы Zoom, которая применялась многими предприятиями, школами, организациями для онлайн-работы в период самоизоляции.

Корпус неологизмов, связанных с пандемией 2020 года условно можно поделить на следующие функционально-семантические группы:

1. Медицинские термины: *cas actif/passif*, *cas index*, *comorbidité*, *écouvillon*, *asymptomatique*, *patient zéro*, *anosmie*, *quatorzaine*;

2. Административные термины: *confinement*, *déconfinement*, *reconfinement*, *jauge*;

Большинство неологизмов данных групп – это ранее существовавшие и закреплённые толковыми словарями французского языка ЛЕ, которые обрели коннотации на фоне новых жизненных реалий. Иначе говоря, это семантические неологизмы.

3. ЛЕ, номинирующие реалии повседневной жизни: *lundimanche*, *randonnade*, *skypéro*, *confinage*, *homezage*, *balconner*.

Эта группа представляет особый интерес: основная часть этих неологизмов возникла благодаря народному словотворчеству. Так, например, создан термин *lundimanche* (досл.: понедельник-воскресенье), обозначающий *путаницу дней недели в период самоизоляции*. Термин *homezage* (*домашний загар*) появился в ответ на желание спастись от скуки и побаловать себя маленьким сеансом загара в саду или на балконе. Неологизмом *coronanniversaire* стали обозначать день рождения, который в период пандемии приходилось отмечать дома, без друзей. Ярко выраженную ироническую коннотацию несут такие неологизмы, как *biselle* (*виртуальный поцелуй*), *bisquée* (*поцелуй в маске*), *zoûter* (*совершать видеозвонок в Zoom во время перекуса*), *skypéro* / *zoombar* / *whatsapéro* (*совместные посиделки с алкоголем с друзьями в дистанционном режиме*).

4. ЛЕ, номинирующие реалии сферы образования/ трудовой деятельности: *coronasemestre*, *téléchômage*, *téléconsultation*, *télétravail*, *coronabonus*;

Неологизмы данной группы образованы преимущественно путем словосложения и содержат в своей структуре одновременно два мотивированных слова, что позволяет определить значение слова без затруднения. Например, *téléconsultation* – *télé* (*на расстоянии*) + *consultation* (*консультация*) = *консультация на расстоянии / дистанционная консультация*.

5. ЛЕ, номинирующие абстрактные понятия (ментефакты): взгляды и убеждения людей, например: *covidéprimer*, *covidiot*, *paranovirus*, *coronanxiété*, *coronaphobie*, *coronasceptique*, *mélanCOVID*, *paranovirus*, *vaxxie*.

Данная группа неологизмов включает эмоционально окрашенные единицы, которые передают реакцию общества на новую реальность, к которой нужно приспосабливаться, поэтому функциональный потенциал данных новообразований не ограничивается номинацией понятия. Основная часть новых слов этой группы выполняет оценочную функцию с преобладанием отрицательной коннотации, ср.: *mélanCOVID* – меланхолия, вызванная ковидными ограничениями; *paranovirus* – страх, который распространяется среди населения быстрее, чем сам вирус во время пандемии и т.д.

Проведенный анализ пласта новой «коронавирусной» лексики показал, что самым продуктивным способом образования французских неологизмов стала телескопия или словослияние, то есть «скрещивание» нескольких слов. Появление этого типа неологизмов отражает словообразовательную активность этого способа, пользуется большой популярностью во французском языке в последние десятилетия, и его можно встретить в различных стилях – от политического до аргю.

Проанализированный материал подтверждает мнение о том, что «контаминированные образования обладают контактоустанавливающей функцией, способствуют созданию атмосферы неформальности общения, являются оптимальным средством выражения эмоционально-экспрессивного и оценочного отношения субъекта к предметам и явлениям действительности» [Лаврова 2013, с. 10].

Активными способами словообразования неологизмов 2020 остаются семантическое словообразование и парасинтез, а также заимствование слов из английского языка, что отражает общую тенденцию источников пополнения французского языка и подтверждает мысль о том, что словообразование является ярким проявлением лингвокреативной деятельности человека, отражением «специфики когнитивных процессов, происходящих в сознании индивида» [Полянчук 2022, с. 153].

Стремительный рост появления неологизмов в период пандемии ставит вопрос о дальнейшем функционировании данной лексики в языке. При ответе на него необходимо учитывать, что выживание неологизмов зависит от ряда факторов, в частности, актуальности значения слова, возможности его экстраполяции из узкого контекста, его способности усваиваться системой языка, вступать в словообразовательные процессы, развивать переносные значения и др. Исходя из этих параметров, можно с большой вероятностью предполагать, что жизнь большинства проанализированных неологизмов будет непродолжительной, и они выйдут из употребления по окончании пандемии.

Несмотря на это, исследование неологизмов, возникших в период пандемии Covid-19 представляет большой интерес в плане теории неологии, поскольку позволяет выявить тенденции обогащения словарного состава языка, влияния на него экстралингвистических факторов, объективных и субъективных тенденций, национального и интернационального в языке. Результаты анализа могут представлять интерес и для сопоставительных семантических исследований, позволяющих выявить национально-специфические черты семантики переводных соответствий [Стернина 2021, с. 7]. Полученные в процессе анализа результаты могут иметь и прикладное значение: они могут быть применены при составлении словарей неологизмов, терминологических справочников, они также могут быть использованы в курсах лексикологии и стилистики французского языка, на занятиях по теории и практике перевода.

Литература

- Адрианова Н.С.* Структурно-словообразовательная характеристика телескопов современного французского языка / Н.С. Адрианова, Е.К. Кузьмина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – №5-1. – С. 36-40.
- Ветчинова М.Н.* Обогащение лексики французского языка в период пандемии COVID-19 / М.Н. Ветчинова // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2022. – Т. 8. – № 1. – С. 3-18.
- Воскресенская Н.А.* Семантическая типология лексики пандемии: ковид-неологизмы в английском, французском и немецком языках / Н.А. Воскресенская, О.О. Гулик, Т.С. Малышева // Научный диалог. – 2022. – Т. 11. – № 3. – С. 44-61.
- Гак В.Г.* О современной французской неологии / В.Г. Гак // Новые слова и словари новых слов. – Л.: Наука, 1978. – С. 37-52.
- Котелова Н.З.* Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов / Н.З. Котелова // Новые слова и словари новых слов. – Л.: Наука, 1978. – С. 5-26.
- Кубрякова Е.С.* Номинативный аспект речевой деятельности / Е.С. Кубрякова. – Москва: URSS: ЛКИ, 2008. – 156 с.
- Кубрякова Е.С.* О новых задачах в изучении функций словообразования / Е.С. Кубрякова // Функциональные аспекты словообразования: доклады IX Международной научной конференции по славянскому словообразованию. – Мн.: Изд-во МГЛУ, 2006. – С. 141-147.
- Лаврова Н.А.* Контаминация как словотворческая модель: структура, семантика, стилистика, прагматика (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... доктора филологических наук: 10.02.04 / Н.А. Лаврова. – Москва, 2013. – 48 с.
- Лопатин В.В.* Рождение слова: Неологизмы и окказиональные образования / В.В. Лопатин. – М.: Наука, 1973. – 152 с.
- Несветаило Ю.Н.* Неологизмы и окказионализмы как конститuentы лексического макрополя современного английского языка: системный и словообразовательный аспекты: дис. ... канд. фил. наук / Ю.Н. Несветаило. – Ставрополь, 2010. – 169 с.
- Полянчук О.Б.* Композиционная семантика многозначного производного слова: [монография] / О.Б. Полянчук. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2013. – 187 с.
- Полянчук О.Б.* Сложные слова французского языка как продукт лингвокреативной деятельности / О.Б. Полянчук // Вестник Воронежского государственного

университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2022. – № 2. – С. 152–155.

Скуратов И.В. Неология: процессы создания новых наименований во французском языке / И.В. Скуратов, П.А. Дюмон // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2020. – №10. – С. 130 – 132.

Стернина М.А. Сопоставление как лингвистическая методология: теоретическое понятие; методы и приемы; опыт применения / М.А.Стернина, И.А.Стернин. – Воронеж: РИТМ, 2021.

Тархова В.А. Хрестоматия по лексикологии французского языка / В.А. Тарханова. – Л.: Просвещение, 1972. – 140 с.

Хованская З.И. Стилистика французского языка [Текст] / З.И. Хованская, Л.Л. Дмитриева. – М.: Высшая школа, 1991. – 141 с.

Pruvost J., Sablayrolles J-F. Les néologismes. – Paris : Presses Universitaires de France, 2003. – 127 p.

Rey A., Sager J.C. Essays on Terminology. Amsterdam; Philadelphia, PA: John Benjamins, 1995.

Список словарей

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный: в 2 т. – М.: Рус. яз., 2000.

Розенталь Д.Э. Словарь-справочник / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – М.: Русский язык, 1985. – 357 с.

Larousse. – Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.larousse.fr/>

Le dico en ligne Le Robert. – Электронный ресурс. Режим доступа: <https://dictionnaire.lerobert.com/>

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В.В. Епифанова (Москва)

ПРИНЦИПЫ ДЕМОНСТРАЦИИ СОЧЕТАЕМОСТИ В РУССКО-НЕМЕЦКИХ И НЕМЕЦКО-РУССКИХ СЛОВАРЯХ КОМБИНАТОРНОГО ТИПА

Аннотация: В статье осуществляется обзор современных русско-немецких и немецко-русских словарей сочетаемости с точки зрения их адресной направленности, критериев описания сочетаемости, характера расположения ключевых слов и других особенностей подачи лексикографического материала. Прогнозируются наиболее и наименее успешные способы организации словарных статей в анализируемых двуязычных словарях с позиции пользователей, выявляются отсутствующие способы демонстрации сочетаемости в имеющихся словарях XXI в.

Ключевые слова: комбинаторная лексикография, сочетаемость, русский язык, немецкий язык

Abstract: The article provides an overview of the principles of the organization of Russian-German and German-Russian combinatorial dictionaries in terms of their targeted orientation, criteria for describing compatibility, the location of keywords and other features of the presentation of lexicographic material. The most and least successful ways of organization of dictionary entries in the analyzed bilingual dictionaries of combinatorial type from the perspective of users are predicted, the missing ways of demonstrating compatibility in the available dictionaries of the XXI century are revealed.

Key words: combinatorial lexicography, compitability, Russian language, German language

Общетеоретические вопросы двуязычной лексикографии впервые затрагивались и активно разрабатывались в середине XX в. Среди исследователей, занимающихся проблемами двуязычной лексикографии, выделяются Л.В. Щерба, В.П. Берков, В.В. Дубичинский, И.Г. Ольшанский, Ю.Г. Татишвили, В.Д. Девкин и др. На современном этапе количество работ, посвященных двуязычной лексикографии, продолжает увеличиваться и включает в себя изучение таких аспектов, как система методических и технических приемов редактирования двуязычных словарей [Кондакова 2017], создание учебных двуязычных словарей на основе контрастивного описания лексики и фразеологии [Стернин 2006], отражение необходимых типов информации в двуязычных словарях [Карпов 2019] и др.

Комбинаторная лексикография представляет собой область лексикографии, занимающейся составлением и разработкой сочетаемостных словарей, или словарей комбинаторного типа (термин М.В. Влавацкой). С позиции пользователя выделяют пять общих

методических целей, которые должны ставить перед собой двуязычные учебные словари комбинаторного типа:

- 1) продуктивное овладение иностранным языком;
- 2) учет культурологического аспекта слов;
- 3) предъявление оптимального метаязыка словаря;
- 4) установление оптимальной мегаструктуры (композиции) словаря;
- 5) обеспечение оптимальной интерпретации языковых единиц (микроструктура).

При этом с позиции пользователя, микроструктура сочетаемостного словаря (словарная статья) должна включать фонетическую информацию о ключевом слове (при необходимости), его грамматическую характеристику, толкование и перевод, словосочетания с ключевым словом, перевод обобщенных значений перечисленных сочетаний, иллюстративные примеры, синтаксические предложные конструкции с ключевым словом и наиболее употребительные фразы с ключевым словом [Влавацкая 2013, с. 365].

В статье осуществляется анализ семи современных русско-немецких и немецко-русских словарей комбинаторного типа, описывающих синтаксическую, лексическую и фразеологическую сочетаемость русских и немецких слов:

1. Карнаухов В.Я., Карпец А.П. Словарь предложных словосочетаний и устойчивых выражений. Русско-немецкий. Немецко-русский. СПб., 2009;
2. Тогунов Б.М. Немецко-русский словарь устойчивых словосочетаний и выражений. Астрахань, 2010;
3. Эйвадис Р.С. Русско-немецкий словарь глагольных сочетаний для переводчиков. СПб., 2009;
4. Юдина Е.В. Немецко-русский и русско-немецкий словарь словосочетаний с глаголами. СПб., 2017;
5. Юдина Е.В. Русско-немецкий и немецко-русский словарь наречий, адвербиальных словосочетаний и эквивалентов слов. СПб., 2017;
6. Юдина Е.В. Немецко-русский и русско-немецкий словарь словосочетаний с предлогами. СПб., 2017;
7. Юдина Е.В. Немецко-русский и русско-немецкий словарь словосочетаний с прилагательными и причастиями. СПб., 2017.

В исследовательскую часть работы в качестве примеров включались также фрагменты словарей и проспектов соответствующих словарей XX в., а также англо-русских словарей комбинаторного типа для демонстрации отсутствующих типов описания сочетаемости в анализируемых современных словарях.

В статье проводится сопоставление современных русско-немецких и немецко-русских сочетаемостных словарей с учетом таких критериев, как

- адресная направленность словаря (для изучающих иностранный язык/ для носителей языка, работающих в филологических областях);

- тип сочетаемости, представленной в словаре (синтаксическая, лексическая, семантическая, фразеологическая сочетаемость);
- характер расположения заголовочных слов (алфавитный, идеографический);
- способы демонстрации сочетаний (перечни слов, сочетаемых с ключевым словом; предложения; словосочетания и предложения; формульная запись);
- источники иллюстративного материала (политические и медийные тексты, художественная литература, живая речь современных русских/немцев, самостоятельные примеры авторов словарей) (на основе классификации в [Влавацкая 2013]).

В **русско-немецком словаре глагольных сочетаний для переводчиков** Р.С. Эйвадаса (2009) за основу взяты глаголы, входящие в устойчивые глагольные сочетания. Как следует из названия, адресная направленность словаря – носители языка, специализирующие в филологических областях, в частности, практикующие переводчики; описываемый тип сочетаемости – лексическая, частично фразеологическая сочетаемость; характер следования ключевых слов – алфавитный; способ демонстрации сочетаемости – словосочетания и цельнооформленные предложения без перевода. В качестве иллюстративного материала используются предложения из современной немецкой прессы (без указания источника). Как следует из вступительной статьи словаря, данный словарь может служить не только справочным пособием для перевода текстов, но и учебным пособием по практике перевода и совершенствованию немецкого языка при условии тематической и/или иной организации материала преподавателем (использование сочетаний в ситуативных играх, задания на дополнение банка примеров и др.):

- аннулировать договор – einen Vertrag aufheben

Nachdem die Revolution gesiegt hatte, wurde alle außenpolitischen Verträge der alten Regierung aufgehoben.

- аннулировать закон – ein Gesetz aufheben

Das Parlament beschloss ein neues Familiengesetz. Das alte Familiengesetz wurde damit aufgehoben.

- ввести чрезвычайное положение – den Ausnahmezustand verhängen

Angesichts des eskalierenden Streits um das Ergebnis der Präsidentenwahlen haben die Behörden des Landes den Ausnahmezustand verhängt.

- вводить в заблуждение – in die Irre führen

Solche Redner führen das Volk nur in die Irre... [примеры из Эйвадис 2009].

В **Немецко-русском и русско-немецком словаре словосочетаний с глаголами** Е.В. Юдиной (2017) ключевым словом также выступает

глагол, входящий в то или иное немецкое устойчивое глагольное сочетание. Словарь создан для широкого круга читателей в России и Германии: преподавателей, переводчиков, экскурсоводов, являясь средством пополнения их словарного запаса (словарь рассчитан на продвинутый уровень владения языком). В отличие от словаря Р.С. Эйвадаса, где отражены сочетания из медийных и политических текстов, в словаре Е.В. Юдиной представлены сочетания из различных областей знания (история, культура, философия, финансы и др.), включая обиходно-бытовую сферу. Важным преимуществом словаря является то, что для многих словосочетаний «предлагаются синонимичные (переводные. – *Прим. В.Е.*) эквиваленты с различной стилистической окраской» (аннотация в [Юдина 2017]). Типы представленной сочетаемости – лексическая, частично фразеологическая. Принцип следования ключевых слов является алфавитным, способ демонстрации сочетаемости – посредством сочетаний, частично посредством цельнооформленных предложений, составленных автором словаря:

überlassen

dem Schicksal ~ – бросать кого-либо на произвол судьбы

sich selbst ~ sein – быть предоставленным самому себе

überlaufen

Der Park ist überlaufen. В этом парке оченьлюдно. / В этом парке слишком много народу. / Парк переполнен людьми.

Dieser Beruf ist überlaufen. В этой области избыток специалистов.

Ein Frosteln überlief mich. Холодная дрожь пробежала / прошла по моему телу. / Меня охватил озноб.

Mich überlief es kalt. У меня мурашки по телу побежали. / У меня мороз по коже пошел. / Меня бросило в холод [Юдина 2017].

К преимуществу данного словаря можно отнести способность использования иллюстративного материала в качестве готовых речевых формул. К неудобствам со стороны пользователя можно отнести отсутствие указания семантических ограничений на сочетаемость (в частности, пользователю может быть непонятно, возможно ли использование предложений типа *das Haus / das Museum / der Bus* etc. *ist überlaufen* или *Mich überlief es heiß*).

Немецко-русский и русско-немецкий словарь словосочетаний с предлогами Е.В. Юдиной (2017) представляет собой собрание предложных словосочетаний русского и немецкого языков, расположенных в алфавитном порядке. В словарь также включены фразеологические обороты, некоторые пословицы, поговорки и библейские изречения. Адресат словаря – переводчики, преподаватели и студенты факультетов иностранных языков; уровень владения языком, необходимый для работы со словарем, – продвинутый. Типы

представленной сочетаемости – лексическая и фразеологическая. Иллюстративный материал представлен в минимальном объеме:

из

из бюджетных средств aus Haushaltsmitteln

из глубины веков aus grauer Vorzeit, aus Vorzeiten

из глубокой древности aus Vorzeiten, aus grauer Vorzeit, aus dem Altertum

из года в год von Jahr zu Jahr

из государственного бюджета, из госбюджета aus Haushaltsmitteln, aus den Mitteln das Staatshaushaltes

из дворян, из дворянской семьи von adliger Herkunft, von Adel, aus einer Adelsfamilie, von vornehmer Herkunft

из достоверных источников aus sicheren Quellen, aus verlässlicher Quelle ... [Юдина 2017, с. 57].

Аналогичный принцип описания сочетаемости, характер расположения ключевых слов и адресная направленность представлены в **Немецко-русском и русско-немецком словаре словосочетаний с прилагательными и причастиями и Немецко-русском и русско-немецком словаре наречий, адverbиальных словосочетаний и эквивалентов слов** [Юдина 2017а, 2017б]:

белый танец Damenwahl f

бесперспективная политика fruchtlose Politik

бесплодные мечты Fantastereien pl, Hirngespinnst n, Trugbilder pl

беспошадная правда schonungslose/ unverblümte/ nackte Wahrheit

беспредметное искусство gegenstandslose/ abstrakte/ absolute Kunst

беспредметный спор; вести беспредметный спор / разговор sich um den Kaisers Bart stritten, sich um Nichtigkeiten streiten

беспризорные дети Straßenkinder, obdachlose Kinder

беспробудный сон tiefer Schlaf; ewiger Schlaf ... [Юдина 2017а].

В **Немецко-русском словаре устойчивых словосочетаний и выражений** Б.М. Тогунова (2009) представлены наиболее употребительные устойчивые словосочетания и выражения, используемые в научно-технической и научно-популярной литературе. Словарь предназначен для специалистов, переводчиков, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов высших учебных заведений, занимающихся изучением немецкого языка. Словарь подразумевает продвинутый уровень владения немецким языком. Важно отметить, что в Предисловии к данному словарю автором даются методические рекомендации по переводу устойчивых глагольных словосочетаний на русский язык. В частности, автор словаря обращает внимание на то, что «основным носителем смысла (в устойчивых глагольных сочетаниях. – *Прим. В.Е.*) обычно является существительное» [Тогунов 2009, с. 11], в связи с чем при нахождении в предложении глагольного сочетания

необходимо переводить «только существительное, преобразовав его в соответствующую глагольную форму» [Тогунов 2009, с. 12]: *zur Anwendung kommen* – применяться, *in Vergleich stellen* – сравнивать, *in Abrede stellen* – отрицать, *in Frage stehen* – рассматриваться и др. Основную часть глаголов, используемых в качестве компонентов устойчивых словосочетаний, по мнению автора словаря, можно поделить на три группы «в соответствии с оттенками значения, которые они придают существительному» [Тогунов 2009, с. 11]: 1) *kommen, gelangen, laufen, gehen, treten, geraten* указывают на переход в какое-либо состояние (*in Erfüllung gehen* исполняться; *zur Verwendung gelangen* применяться, находить применение); 2) *stehen, sein, bleiben, liegen* означают «быть в определенном состоянии» (*zur Verfügung stehen* быть/ находиться/ иметься в чем-либо распоряжении, *in Gültigkeit bleiben* оставаться в силе); 3) *bringen, ziehen, geben, legen, leisten, bekommen, finden, führen, treiben* usw. означают «приводить в какое-либо состояние» (*auf die Spitze treiben* заострять/ обострять; доводить до крайности что-либо; *in Gleichgewicht setzen* уравнивать). Тип сочетаемости в словаре – лексическая. Характер расположения ключевых слов – алфавитный. Способ демонстрации лексической сочетаемости – перечень сочетаний с ключевым словом. Иллюстративный материал отсутствует:

Abkommen abschließen – заключать соглашение, договор

Abkommen auflösen – расторгнуть соглашение

ein Abkommen einhalten – соблюдать соглашение

das Abkommen strikt einhalten – точно соблюдать условия соглашения

zum Abkommen gelangen – прийти к соглашению

ein Abkommen schließen; ein Abkommen treffen – заключить соглашение, договориться

laut Abkommen – по согласованию; на основе договоренности

Abkommen verletzen – нарушить договор, соглашение

ein Abkommen vermitteln – посредничать [быть посредником] при заключении соглашения (примеры из [Тогунов 2009]).

В Словаре предложных словосочетаний и устойчивых выражений. (Русско-немецкий. Немецко-русский) В.Я. Карнаухова, А. Карпеца и др. (2009) представлены наиболее употребительные свободные и устойчивые сочетания русского и немецкого языков с предлогами, взятые из публицистической, официальной и обиходно-бытовой сфер. Данный словарь является первым трудом, впервые залексикографировавшим предложные словосочетания не в их связи с глагольным управлением (например, *warten + auf* = надеяться + на, *fragen + nach* = спрашивать + о / осведомиться + о и т.п.). В словаре представлена область употребления предлогов, которая «лежит за пределами управления ...», «(область употребления – В.Е.) очень многочисленных и разнородных

по значению и синтаксической функции предлогов, которые выступают в предложении в качестве обстоятельств места, времени, причины и т.д. и не связаны напрямую с определённым глаголом» [Карнаухов 2009, с. 7]. Тип представленной в словаре сочетаемости – лексическая, частично фразеологическая. Способ демонстрации сочетаемости – сочетания. Иллюстративный материал представлен в виде готовых формул, иногда в виде предложений, созданных автором:

без

без аварий

ohne Unfall, unfallfrei, ohne Havarie, schadensfrei; störungssicher

без аварий на дорогах

ohne Pannen, ohne Autounfälle, ohne Havarien (*österr.*)

без акцента

akzentfrei, akzentlos, ohne Akzent

Он говорит по-русски без акцента. Er spricht Russisch akzentfrei.

без бумажки (*fig.; umg.*) (= без образца, произвольно, экспромтом) frei nach Schnauze (*fig.; salopp*), frei Schnauze (*fig.; salopp*), nach Schnauze (*fig.; salopp*), nach Gutdünken, nach Gusto (*umg.*)

без взаимности

unerwidert, nicht gegenseitig, nicht beiderseitig

без видимой патологии (= без особенностей) (Med.)

unauffällig; **сердце и легкие без видимой патологии / без особенностей** Cor und Pulmo unauffällig

без видимой причины

ohne ersichtlichen Grund ... (примеры из [Карнаухов, Карпец 2009]).

Таким образом, в настоящее время имеется семь русско-немецких и немецко-русских словарей комбинаторного типа, описывающих лексическую сочетаемость при частичном включении фразеологической сочетаемости. Отсутствуют словари (в сопоставлении с комбинаторными словарями XX в.), описывающие синтаксическую и семантическую сочетаемость. Данные типы сочетаемости представлены, в частности, в словаре Helbig G., Schenkel W. Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Verben, Leipzig, 1975:

Verb: FREUEN,

freut,

freute,

hat gefreut

freuen 1

Satzbauplan 01

semant. Restrikt. O: – 1: HUM/ INST/ ZOOL

Beispielsatz: *Dein Erfolg freut die Eltern.*

Satzbauplan O:AS m. stell. bed. obl. Korr.: es

Beispielsatz: INF +: *Es freut mich, dich glücklich zu sehen./ Mich freut es, dich glücklich zu sehen.*

Satzbauplan O:AS m. stell. bed. fak. Korr.: es

Beispielsatz: daß: *Es freut mich, daß du so gut über ihn denkst ...*

Во всех упомянутых современных словарях отсутствует также уточнение степени **межъязыковой идиоматичности** (МЯИ) русских и немецких сочетаний, отраженной в **Проспекте русско-немецкого учебного словаря сочетаемости лексем типа «прилагательное + абстрактное существительное» для русского читателя** А.П. Евдокимова (1981). В данном проспекте, имеющем в качестве иллюстративного материала отрывки из русской художественной литературы и их немецкие транслаты, выполненные квалифицированными переводчиками, немецкие соответствия располагаются в порядке нарастания МЯИ (от наименьше степени (1) к наивысшей (6)): ср.

насмешливый

насмешливый взгляд 4 ≈ spöttischer Blick, -e 2 • Он часто чувствовал за своей спиной насмешливые взгляды (К. Паустовский) – Oft fühlte er hinter seinem Rücken spöttische Blicke.

≈ ironischer ~ 6 • Снова надо было пройти через зал сквозь строй насмешливых ... взглядов (Б. Полевой) – Sie sollte wieder durch den Saal gehen, verfolgt von ironischen Blicken.

≈ verächtlicher ~ 6 • Даша посмотрела на Феденьку долгим, насмешливым взглядом (В. Шишков) – Dascha sah Fedenka mit einem langen, verächtlichen Blick an [пример из Евдокимов 1981]. Обратим внимание, что примеры из художественной литературы и их переводы, выполненные переводчиками-носителями немецкого / русского языков, также не представлены ни в одном из имеющихся современных сочетаемостных русско-немецких и немецко-русских словарей.

Кроме того, отсутствуют словари с **формульной записью** в качестве способа демонстрации сочетаемости (в сопоставлении с комбинаторными англо-русскими словарями), например, на основе деления сочетаний по элементарным смыслам или лексическим функциям-параметрам (в терминологии И.А. Мельчука и А.К. Жолковского). Подобный подход реализован в Проспекте англо-русского учебного комбинаторного словаря (названия лексических функций-параметров выделены жирным шрифтом с подчеркиванием), ср.:

Delight *n* a feeling of great happiness and pleasure восторг, восхищение, удовольствие

Adj+N

Magnl: great: absolute, deep, great, intense, much, pure, sheer, utter
The expression on her face was one of sheer delight **полный, сильный** ~

Magn2: boundless, endless, hog-wild, inexpressible, irresistible, keenest, rapturous, wild, spiteful, unutterable *We have read this manuscript with boundless delight* **безграничный, бурный** ~

Ver: evident, genuine, frank, obvious, real, sincere, true *Rutherford himself used this model in explanations and lectures with obvious delight* **явный, очевидный** ~

АнтиMagn: silent: dumb *I love your cunning dumb delight* **немой, молчаливый** ~

АнтиVer: 1. unreal: imaginary *Open your mind to the imaginary delight of puppeteering in Prague* **мнимый** ~

2. like a child's: childish / childlike *Children remind me that God wants us to walk through life with childlike delight* **детский** ~

3. bad: mischievous, perverse *But it is Schadenfreude, a mischievous delight in the misfortunes of others, which remains the worst trait in human nature* **извращенный, превратный** ~

V+N

Oper1: experience delight: experience, feel, find, take *She seemed to take delight in watching me suffer* **чувствовать** ~

PermManif: show your delight: convey, express, reveal, show *Prince William, Prince Harry express delight over success of London Games* **выражать ~ / не скрывать ~а**

неPermManif: hide your delight: conceal, contain, hide *One policymaker can scarcely hide his delight, describing Bangladesh's recent economic success as "nothing short of a miracle"* **скрывать ~, не проявлять ~а** и др. [Влавацкая 2013, с. 446-447]. В практике русско-немецкой и немецко-русской комбинаторной лексикографии XX и XXI вв. подобных словарей или соответствующих проспектов на данный момент не существует.

Таким образом, представленный в статье обзор позволил установить основные принципы описания сочетаемости в современной немецко-русской и русско-немецкой сочетаемостной лексикографии, выявить их адресную направленность, характер расположения слов, особенности иллюстративного материала и т.д., а также выявить отсутствующие типы словарей, создание которых может оказаться полезным для носителей русского и немецкого языков, занимающихся их изучением, а также для носителей языков, использующих языки в своей профессиональной сфере.

Литература

Влавацкая М.В. Теоретические основы комбинаторной лингвистики: лексикологический и лексикографический аспекты (на материале русского и английского языков): дис. ... д. филол. наук: 10.02.19 / М.В. Влавацкая. – Новосибирск, 2013. – 470 с.

Евдокимов А.П. Лексическая сочетаемость и проблемы переводной лексикографии (на материале немецких соответствий сочетаниям лексем типа

«прилагательное + абстрактное существительное» русского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / А.П. Евдокимов. – Алма-Ата, 1981. – 243 с.

Карнаухов В.Я. Wörterbuch der präpositionalen Wortfügungen und Wendungen. Russisch-Deutsch. Deutsch-Russisch. Словарь предложных словосочетаний и устойчивых выражений. Русско-немецкий. Немецко-русский / В.Я. Карнаухов, А.П. Карпец. – СПб., Антология, 2009. – 464 с.

Карпов В.И. К вопросу о типах информации в двуязычном словаре / В.И. Карпов, Д.О. Добровольский, В.А. Нуриев // Вопросы лексикографии. – 2019. – № 6. – С. 38-58.

Кондакова Е.А. На пути к академическому немецко-русскому словарю: в поисках инструментов преодоления словарной инертности / Е.А. Кондакова, Е.В. Морозова // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. – Т. 14. – М.: Издательский дом ЯСК, 2017. – С. 221-237.

Стернин И.А. Контрастивная лексикология и лексикография: монография / Под ред. И.А. Стернина и Т.А. Чубур. – Воронеж, «Истоки», 2006. – 341 с.

Тогунов Б.М. Немецко-русский словарь устойчивых словосочетаний и выражений / Б.М. Тогунов; Астрахан. гос. техн. ун-т. – Астрахань: Изд-во АГТУ, 2010. – 180 с.

Юдина Е.В. Немецко-русский и русско-немецкий словарь наречий, адverbialных словосочетаний и эквивалентов слов (Wörterbuch für Adverbien, adverbiale Wortverbindungen und Wortäquivalente) / Е.В. Юдина. – СПб., Капо, 2017. – 445 с.

Юдина Е.В. Немецко-русский и русско-немецкий словарь словосочетаний с прилагательными и причастиями (Wörterbuch für Wortverbindungen mit Adjektiven und Partizipien) / Е.В. Юдина. – СПб., Капо, 2017. – 302 с.

Юдина Е.В. Немецко-русский и русско-немецкий словарь словосочетаний с глаголами (Wörterbuch verbaler Verbindungen) / Е.В. Юдина. – СПб., Капо, 2021. – 287 с.

Юдина Е.В. Немецко-русский и русско-немецкий словарь словосочетаний с предлогами (Wörterbuch für präpositionale Wortverbindungen) / Е.В. Юдина. – СПб., Капо, 2021. – 224 с.

Эйвадис Р.С. Русско-немецкий словарь глагольных сочетаний для переводчиков / Р.С. Эйвадис. – СПб., 2009. – 127 с.

Г.А. Заварзина (Воронеж)

К ВОПРОСУ ОБ АРХИТЕКТОНИКЕ И КОМПОЗИЦИОННЫХ ЭЛЕМЕНТАХ СЛОВАРЯ АКТУАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА НОВЕЙШЕГО ПЕРИОДА

Аннотация: Статья посвящена описанию принципов организации словаря-справочника актуальной лексики тематической сферы государственного управления. Зафиксированные в лексикографическом издании актуальные лексемы охарактеризованы как сильные и слабые инновации, появление которых обусловлено формированием новых явлений в анализируемой области политической жизни, связанных с проведением в стране административной реформы, а также с процессами интеграции, характеризующими общество в эпоху глобализации.

Ключевые слова: словарь, словарная статья, актуальная лексика, неологизм, инновация

Abstract: The article is devoted to the description of the principles of organization of the dictionary-reference book of the actual vocabulary of the thematic sphere of public

administration. The actual lexemes recorded in the lexicographic edition are characterized as strong and weak innovations, the emergence of which is due to the formation of new phenomena in the analyzed area of political life, associated with the implementation of administrative reform in the country, as well as with the integration processes that characterize society in the era of globalization.

Key words: dictionary, dictionary entry, current vocabulary, neologism, innovation

В русской лексикографии накоплен большой опыт составления словарей разных типов, однако лексикографических изданий актуальной лексики, «демонстрирующей изменения во всех сферах жизни российского социума, отражающей явные и значимые процессы, протекающие в языке и оказывающие существенное влияние на язык, российский социум, его ментальность и языковое сознание» [Толковый словарь... 2008, с. 6], существует крайне мало. В настоящее время издано несколько словарных изданий, зафиксировавших актуальную лексику русского языка новейшего периода, среди которых «Толковый словарь современного русского языка: Языковые изменения конца XX столетия» [2005], «Толковый словарь русского языка начала XXI века: актуальная лексика» [2008], в основе которых лежит разработанная и последовательно утверждаемая Г.Н. Скляревской концепция живого русского литературного языка, и «Словарь актуальной лексики единения и вражды в русском языке начала XXI века» Т.В. Леонтьевой и А.В. Щетининой [2021], который содержит актуальную для первого двадцатилетия XXI века лексику, описывающую коммуникацию с той стороны, которая предопределена намерениями участников общения установить контакт, сблизиться, добиться согласия, договоренностей либо, наоборот, отдалиться от всех, разорвать отношения, выразить недовольство и неодобрение. Особое место в этом ряду, на наш взгляд, занимает «Толковый словарь ключевых слов русского языка» [2014], который представил ключевой фрагмент современного русского языка как отражение новой эпохи в истории русского языка, нового этапа его эволюции и нового уровня научных знаний. К настоящему моменту издано несколько словарей актуальной лексики и терминологии, ограниченных определенной тематической сферой (напр., [Вишнякова 1999; Поэтика... 2008; Булыко 2008; Словарь актуальных музейных терминов... 2009; Словарь актуальных международных терминов... 2020 и др.]). Совершенно очевидно, что проблема создания словарей активного типа, ориентированных не только на фиксацию семантического содержания, но и на отражение динамики слова, стоит достаточно остро.

Частично восполняя указанный пробел в лексикографической фиксации актуального лексикона русского языка собственно новейшего периода, мы разработали словарь-справочник актуальной лексики начала XXI века «Государственное управление: актуальная лексика русского языка начала XXI века. Словарь-справочник», который вышел в печать в 2012 году в г. Воронеже [Заварзина 2012]. Названный словарь включает

актуальные в настоящее время слова и устойчивые словосочетания (более 2 тыс. языковых единиц), относящиеся к лексической подсистеме «Государственное управление», связанной с обозначением «принципов и механизмов осуществления власти в обществе, включающих структуру органов государственной власти и управления, национально-государственное устройство страны, в том числе административно-территориальное деление территории государства; отношения между государством и личностью, то есть весь комплекс основных обязанностей и прав граждан; основы государственного законодательства» [Крундышев 1998]. Среди них выделяются обозначения органов государственной власти и их структуры (*исполнительная власть, Правительство, Администрация Президента, Аппарат Правительства, Совет Федерации, Государственная Дума; президент, спикер, вице-спикер, мэр, премьер, префект, премьер, вице-премьер, сенатор, чиновник, госслужащий, депутат* и др.), характера деятельности органов государственного управления (*конкурентоспособность, прозрачность, транспарентность, волатильность* и др.), типов государственного управления (*ручное управление, рыночное госуправление, публичное госуправление, сетевое госуправление, электронное госуправление* и др.), подсистем государственного управления: а) институциональной (организационной) (*вертикальные и горизонтальные отношения, вертикаль власти, верхний эшелон власти, пирамида власти* и др.), б) нормативно-правовой (*оптимизация, легитимизация* и др.), в) кадровой (*управленческий ресурс, руководитель, переназначить, перестановка кадровая, проходимость кандидатуры* и др.); г) профессионально-культурной (*аппаратная этика* и др.), д) функциональной структуры и целевых составляющих госуправления (*демократизация, демократия участия, деноменклатуризация* и др.); е) отношений в системе государственного управления (*руководство, регулирование, оказание госуслуг, поставить на регулярную основу* и др.); ж) коммуникативной (*формат коммуникации, видеоприемные, селекторное совещание* и др.); управленческих технологий (*программный метод, процедура, прописать, отслеживание* и др.); принципов государственного управления (*законность, федерализм, публичность* и др.); негативных явлений в сфере государственного управления (*коррупция, бюрократизм, взяточничество, клановость, волокита, нестерильный, нецелевое использование средств* и др.).

В словаре нашли отражение различного рода лексико-семантические инновации, в том числе сильные (абсолютные, нередко именуемые собственно неологизмами) и слабые (относительные) неологизмы (см.: [Загоровская 2001]), появление которых обусловлено, как правило, формированием новых явлений в анализируемой сфере, связанных с проведением в стране административной реформы, а также с процессами интеграции, характеризующими общество в эпоху глобализации. Среди

сильных неологизмов разграничиваются неологизмы – заимствования (новые иноязычные слова, или внешние вхождения) (*электронное правительство, транспарентность, аффилированный, электронная администрация, рабочая группа, электронные элита, политическая сеть* и др.); морфологические (словообразовательные) неологизмы, создаваемые на базе морфологических ресурсов русского языка в соответствии с характерными для него словообразовательными типами и словообразовательными процессами (*проправительственный, социалка, силовик, карманность, ограждавание, администрирование, масштабировать, адресно, госслужба, ДЦП, ОП, СФ* и др.); синтаксические неологизмы, то есть новые устойчивые словосочетания, созданные из готовых словесных единиц на основе развития у них новых синтагматических связей (*государственный менеджмент, управлять в ручном режиме, административный ресурс, материнский капитал, парламентский контроль, системная коррупция* и др.). Слабые лексические инновации представляют собой известные для русского языка словесные единицы, новизна которых определяется изменениями того или иного аспекта их плана содержания (изменения в семантической структуре в целом и изменения в составе отдельного значения). Среди слабых лексических инноваций разграничиваются собственно семантические, характеризующиеся изменениями в семантической структуре слова в целом или изменениями в содержании денотативного и эмотивного компонентов отдельного значения словесных знаков и обычно именуются семантическими неологизмами (*распечатывание госгарантий, портфель поручений, левые инициативы, бюджетный иммунитет, пакет решений, Охотный Ряд, Кремль* и др.), и функционально-семантические инновации, связанные с изменениями в содержании функционально-стилистического компонента лексической семантики (*плановый, планирование, селектор, дружинник, назначенец, полпред, Дума, губернатор* и др.).

Расширение активного словарного запаса тематической сферы «Государственное управление» в собственно новейший период развития русского языка происходит также за счет слов, ограниченных ранее в функционально-стилистическом отношении. Прежде всего, это касается слов терминологического (ср.: *аккаунт, блог, микроблог, блогер, блогосфера, инфомат, веб-сообщество, сервер, портал, сайт* – из сферы информационно-коммуникационных технологий; *бюджетирование, валоризация, монетизация льгот, приватизация, электронная рыночная площадка* – из сферы экономики; *услуга, государственная услуга, государственные общественные услуги, сервисное общество* – из сферы обслуживания; *инновации, инновационный, наукоемкий, особые экономические зоны, нанотехнологии, модернизация* – из научно-технической сферы), жаргонного (ср.: *откат, откатывать, отмывание доходов, антиотмывочный, надувать пузыри* и др.) и разговорного (ср.:

продавить в значении «добиться принятия государственного решения или вступления лица в должность при помощи различных ухищрений», *подвижка* в значении «положительное изменение, успех на пути развития, прогресса в социально-экономической и политической сферах», *накачка* в значении «повышение профессионального уровня госчиновников», *мониторить*, *отписка*, *перетасовки*, *провоочки* и др.) характера.

Отбор слов в словаре осуществлялся также с учетом их деления на лексико-грамматические разряды. Большую часть словесных знаков составляют имена существительные, обозначающие, как правило, абстрактные понятия (*управляемость*, *безальтернативность*, *минимизация*, *бюрократизация*, *выборность*, *клановость*) и конкретные реалии и явления из области государственного управления (*федералист*, *экс-губернатор*, *мини-послание*, *нижняя палата*, *Белый Дом* и др.). В словарь включены достаточно употребительные относительные прилагательные, отличающиеся вовлеченностью в состав устойчивых словосочетаний (*административный* – *административный регламент*, *административная рента*, *административный ресурс*, *административная реформа*; *государственный* – *государственная программа*, *государственный аппарат*, *государственная структура*, *государственная услуга*, *государственная администрация*, *государственное задание*, *государственная служба*, *государственный совет*, *государственный сектор*; *ручной* – *ручная поддержка*, *ручное управление*, *ручной режим управления*). Глагольная (*администрировать*, *лоббировать*, *квотировать*, *заветировать*) и наречная (*адресно*, *электорально*, *оппозиционно*) лексика представлена менее значительным количеством единиц.

Из сложносокращенных слов и аббревиатур представлены наиболее распространенные в сфере государственного управления единицы (*Гордума*, *госзаказ*, *госслужба*, *госслужащий*, *заксобранье*; *Минэкономики*, *Минобрнауки*, *ГД*, *АСИ*, *ВС*, *КДР*, *КПК* и др.).

Однокоренные лексемы представлены в словаре выборочно. Полные словообразовательные гнезда приводятся в некоторых случаях как необходимые для воссоздания картины языка государственного управления современной России (*бюрократ*, *бюрократизация*, *бюрократизированность*, *бюрократизированный*, *бюрократизм*, *бюрократически*, *бюрократический*, *бюрократичность*, *бюрократичный*, *бюрократия*; *администрация*, *административный*, *администрировать*, *администрирование*; *парламент*, *парламентский*, *парламентаризм* и др.).

Структура словарной статьи

Словарная статья состоит из следующих зон: заголовочная единица, грамматическая информация, этимологическая справка, стилистические пометы, толкование, иллюстрации, устойчивые словосочетания.

Заголовочные слова и словосочетания расположены в словаре в алфавитном порядке и описываются на уровне лексико-семантического варианта (ЛСВ).

В случае закреплённости вариантных написаний заголовочных слов оба варианта приводятся в словарной статье, ср.: *Веб-форум* и *вэб-форум*... *Брендинг* и *брэндинг*...

Семантическое членение производится на уровне значения слова; ср.:

Гражданский... 1. Относящийся к правовому положению граждан в государстве. 2. Относящийся к гражданину как сознательному члену общества.

Более тонкое смысловое членение (выделение оттенков значения) чаще всего приводится так называемым «подтолковыванием» в дефиниции после точки с запятой, ср.:

Демократизированный... Связанный с демократическими преобразованиями (о государстве, обществе, властных структурах); такой, в котором произошли демократические преобразования.

Семантика слова в словаре разрабатывается в традициях русской лексикографии: при каждом слове может быть дано:

1) развернутое описательное толкование, ср.:

Волокита... Недобросовестное затягивание дела или решения какого-либо вопроса, а также медленное течение дела, осложняемое выполнением мелких формальностей, излишней перепиской.

Толкование может содержать энциклопедические сведения об обозначаемом словом предмете или явлении, ср.:

Государственная услуга. Нормативно установленный способ обеспечения прав и свобод, а также законных интересов граждан и организаций государственными органами власти, осуществляемый во взаимодействии с органом исполнительной власти или государственным служащим.

Толкование может уточняться и дополняться синонимом или антонимом (с указанием противоп.), ср.: *Перенастройка*... Настройка чего-либо заново; перестройка.

2) формальное толкование, представленное типовыми в лексикографии моделями; ср.:

Вице-президентский... Относящийся к вице-президенту. *Внутриведомственный*... Находящийся внутри ведомства.

В отдельных случаях даются формальные толкования имен существительных, прилагательных и наречий, ср.:

Выборность... Сущ. к выборный.

Переделегирование... Сущ. к переделегировать.

Структуры гражданского общества. См. Третий сектор.

Некоторые разряды слов приводятся без толкований ввиду прозрачности значений (*антимодернизационный*, *внутритандемный*,

внутриэлитный и др.) или в случае объяснения значения в иллюстративной части словарной статьи, ср.:

Планирование долгосрочное. Это переход к госпрограммам как к основному инструменту долгосрочного планирования, – заявил Кудрин. По его словам, проект бюджета будет внесен еще по старой структуре, но средства уже разобьют по программам.

Переносные значения словесных знаков сопровождаются пометой *Перен.*, при этом

а) при разработке прямого и переносного значения их связь и семантическая обусловленность показывается, ср.:

Кулуарный... 1. Относящийся к кулуарам, происходящий в кулуарах. 2. *Перен.* Негласный, неофициальный.

б) при разработке только переносного значения его связь с прямым значением не отмечается, ср.:

Вертикальный... *Перен.* Отражающий отношение должностных лиц, учреждений, предприятий от вышестоящих к нижестоящим и наоборот; характеризующийся подчинением, иерархией.

См. также *пирамида, иммунитет, прозрачный, вилка, заточить, лоскутный, мягкий, портфель* и др.

Следует отметить, что при толковании многозначных слов, включенных в данный словарь, учитывается лишь та часть семантической парадигмы слова, которая тематически связана со сферой государственного управления.

Сложносокращенные слова даются через помету *Аббр.* и/или *Сокр.* и раскрытие аббревиатуры или сокращения, ср.:

КДР, сокр. Аббр. Концепция долгосрочного развития.

Госорган... *Сокр.* Государственный орган.

Грамматическая характеристика не является специальным объектом данного словаря, поэтому при каждом слове даются только необходимые грамматические сведения.

При имени существительном традиционно указывается окончание родительного падежа единственного числа, формы множественного числа именительного и родительного падежей и родовая квалификация, ср.:

Префект, -а, мн.ч. –ы, -ов, м.

Выдвиженец, -а, мн.ч. –ы, -ев, м.

В случае отсутствия у слова формы множественного числа указывается только окончание родительного падежа и род, ср.:

Президентство, -а, ср.

Вертикализация, -и, ж.

При несклоняемых существительных приводится помета *нескл.* и указание на род, ср.:

Лобби, нескл.

Праймериз, нескл., мн.ч.

Собирательные имена существительные сопровождаются пометой *Собир.* и толкуются через формы множественного числа, ср.:

Администрация... Собир. Органы исполнительной власти, управления государством, а также руководящие работники этих органов.

При имени прилагательном и причастии приводятся окончания форм женского, среднего рода и множественного числа, ср.:

Премьерский, -ая, -ое, -ые.

При наречии дается помета, указывающая на принадлежность слова к данной части речи, ср.:

Приватизационно, нареч.

В качестве грамматических характеристик глагола указываются окончания 3 лица единственного и множественного числа простого будущего (для совершенного вида) и настоящего времени (для несовершенного вида), ср.:

Заветировать, -ет, -ют, св.

Двувидовые глаголы толкуются через видовую пару, ср.:

Демократизировать, -ет, -ют, нсв. и св. Осуществлять (осуществить)...

При новых заимствованных словах и устойчивых словосочетаниях приводится этимологическая справка. При этом при совпадении значений заголовочного слова со значением слова в языке-источнике в этимологической справке не дается перевод, ср.:

Цифровое правительство (англ. digital government).

Новый государственный менеджмент (англ. new public management).

При изменении значения заголовочного слова по сравнению с языком-источником в этимологической справке дается перевод, ср.:

Аффилированный... (англ. affiliate усыновлять, принимать в члены, присоединять).

В целях облегчения и обогащения толкования иноязычного слова может быть указан язык-посредник, ср.:

Транспарентный... (англ. transparent явный, очевидный <лат. transparent прозрачный).

В словаре используются пометы, указывающие на функционально-стилистическую отнесенность (*Офиц., Спец., Разг., Жарг.*) и эмотивные особенности (*Неодобр., Ирон.*) слов и устойчивых словосочетаний. Встречаются также пометы, характеризующие эвфемистичные выражения (*Эвф.*). Ср.:

Взыскание... Офиц. Наказание, мера воздействия.

Думец... Разг. Член Государственной Думы.

Отмыв... Жарг.

Народный избранник... Ирон.

Настройка правительства... Перен. Эвф.

Монетизация льгот. Эвф. и т.п.

Если слово должно быть охарактеризовано в разных стилистических аспектах, то применяется сочетание помет. Ср.:

Откатывать... Жарг. Неодобр.

Помимо помет в словаре используются семантические комментарии и конкретизаторы, ср.:

Выразить доверие (органу власти).

В парламентской практике...

Вето. В государственном праве...

В качестве иллюстраций используются примеры из публицистических произведений и Интернет-источников, которые призваны:

1) подтвердить факт наличия слова или устойчивого словосочетания в лексической системе русского языка собственно новейшего периода,

2) показать реальное функционирование слова или словосочетания (что особенно важно для инноваций). Ср.:

Модернизация... Обновление социально-экономических, политических, культурных, религиозно-нравственных и других основ жизни общества путем различных нововведений и усовершенствований, отвечающих современным требованиям и вкусам. *Модернизация догоняющая. Модернизация экономическая. Модернизация политическая. Модернизация социальная. Модернизация кардинальная. Модернизация консервативная. Модернизация государственного управления. Модернизация финансовой системы. Модернизация государственного сектора экономики.*

3) дать набор сведений о словесном знаке (его семантике, соотношении с другими словами, времени появления и т.п.) и соответственно о названном им предмете или явлении действительности. Ср.:

Полпред... для координации действия федеральных ведомств в округах действуют аппараты полпредов, исполнительно-распорядительными функциями не обладающие.

После словарной дефиниции и иллюстративной части в отдельной зоне с нового абзаца помещаются устойчивые словосочетания, включающие заголовочные слова. Принципы описания устойчивых словосочетаний соответствуют принципам описания отдельных слов. Ср.:

Аппаратный...

Аппаратная игра. Перен. Действия чиновников государственного учреждения, создающие внешний эффект демократизации жизни общества, но в действительности не приводящие к изменению господствующего положения аппарата.

Аппаратная этика. Нормы поведения чиновников аппарата государственных учреждений, включающие в себя соблюдение внутренней иерархии, порядка прохождения документов, а также форму одежды и нормы поведения в рабочее время.

Аппаратный вес. Значимость чиновника в государственном аппарате.

Считаем, что создание комплексного словаря актуальной лексики, представившего весь корпус актуальных для собственно новейшего периода словесных знаков, несомненно, позволит выявить не только направления динамики общественного сознания, но и векторы эволюции национальной концептосферы.

Литература

Вишнякова С.М. Профессиональное образование: Словарь. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика / С.М. Вишнякова. – М., 1999.

Заварзина Г.А. Государственное управление: актуальная лексика русского языка начала XXI века. Словарь-справочник / Г.А. Заварзина. – Воронеж, 2012.

Загоровская О.В. Лексические инновации в русском языке новейшего периода / О.В. Загоровская // Актуальные проблемы изучения и преподавания русского языка на рубеже XX-XXI веков. – Воронеж, 2001. – С. 10-11.

Каулен М.Е. Словарь актуальных музейных терминов / М.Е. Каулен. – М., 2009.

Крундышев М.А. Терминология государственного устройства в постперестроечное время: автореф. дис...канд. филол. наук / М.А. Крундышев. – М., 1998.

Леонтьева Т.В. Словарь актуальной лексики единения и вражды в русском языке начала XXI века / Т.В. Леонтьева, А.В. Щетинина. – Екатеринбург, 2021.

Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / Гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко. – М., 2008.

Словарь актуальных международных терминов и сокращений. – М., 2020.

Словарь иноязычных слов. Актуальная лексика / А.Н. Булыко. – М., 2008.

Толковый словарь ключевых слов русского языка / Е.Ю. Ваулина, Г.Н. Складарская, И.О. Ткачева, Е.А. Фивейская; под общим руководством проф. Г.Н. Складарской. – Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2014.

Толковый словарь русского языка начала XXI века: актуальная лексика / Под ред. Г.Н. Складарской. – М., 2008.

Толковый словарь современного русского языка: Языковые изменения конца XX столетия / Под ред. Г.Н. Складарской. – М., 2005.

ДИСКУРС И ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ НОСИТЕЛЕЙ ЯЗЫКА

З.М. Базарбаева (Казахстан, Алматы)

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПРОСОДИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА И ЕЕ СВЯЗИ С СЕМАНТИКОЙ

Аннотация: Связная звучащая речь не мыслится без целого ряда внутренних присущих ей свойств: *изменение мелодики (основного тона голоса), длительности, темпа, паузы, интенсивности, тембра*. Не все эти постоянные признаки одинаково хорошо воспринимаются человеком, и не все они играют одинаковую роль в организации потока речи. Компоненты интонации или просодические признаки, как их называют, выступают в устной речи в тесной взаимосвязи и единстве, а различные их комбинации служат для оформления высказывания, дискурса.

В лингвистической литературе интонацию рассматривают как важнейшую примету звучащей, устной речи, средство оформления и организации высказывания, определения его коммуникативного смысла и эмоционально-экспрессивных оттенков. Особую роль играет интонация в рамках целого текста, расчленяя его на смысловые отрезки и осуществляя вместе с тем межфразовую связь.

Исследования звучащей речи тесно связаны с теорией речевой коммуникации и психолингвистическими изысканиями. Аккумулируя современные направления в языкознании, следует выявить, какую роль выполняют мелодические, темпоральные и динамические средства интонации в передаче смысловых оттенков речевой деятельности во взаимосвязи с экстралингвистическими факторами.

В процессе общения человек использует словесные и просодические средства, причем большинство ученых склоняется к тому, что просодические средства являются более древними. Высокоорганизованные животные, ведущие стадный образ жизни, общаются друг с другом посредством интонационных модуляций голоса. С помощью звуковых сигналов они предупреждают друг друга об опасности, призывают к взаимному общению, выражают свое отношение к тем или иным жизненно важным явлениям.

Об этом же свидетельствуют и данные онтогенеза: интонационные средства воспринимаются и усваиваются детьми значительно раньше, чем у них начинается формирование словесной речи. Для определения различных стадий становления звуковой системы языка требуются многочисленные тщательные исследования на материале разноструктурных языков.

Ключевые слова: интонация, просодика, семантика, пресуппозиция, онтогенез

Abstract: A coherent sounding speech cannot be conceived without a number of properties inherent in it: a change in melody (basic tone of voice), duration, tempo, pause, intensity, timbre. Not all of these permanent signs are equally well perceived by a person, and not all of them play the same role in organizing the flow of speech. The components of intonation or prosodic features, as they are called, appear in oral speech in close interconnection and unity, and their various combinations serve to frame the utterance, discourse.

In linguistic literature, intonation is considered as the most important sign of sounding, oral speech, a means of designing and organizing an utterance, determining its communicative meaning and emotionally expressive shades. A special role is played by intonation within the

framework of the whole text, dividing it into semantic segments and at the same time making an interphrase connection.

Studies of sounding speech are closely related to the theory of speech communication and psycholinguistic research. Accumulating modern trends in linguistics, it is necessary to identify the role played by melodic, temporal and dynamic means of intonation in the transfer of semantic shades of speech activity in conjunction with extralinguistic factors.

In the process of communication, a person uses verbal and prosodic means, and most scientists are inclined to believe that prosodic means are more ancient. Highly organized herd animals communicate with each other through intonation modulations of the voice. With the help of sound signals, they warn each other about danger, call for mutual communication, express their attitude to certain vital phenomena.

This is also evidenced by the data of ontogenesis: intonational means are perceived and assimilated by children much earlier than the formation of verbal speech begins in them. To determine the various stages of the formation of the sound system of a language, numerous thorough studies are required on the material of languages with different structures.

Key words: intonation, prosody, semantics, presupposition, ontogeny

Фонетическую систему языка образуют не только сегментные средства, но и суперсегментные, которые накладываются на фонемную (линейную) структуру речи. Если минимальные единицы звуковой системы языка – фонемы (гласные, согласные), являющиеся элементами звуковой оболочки слов и морфем, составляют сегментный уровень речевого звучания и определяют линейность речи, то вторую линию речевого звучания составляет суперсегментный уровень, т.е. интонация. Этот второй интонационный (просодический) уровень имеет достаточно сложное строение и выполняет весьма многообразные функции. Просодические средства в каждом языке функционируют в виде тональных, динамических и темпоральных модификаций и изменений одновременно с сегментами речевого потока.

Этимологическое значение слова *интонация* (с латинского *intono – громко произношу*) в настоящее время полностью не раскрывает сути этого многогранного явления, поскольку интонация – это сложное лингвистическое целое, состоящее из нескольких компонентов: мелодики, темпа, паузы, ударения, ритма, интенсивности, тембра. На акустическом уровне эти компоненты соответствуют тональным, динамическим и временным параметрам. Звуки языка и интонация описываются одними и теми же акустическими параметрами: частотой основного тона, длительностью, интенсивностью и спектром.

Существует мнение о том, что интонация – явление субъективное. Это связывают с тем, что тексты разными чтецами читаются по-разному, так как у каждого индивида как будто бы существует своя собственная интонация. В этом случае содержание текста будет интерпретироваться не одинаково и осмысливаться по-своему. По-видимому, это связано с тем, что читающие недопонимают смысла данного текста, что может полностью изменить не только его экспрессивно-эмоциональные оттенки,

но и основное содержание. Неправильное интонирование и несоблюдение правил фразировки речи может привести к нарушению коммуникации. В связи с этим здесь следует говорить не о субъективности интонации, а об интонационных ошибках, которые нужно преодолевать. Признание субъективности интонации отрицало бы ее языковое содержание и многогранную функциональную значимость.

Функциональный потенциал интонационных средств расширяется при переходе от анализа изолированного высказывания к анализу связного текста. Анализ функционирования просодических средств в рамках лингвистики текста позволяет обнаружить влияние интонационной структуры текста, высказывания на интонационные контуры составляющих его элементов, выявить дифференцирующую роль просодических параметров в семантической и прагматической организации текста, описать свойства интонации в реализации межфразовой связи, в выделении информативных отрезков по степени важности, а также в выполнении функции эстетического воздействия на человека.

При изучении различных свойств текста наибольший интерес вызывает коммуникативный аспект текста и его прагматика. Исследование текстов (дискурсов) с привлечением в зону интересов интонологии социальных и психологических свойств индивида дает возможность оценить процесс коммуникации и речевое поведение человека в естественных условиях. При прагмалингвистическом, разностороннем подходе к элементам текста, в конкретной коммуникативной ситуации полнее и глубже реализуется анализ интонационных данных.

Семантическое содержание интонационных компонентов позволяет обратиться к прагматическому фактору, к теории пресуппозиции. В лингвистической литературе о пресуппозициях написано достаточно. Различают семантические, прагматические пресуппозиции. Определяют их как наличие у коммуникантов предварительных знаний о ситуации общения, о предыдущих речевых высказываниях, речевом контексте, в котором разворачивается общение, предшествующих акту коммуникации. Пресуппозиции регулируют отношения между коммуникантами задолго до момента начала коммуникативного акта. Вступая в коммуникативный акт, оба партнера ожидают, что у них имеются некоторые общие «сведения о мире», которые дадут им возможность держаться в процессе коммуникации известных обоим ориентиров и границ [Клюев 1998, с. 60].

Просодические средства, участвующие в оформлении текстов (**дискурсов**), передавая различные семантические значения, могут быть показателями различных типов **пресуппозиций**. Членение высказывания посредством просодических элементов предопределяет наличие и место локализации пресуппозиции. Например, в зависимости от акцентной

выделенности слов можно описать пресуппозицию следующего высказывания:

Қарлығаш биыл емтиханды «беске» тапсырды.

(Карлығаш в этом году экзамен на «пять» сдала.)

1. *Қарлығаш // биыл емтиханды «беске» тапсырды.*

(Карлығаш в этом году экзамен на «пять» сдала.)

Пресуппозиция: *Кроме Карлығаш экзамен на «пять» в этом году никто не сдал.*

2. *Қарлығаш биыл // емтиханды «беске» тапсырды.*

(Карлығаш в этом году экзамен на «пять» сдала.)

Пресуппозиция: *В прошлом году она была не так успешна.*

3. *Қарлығаш биыл емтиханды // «беске» тапсырды.*

(Карлығаш в этом году экзамен на «пять» сдала.)

Пресуппозиция: *Раньше у нее были другие оценки.*

Пресуппозиция отсылает к фактам, известным слушающим, это еще не иллюкционный акт, а лишь база для него. Пресуппозиция высказывания меняется при изменении его членения. Членение высказывания вкупе с акцентным выделением определяют пресуппозицию. Иллюкционный акт, представляя собой утверждение высказывания, как свидетельствуют примеры, выделяется посредством просодических средств, которые находятся в тесной взаимосвязи с семантикой. Акустические параметры интонации могут «говорить» о большем или меньшем смысловом весе высказываний. При этом, как правило, просодические признаки играют значительную роль в передаче тех или иных смысловых оттенков, являясь формой выражения содержания. И как свидетельствуют данные просодических параметров речи, чем больше смысловая нагрузка, тем ярче интонация.

Одним из спорных и интересных вопросов в языкознании является вопрос о происхождении и становлении просодической системы языка. Существует несколько мнений относительно происхождения звуков речи и интонации, а также процесса возникновения и формирования просодических средств. Что является первичным и более древним: слово или интонация?

Мысль о том, что интонация первична по отношению к слову высказывалась в ряде лингвистических трудов (В. Всеволодский-Гернгросс, М. Cressot, Д. Болинджер, В.З. Панфилов, В.Б. Касевич).

По мнению В.А. Богородицкого, зародышем языка были инстинктивные крики, вызываемые различными аффектами. Эти крики постепенно превращались в артикуляционно-слуховые символы для обозначения тех или иных предметов или явлений действительности. К восклицаниям как аффективным реакциям присоединялись и звукоподражания. Все это могло сопровождаться жестами и мимическими движениями. Жесты по мере развития звуковой речи все более и более

отступали на задний план, а сама мысль, выражавшаяся звуками, в первое время была до того примитивной, что даже представления предмета и действия смешивались в ней в одно неопределенное целое. При анализе природы языка В.А. Богородицкий обращает внимание на его изменчивость во времени и в пространстве. Причину этой изменчивости В.А. Богородицкий видит в смене генераций, или поколений [Богородицкий 1935].

Д.Н. Кудрявский считает, что язык возникает в процессе анализа представлений при помощи звуковых символов, которые постепенно превращаются в слова. В этом процессе выделяются следующие этапы: 1) звуки являются непосредственным отражением впечатлений внешнего мира; 2) звуки становятся символами воспринятых впечатлений и 3) сопоставление звуковых символов и соответствующих сложных представлений ведет к обоюдному анализу и вырабатывает слово с его значением [Кудрявский 1913].

Согласно исследованиям В.И. Бельтюкова существует четыре периода становления звуковой системы: первые голосовые проявления, гуление, лепет и собственно речевые проявления. В период первых голосовых проявлений ребенок использует фонацию для привлечения к себе внимания. Способность к голосовым проявлениям врожденна и не зависит от подкрепления. Следующая стадия – гуление, когда наблюдаются не только голосовые, но и звуковые проявления, но артикуляция согласных и гласных пока еще не дифференцирована. После гуления наступает лепетная речь, в которой наблюдается повторение одинаковых слогов. Последним этапом считается период становления произношения звуков [Бельтюков 1979].

Исследуя становление детской речи, Р.О. Якобсон говорит о смене доречевого периода речевым, когда детский лепет уступает место фонологическим противопоставлениям. Ученый считает, что существует связь между языковым развитием ребенка и развитием этнических языков. В соответствии с этим в усвоении языка ребенком присутствуют движущие силы, которыми обладает каждое языковое явление. Началу изучения языка у ребенка предшествует так называемый этап бормотания, который обнаруживает множество и разнообразие воспроизведенных звуков. Постепенно происходит переход из предъязыковой стадии к языковому, когда ребенок старается произнести отдельные звуки. Первые произвольные и лишённые значения звуковые различия еще не обладают свойством противопоставления. Предъязыковое бормотание звуков является чисто фонетическим, артикуляторным явлением, не имеющим отношения к фонологическим факторам. По всей видимости, на этой стадии усвоения языка фонологическую, смысловозначительную функцию выполняют просодические элементы, являясь средством связи ребенка с окружающим миром на эмоциональном уровне.

Р.О. Якобсон отмечает, что в предъязыковой ступени бормотания ребенок может воспроизвести любые артикуляции различных незнакомых языков, на следующем этапе развития языкового становления воспроизводятся те фонемы, благодаря которым родной язык отличается от других языков. Отдельные пары фонем вначале воспринимаются детьми как варианты одной фонемы, например фонематическое противопоставление смычных и щелевых согласных в детском языке относится к сравнительно поздним явлениям. Овладение ребенком системой гласных начинается с переднего широкого гласного, а овладение системой согласных – с губного носового *m*. Первая оппозиция согласных в детской речи – это оппозиция лабиального *p* и дентального *t*. Эти две оппозиции согласных образуют консонантный минимум всех языков мира. Усвоению ребенком велярных и палатальных согласных, считает ученый, предшествует усвоение лабиальных и дентальных согласных. Первая оппозиция гласных представлена широким *a* и узким *i*, затем появляется оппозиция *a : i : u* или *a : i : e*, которые образуют вокалический минимум языков мира [Якобсон 1993].

Таким образом, как нам представляется, усвоение звуков родного языка ребенком идет по пути развития и становления фонетико-фонологической системы языка, т.е. по законам диахронической фонологии, предусматривающей увеличение количества фонем по мере развития языка. Здесь уместно вспомнить, что увеличение количества фонем шло путем фонологизации аллофонов, выхода их из состояния дополнительного распределения и превращение позиционных вариантов в независимые фонемы, т.е. усложнение вокализма и консонантизма от ограниченного количества фонем с различными аллофонами к более полному составу фонем сопровождалось превращением аллофонов в самостоятельные фонемы.

Любопытно, что младенец не только отличает человеческую речь от других звуков, но и может отличить свой родной язык от иностранного. Для объяснения этого феномена предлагались два типа гипотез. Согласно одной из них, владение языком основано на внутреннем предрасположении, то есть на генетическом оснащении, которым владеет любой новорожденный. Этому врожденному оборудованию готовому к употреблению, не хватает только некоторой «наладки», уточнения некоторых параметров, после чего ребенок начинает распознавать звуки языка, а затем мало-помалу научается придавать им смысл и сам их издавать. Настройка проводится по звукам речи, которые окружают ребенка с самого рождения. По другой точке зрения, вовсе не нужно какой-то специальной внутренней предрасположенности к языку. Язык – один из видов интеллектуальной деятельности, и овладение им идет в рамках общего развития интеллекта, происходящего при помощи мощнейших механизмов обучения.

Группа исследователей из Парижского центра наук о познании и психолингвистических наук поставила себе задачу узнать, может ли новорожденный выделить и запомнить характерные черты родного языка и отличить его от иностранного, когда на обоих языках говорит не мать, а другие люди. Женщину, прекрасно говорящую на двух языках, попросили рассказать четырехдневным младенцам одну и ту же сказку сначала по-французски, а затем по-русски. Для определения реакции детей использовали соску с контактами внутри, замыкавшимися при сосании. Уже давно известно, что грудные дети реагируют на приятные события или ощущения более частым посасыванием пустышки. Оказалось, что младенцы, слушающие французский текст, сосали намного интенсивнее. При смене языков частота сосания также увеличивается на некоторое время – это срабатывает фактор новизны, дети замечают, что звуки изменились. Затем показатели выравниваются, в группе, слушающей сказку на французском языке, частота сосания выше. Для второго эксперимента взяли детей, чьи родители не говорили ни по-французски, ни по-русски. Результат: эти дети сосали пустышки с той же частотой, что франкоязычные, слушающие сказку по-русски, то есть особого интереса к звукам не проявляли. Итак, младенцы из первого опыта предпочли французский именно потому, что это их родной язык. В результате проведенных экспериментов выяснилось, что за четыре дня новорожденный младенец успел выявить и запомнить акустические особенности родного языка, на котором говорят окружающие, и способен отличить его от иностранного языка, не последнюю роль здесь сыграла, конечно, внутренняя предрасположенность к родному языку, существующая на генетическом уровне [Горелов 1980].

Интересной является точка зрения Уир, что становление звуковой системы русского, английского и китайского языков происходят поразному. В результате эксперимента она выявила, что для лепета китайских детей возраста шести-семи месяцев характерно повторение изолированных тонированных гласных, а для русских и американских детей того же возраста характерно повторение слогов, состоящих из согласных и гласных звуков, образующих интонационно-ритмическое целое с маркированным ударным слогом. А интонационные контуры, по мнению Уир, осваиваются еще раньше независимо от сегментных фонем [Weir 1966]. Эти данные свидетельствуют о том, что кроме генетической предрасположенности в усвоении языка непоследнюю роль играет также языковое окружение.

По Л.С. Выготскому истоки возникновения языка связаны не столько с интеллектуальной, сколько с эмоционально-волевой сферой [Выготский 1934]. Интонация как раз является тем средством, которая наиболее полно отражает эмоционально-экспрессивные оттенки. В этой связи представляет интерес утверждение В.Б. Касевича о том, что «уже гуление,

сигнализирующее взрослому окружению о том, что у ребенка все в порядке, является если не началом использования интонационных средств, то, во всяком случае, подготовкой к нему» [Касевич 1983, с. 228].

Американский ученый М. Левис, исследовавший детскую речь, отмечает, что девятимесячный ребенок уже может различать достаточно большое число интонационных моделей [Lewis 1951].

В результате эмоциональных взаимоотношений ребенка с окружающими людьми интонационные модели выступают как средство общения. Детский лепет характеризуется не только определенными мелодическими контурами, но и оформляется ритмическими структурами, о наличии ритмических групп в детском лепете свидетельствует членение просодических единиц на более мелкие. В.Б. Касевич указывает, что ритмические структуры – это обобщенные представления уже не целостных ситуаций, а отдельных параметров и явлений: если интонация соответствует высказыванию, отражающему ситуацию, то ритмическая структура отвечает слову, которое относится к предмету и явлению [Касевич 1983].

Психолингвисты обращают внимание на то, что невербальный язык (жесты, мимика, различные фонации) чрезвычайно богат и главное универсален не только для человека любой нации и культуры, но и животных. Например, у животных при сенсорных и моторных раздражениях оживают различные представления, благодаря невербальным средствам сигнализации они понимают друг друга, т.е. дословесные средства играют коммуникативную роль. Это дает основание считать, что в коре головного мозга животного есть механизм образования понятий. Иногда их называют «предпонятиями» или «протопонятиями», но суть дела не в термине, а в том, что достигаемый антропоидами, уровень абстракции обязан опираться в мозгу на «типологию», «смысловые схемы», «обобщенные образы», а не просто на аналоги конкретных ощущений и представлений, которые действительно работают в рамках первой сигнальной системы.

Ближайший ученик И.П. Павлова академик Л.А. Орбели неоднократно обращал внимание на то, что установление новых механизмов идет не за счет полной ликвидации старых, а за счет их затормаживания и перестройки. Он считал, что если обратиться к систематическому анализу явлений второй сигнальной системы, то можно найти элементарные корни, связывающие ее с первой системой. Отсюда можно предположить, что в основе структуры второй сигнальной системы должна быть не словесная речь как таковая, а сама возможность символизации, отвращения от реальной действительности с помощью знаков, – как более высокой степени приспособления по сравнению с условным рефлексом. Словесная речь в этом случае – следующая, еще более высокая ступень. Если вторая сигнальная система и словесная речь

не тождественные понятия, то «вторыми сигналами» могут быть любые символы реальности. Иначе говоря, человеческая психика рождается и просыпается до усвоения членораздельной речи. На первых порах язык лишь оформляет уже сложившиеся элементы человеческой психики, возникшие в актах предметно-практического поведения посредством просодических средств. Отсюда следует, что невербальный язык – это не вспомогательное, сопутствующее, а основное средство коммуникации для определенного периода развития гуманоида [Горелов 1980].

Таким образом, невербальные средства сигнализации развертываются в речевой коммуникации современного человека раньше, чем собственно вербальная часть высказывания. Вот почему дети в самом раннем возрасте усваивают суперсегментные модели и успешно реагируют на интонацию матери, дифференцируя отрицание, утверждение, удовлетворение, недовольство и другие значения, выражаемые интонацией, хотя моторные и сенсорные способности у них еще недостаточно развиты. Например, услышав ничего незначащее «агу-агу», ласково произнесенное матерью в высоких тонах, ребенок начинает улыбаться. На основании приведенных фактов можно предполагать, что суперсегментный уровень первичен по отношению к другим уровням, просодические средства являются более древними, чем словесные, т. е. интонация предшествовала слову, старше его, и в языке наших далеких предков превалировала интонация.

Интонолог Т.М. Николаева высказывает предположение, что суперсегментные средства, как и сегментные могут изучаться не только в синхроническом, но и в диахроническом плане, что можно поднимать вопрос о диахронической типологии или реконструкции интонации. Для этого могут использоваться следующие косвенные данные: 1) народная музыка и пение; 2) церковная музыка и пение; 3) архаические тексты волшебных сказок, легенд и т. п.; 4) специальные знаки в рукописях; 5) реинтерпретация известных фонетических законов с просодической точки зрения; 6) некоторые понятия сравнительной синтаксической акцентологии; 7) данные инверсии; 8) экспериментальные исследования материала поэзии; 9) диахронические обоснования сегментной фонетики слова; 10) фонетическая эволюция разных участков речи в связи с их разной синтаксической позицией; 11) явления разговорной речи [Николаева 1992].

Изучение просодической системы в диахроническом аспекте – эта задача будущих лингвистических исследований, в которых, на наш взгляд, будет обращено особое внимание на универсальные свойства интонации на материале родственных и неродственных языков. Типологические модели интонационных систем должны базироваться на выявленных интонациях сопоставляемых языков с качественно-количественным описанием просодических компонентов. Думается, что в изучении интонации в историческом аспекте необходимо оперировать

многочисленными данными по разным языкам с применением сравнительно-исторического, типологического и ареальных методов исследований.

Литература

Бельтюков В.И. Программа овладения детьми произношением звуков речи (К вопросу о соотношении социальных и биологических факторов) / В.И. Бельтюков // *Вопросы психологии.* – 1979. – № 4. – С. 66—78.

Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики [Текст] : (Из университетских чтений) / Проф. В.А. Богородицкий член-корреспондент Акад. наук СССР. – 5-е изд., перераб. – Москва ; Ленинград : Соцэкгиз, 1935. – 354 с.

Выготский Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский. – М., 1934. – 362 с.

Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации / И.Н. Горелов. – М.: Наука, 1980. – 104 с.

Касевич В.Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания / В.Б. Касевич. – М.: Наука, 1983. – 295 с.

Клюев Е.В. Речевая коммуникация : Коммуникативные стратегии. Коммуникативные тактики. Успешность речевого взаимодействия : Учеб. пособие для ун-тов и ин-тов / Е.В. Клюев. – М. : Приор, 1998. – 224 с.

Кудрявский Д.Н. Введение в языкознание / Д.Н. Кудрявский. – 2-е изд., испр. и доп. – Юрьев (Дерпт), 1913. – 130 с.

Николаева Т.М. Типология систем интонации предложения / Т.М. Николаева // Материалы XI Международного конгресса фонетических наук: вопросы интонации. – Франция, 1992.

Якобсон Р.О. Детский язык, афазия и общие звуковые законы / Р.О. Якобсон. – Баку, 1993.

Lewis M.M. Infant Speech. New York, 1951.

Weir R.H. Some Questions on the child's Learning of Phonology // The Genesis of Language. A Psycholinguistic Approach. Cambridge (Massachusetts), 1966.

А.А. Боронин (Москва)

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ДИСКУРСИВНОЙ ЛАКУНАРНОСТИ КАК КОММУНИКАТИВНОЙ УНИВЕРСАЛИИ

Посвящается памяти Иосифа Абрамовича Стернина

*Жил и живу незнающим, но уверен: в раю грустно.
(Глеб Арсеньев)*

Аннотация: В данной работе лакунарность трактуется как коммуникативная универсалия, которая неравномерно проявляется в разных типах дискурса и дискурсивных практиках. Предлагается разделять понятия «энтропия» и «лакунарность». Утверждается, что адекватная интерпретация языковых и речевых явлений, относящихся к дискурсивной лакунарности, возможна только при сформированности у индивида дискурсивной компетентности.

Ключевые слова: коммуникативная универсалия, лакунарность, дискурсивная компетентность, бинарный закон вербальной коммуникации

Abstract: In this paper, lacunarity is interpreted as a communicative universal, which manifests itself unevenly in different types of discourses and discursive practices. It has been proposed to distinguish between the concepts of "entropy" and "lacunarity". It is argued that an adequate interpretation of language and speech phenomena related to the discourse lacunarity becomes possible only if an individual possesses a well-formed discursive competence.

Key words: communicative universal, lacunarity, discursive competence, binary law of verbal communication

В коммуникации беспрестанно реализуются диалектически взаимодействующие процессы накопления и убывания информации, при этом в норме поддерживается некий содержательный гомеостазис, позволяющий соотносить рациональность речевого поведения индивидов с телеологическими установками социума. Наличие энтропии есть неотъемлемый процесс любой коммуникативной ситуации, более того, энтропия исходно служит двигателем для порождения данной ситуации, определяет ее ход и во многом подчиняет себе всю логику развития речевого взаимодействия. Бесспорно, что в языке и речи наблюдается структурно-функциональный изоморфизм, поэтому в обеих средах исследователи находят образования, которые так или иначе связаны с лакунарностью, причем роль психолингвистического фактора при дискурсологической интерпретации этих явлений становится решающей. В целом, в лингвистической теории коммуникации энтропию не следует однозначно рассматривать как нечто отрицательное, хотя, безусловно, на феноменологическом уровне речевого общения различного рода коммуникативные неудачи довольно часто (но далеко не всегда) можно связывать именно с энтропийными сбоями.

Общая онтологическая польза энтропии для порождения коммуникации является несомненной (о чем бы мы тогда говорили, если бы знали бы и чувствовали одно и то же?)². Однако дискурсивная лакунарность в отличие от энтропии не может считать нейтрально-техническим параметром коммуникации. В силу своей дискурсивности лакунарность телеологична и аксиологична вплоть до того, что лакунарность по злой воле коммуникантов может приобретать гротескно-уродливые формы, служить человеконенавистническим целям. Актуальный внешнеполитический контекст, в котором особый – трагический – тон задает информационно-психологическая война коллективного Запада против России, неопровержимо подтверждает высказанный тезис. Маховик ненависти представителей так называемых цивилизованных стран набирает обороты, и вот уже лауреат Нобелевской

² Из правил бывают исключения: в разных научных публикациях неоднократно приводился пример о коммуникативности молчания японских влюбленных.

премии *мира* (sic!), бывший президент Республики Польша Лех Валенса заявляет, что «население России не должно превышать 50 млн человек» (цитируется по сообщению ТАСС от 10 июля 2022 г.). Таким русофобским высказываниям нет абсолютно никакого оправдания. Можно полагать, что с позиций дискурсивно-коммуникативной семантики³ подобные высказывания являются лакунами, поскольку смысл этих сообщений имеет значимость только на первом этапе интерпретации: коммуникативная функция содержательно-фактуальной информации (термин И.Р. Гальперина) в этом случае заключается лишь в референции к дискурсивному контексту, к опосредованной характеристике условий словесного и внесловесного взаимодействия включенных в деятельность субъектов. Коммуникативная ущербность высказываний, подобных приведенному, не дает возможность полноценной аналитической интерпретации их семантического плана. Такие высказывания можно считать негативными проявлениями дискурсивной лакунарности.

Дискурсивная лакунарность выражается в самых разнообразных лингвистических феноменах, к которым обращались многие отечественные и зарубежные ученые, включая профессора И.А. Стернина, а также его учеников и последователей. Вместе с тем в первую очередь хочется выделить непосредственную соотнесенность дискурсивной лакунарности с бинарным законом словесной коммуникации [Боронин 2022], одной из предпосылок функционирования которого является полное или частичное непонимание значения слова [Стернин 2021б, с. 4].

Степень проявления лакунарности в разных типах дискурса и разных дискурсивных практиках (вслед за О.С. Иссерс [Иссерс 2011, с. 228] мы находим целесообразным использовать эти два термина, понимая под последним из них маргинальные и / или гибридные дискурсивные формы) будет варьировать. По всей видимости, усредненная дискурсивная лакунарность будет заметно ослабевать в различных сферах профессионального общения, особенно в тех ситуациях, когда важно принимать незамедлительные решения (конечно же, имеется в виду не профанное восприятие профессиональной речевой деятельности непосвященным, а полноценная включенность специалистов в дискурсивную сферу). Напротив, дискурсивная лакунарность будет усиливаться в разнообразных условиях художественной словесной коммуникации (это обстоятельство очень отчетливо осознавал и проживал в своем творчестве один из ведущих отечественных специалистов по психолингвистике текста профессор Юрий Александрович Сорокин, писавший под псевдонимом *Глеб Арсеньев* маргиналии, которые характеризует выраженная смысловая лакунарность).

³ Юридические аспекты данного высказывания могут быть оценены соответствующими специалистами в рамках отдельного рассмотрения.

Несмотря на названные отличия всегда неизменно лишь одно обстоятельство: лакуарность в обязательном порядке присуща каждому типу дискурса и каждой разновидности дискурсивной практики.

Еще раз подчеркнем целесообразность разделения понятий «энтропия» и «лакуарность», используемых в лингвистических контекстах. Энтропия – это некое внеоценочное «технологическое» измерение коммуникативных процессов, тогда как лакуарность вбирает в себя все оценочные векторы разных типов дискурсов, актуализирующихся в социальной практике лингвокультурных сообществ.

Адекватная интерпретация языковых и речевых явлений, относящихся к дискурсивной лакуарности, возможна только при сформированности у индивида дискурсивной компетентности, под которой мы разумеем системно взаимодействующие знания, умения и навыки, позволяющие субъекту общения сделать максимально точный выбор из всего разнообразия языкового / речевого репертуара средств сообразно коммуникативно-деятельностным условиям, в результате чего успешно решаются коммуникативные задачи. Отдельные аспекты дискурсивной компетентности, а также смежные с нею темы мы уже трактовали в целом ряде публикаций [Боронин 2007б, 2007в, 2009 и др.].

Основным признаком дискурсивной компетентности следует считать гибридный характер явления как объекта научного исследования [Боронин 2021], так как дискурсивная компетентность включает в себя не только овнешненную речь, но и ментальную проекцию воспринимаемого адресатом речевого продукта (на основе которой возможно и последующее собственное речепроизводство), имеющую определенную структуру, что очень подробно изучалось нами ранее (см., например, [Боронин 2007а] и многие другие публикации автора).

Особенно хочется выделить необходимость изучения лакуарной ментальной подструктуры как части проекции художественного текста, поскольку с учетом других исследований [Лотман 1996; Стернин 2021а] такое изучение несомненно приближает лингвистов к выводу о зоне / подструктуре лакуарности как неотъемлемом и крайне важном атрибуте языкового сознания.

Я не был учеником профессора И.А. Стернина, но его работы заметно повлияли на направление и, если можно так сказать, отчасти определили стилистическую манеру моих научных разысканий. Кроме этого, не менее важно для меня и то, что Иосиф Абрамович учил всех нас *лингвистике человечности*. Безмерная ему за это благодарность.

Литература

Боронин А.А. Лакуарная ментальная подструктура как часть проекции художественного текста / А.А. Боронин // Журнал Международного института чтения им. А.А. Леонтьева № 7. Секц. «Психология и педагогика чтения» Рос. психол. Общ-ва

– 20-летию Ассоциации исследователей чтения (Мат-лы 11-ой Междунар. науч.-практ. конф. по психологии и педагогике чтения «Чтение и письмо: междисциплинарный подход к исследованию и обучению», 30 ноября 2007 г., Москва). Ч.1. / Ред.-сост. И.В. Усачева, Е.В. Лазарева. – М.: НИЦ ИНЛОККС, 2007а. – С. 14–15.

Боронин А.А. Об отдельных аспектах дискурсивной компетенции (художественная коммуникация) / А.А. Боронин // Язык, культура, коммуникация. Мат-лы и тез. Междунар. науч. конф. / Под ред. д.п.н., проф. Г.С. Трофимовой. – Ижевск: УдГУ, 2009. – С. 178–182.

Боронин А.А. Опыт диагностики одного из аспектов коммуникативной компетентности студентов (экспериментальное выявление способности к установлению дискурсивной гомогенности персонажных субтекстов) / А.А. Боронин // Современные технологии обучения иностранным языкам: сб. ст. V Всерос. науч.-метод. конф. (октябрь 2007 г.) / Пензенск. гос. пед. ун-т им. В.Г. Белинского. – Пенза: АНОО «Приволжский Дом знаний», 2007б. – С. 15–17.

Боронин А.А. Экспликация типов дискурса как способ интерпретации текста / А.А. Боронин // Язык медицины: Всерос. межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 2. – Самара: ООО «ИПК “Содружество”»; СамГМУ, 2007в. – С. 62–67.

Боронин А.А. On the binary law of verbal communication: a concise prelude / А.А. Боронин // Лингвистическая лимология : мат-лы Всерос. науч. конф. с междунар. участием (г. Москва, 16 декабря 2021 г.) / отв. ред. А.А. Боронин, ред. кол. : Е.И. Абрамова, Л.А. Телегин. – Электрон. текстовые дан. (3,76 Мб). – М.: МГОУ, 2022. – С. 9–15.

Боронин А.А. О гибридном объекте в лингвистике в контексте научного наследия Юрия Александровича Сорокина / А.А. Боронин // Вопросы психолингвистики. – 2021. – №2 (48). – С. 38–47.

Иссерс О.С. Дискурсивная практика как наблюдаемая реальность / О.С. Иссерс // Вестник Омского университета. – 2011. – № 4. С. 227–232.

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю.М. Лотман. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.

Стернин И.А. Ложные значения в языковом сознании: реальность или фикция? / И.А. Стернин // Вопросы психолингвистики. – 2021а. – № 1. – С. 98–109.

Стернин И.А. О понятии «знание/незнание значения» / И.А. Стернин // Психолингвистика и лексикография: сборник научных трудов / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: Издательство «РИТМ», 2021б. – Вып. 8. – С. 4–9.

Н.В. Бубнова (Смоленск)

ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ТЕКСТА ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА «РОЗА ПРЕОБРАЖЕНИЯ»

*Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта
Российского научного фонда № 22-18-00339.*

Аннотация: В статье описаны имена собственные, формирующие ономастическое пространство текста Вячеслава Иванова «Роза Преображения» из цикла «Газзлы о Розе». Состав использованных автором имен богат и разнообразен: он включает в себя три онима общенационального армянского уровня и девять имен (с учетом «пограничных» лексических единиц) общечеловеческого уровня

лингвокультурологической ценности. Знание многопланового ассоциативно-культурного фона данных ономастических единиц способствует более глубокому пониманию содержания текста, поскольку имя собственное в художественном тексте – это «смысловой сгусток», квинтэссенция концептуальной идеи автора.

Ключевые слова: армянский текст, ассоциативно-культурный фон, имя собственное (оним, ономастическая единица)

Abstract: The article describes proper names that form the onomastic space of Vyacheslav Ivanov's text "Rose of the Transfiguration" from the cycle "Gazelas about the Rose". The composition of the names used by the author is rich and varied: it includes three onyms of the national Armenian level and nine proper names (taking into account the "border" lexical units) of the universal level of linguocultural value. Knowledge of the multifaceted associative and cultural background of these onomastic units contributes to a deeper understanding of the content of the text, since a proper name in a literary text is a "semantic clot", the quintessence of the author's conceptual idea.

Key words: Armenian text, associative-cultural background, proper name (onym, onomastic unit)

Стремительные процессы глобализации XXI века особенно актуализировали вопрос о межнациональных отношениях. Многогранные российско-армянские отношения имеют длительную историю развития. Как отмечает М.Д. Амирханян, «начало общения между русскими и армянами восходит к глубокой древности. <...> Так, еще в XI веке в Киевской Руси возникло первое армянское поселение. В это же время армяне поселялись в столице Волжско-Болгарского государства – Болгаре, потом – в Крыму и Польше. А со временем армянские поселения, переросшие в дальнейшем в колонии, стали возникать в русских городах – Москве, Моздоке, Астрахани, Новгороде, Петербурге и других местах» [Амирханян 2021, с. 5].

Российско-армянские отношения отражены еще в русском фольклоре и древнерусской литературе, при этом окончательно художественный портрет Армении был оформлен в русской литературе только в XX веке, после трагических событий в армянской истории, начавшихся в 1915 году. Попутно отметим, что геноциду армянского народа в период 1915–1923 годов канадский режиссер и актер Атом Эгоян посвятил киноленту «Арагат», вышедшую на экраны в 2002 году. В трагическое для армянского народа время трудами В. Брюсова, С. Городецкого, Андрея Белого, О. Мандельштама, М. Шагинян, Вяч. Иванова начал складываться «армянский текст» в русской литературе, позднее получивший развитие в произведениях других авторов [Амирханян 2020, с. 7].

На сегодняшний день корпус «армянских текстов» в русской литературе масштабен, интересен и многогранен. Его изучением занимается научный коллектив, включающий исследователей из Смоленска (С.Н. Андреев, Л.В. Павлова, И.В. Романова, Н.В. Бубнова, А.Н. Цубанова), Москвы (Э.Ф. Шафранская, Г.А. Закроева, Ш.Р. Кешфидинов), Екатеринбурга (Е.В. Потапова) в рамках

поддержанного в 2022 году грантом Российского научного фонда проекта «Электронный ресурс "Армянский текст русской поэзии": репрезентация локального текста русской литературы» (руководитель – профессор В.И. Карасик).

Особое место в «армянском тексте» (собственно, как и в любом другом тексте) занимают имена собственные в силу их высокой степени лингвокультурологической ценности. Исследование ономастических единиц в художественном тексте – одно из продуктивных, имеющих длительную историю развития и вместе с тем всегда актуальных направлений в ономастике. Вопросы литературной и фольклорной ономастики рассмотрены в работах И.А. Королёвой, Н.В. Ланге, С.Н. Волковой, К.Ю. Курс, О.В. Ивановой, Л.П. Родионовой, А.С. Мазур (Смоленск), М.М. Репенковой, А.Р. Садовой, А.П. Шустовой, И.Н. Исаковой, Г.Т. Безкоровайной (Москва), А.А. Бурыкина (Санкт-Петербург), Г.Ф. Ковалёва, И.И. Страхова, Н.В. Меркуловой (Воронеж), В.М. Калинкина, К.С. Федотовой (Донецк), А.В. Батулиной, Н.Н. Вихровой, Г.Н. Гиржевой (Великий Новгород), Н.В. Волковой, Ю.Л. Василевской (Тверь), Г.Н. Тюриной, С.Н. Пяткина, О.Б. Сидоровой, К.В. Костиной, Т.В. Чумаковой (Арзамас), М.А. Афанасьевой, А.Н. Верещагиной, О.Н. Верещагиной (Ярославль), Т.В. Хвесько, С.Ю. Третьяковой (Тюмень), Г.Х. Зиннатуллиной, Г.С. Хазиевой-Демирбаш (Казань), Е.С. Медведковой (Тольятти), М.Р. Валиевой (Уфа), Е.С. Жигачёвой (Улан-Удэ), Н.В. Комлевой (Вологда), О.Н. Румянцевой (Кострома), Е.В. Бодровой (Сургут), Т.В. Демидович (Волгоград), Н.В. Патроевой (Петрозаводск), Е.Н. Широковой (Нижний Новгород) и многих другие исследователей.

Настоящая работа посвящена описанию ономастических единиц в тексте Вячеслава Иванова «Роза Преображения» из цикла «Газэлы о Розе». Как отмечает Ю.Б. Орлицкий, в 1911 году поэт публикует 18 стихотворений, составивших раздел «Газэлы» пятой части книги «Rosarium»: первая часть – семь «Газэл о розе», вторая – три стихотворения под общим названием «Turtis eburneap» (Башня из слоновой кости), третья – восемь «Новых газэл о розе» [Орлицкий 2018, с. 177]. Приведем текст газэлы «Роза Преображения»:

Всем Армения богата, Роза!
 Но пышней тиар и злата Роза.
 Много в древней храмов островерхих;
 Но священной Арарата – Роза.

Принесли твой свет от Суристана
 Дэвы до ключей Эвфрата, Роза;

И до двери Тигра от Персиды
Пери – негу аромата, Роза.

Ты в канун сияешь Вардавар
До восхода от заката, Роза.

В Вардавар Мессии, на Фаворе,
Расцвела, в Эдем подъята, Роза. [Вяч. Иванов 1974, с. 452–453].

Мы видим, что имя собственное **Преображение** употреблено уже в названии текста (как известно, это только усиливает его значимость и ценность); данный оним принадлежит множеству национальных культур, официальной религией которых является Христианство, поскольку называет праздник Преображения Господня (в честь Преображения Господня, произошедшего на горе Фавор). Однако в сочетании с существительным **роза**, которое автор в тексте пишет с заглавной буквы и употребляет восемь раз, данное имя собственное приобретает дополнительные смысловые оттенки. Дело в том, что по-армянски праздник Преображения называется **Вардавар**, и далее в тексте Вячеслав Иванов употребляет этот оним. По одному из вариантов, данное название образовано от корней *vard* – «роза» и *var* – «яркий», т.е. буквально «яркая роза»; существует и другое толкование, согласно которому данное слово образовано от лексем *vard* – «роза» и *or* – «день», т.е. «день роз».

В дохристианской Армении Вардавар связывали с богиней любви и красоты Астхик и трепетной любовью между нею и богом Ваагном. Астхик придавала розам и розовой воде особое значение, ассоциировала их с любовью. Осыпая армянскую землю розами, сеяла повсеместно любовь. Ваагн же был борцом со Злом и вечным защитником Любви. Существует и другое предание: узнав о тяжелом ранении своего возлюбленного Ваагна, Астхик босиком пустилась в путь. Дорога была очень тяжелой, ноги красавицы от ран кровоточили, оставляя кровавый след, розовые кусты, встречавшиеся ей на пути, окрашивались в красный цвет. Отсюда и возник символ любви – красная роза. В этот день люди дарили друг другу розы, а влюбленные юноши пускали в небо голубей. Если голубь трижды кружился над крышей дома его любимой, осенью ее выдавали замуж. Совершалось паломничество к храму Астхик, где люди на священное место возлагали розы [Шуаева-Петросян 2022]. Таким образом, уже само название газэлы заключает в себе богатейшую лингвокультурологическую информацию, экспликация которой значительно расширяет диапазон понимания текста. Следует отметить, что вслед за Н.А. Максимчук всю сопутствующую информацию, не входящую в непосредственное содержание онима, мы называем ассоциативно-культурным фоном, при этом «компонент *культурный* указывает на то, что

фоновые знания, сопровождающие имя собственное, носят прежде всего культурологический характер (культура в данном случае понимается максимально широко). Компонент *ассоциативный* называет основной путь формирования, расширения и затем выявления фоновых знаний» [Максимчук 2002, с. 166–167]. Кроме того, отметим, что в стратификации ономастических единиц на основании их лингвокультурологической ценности могут быть выделены три уровня: *общечеловеческий* (онимы, принадлежащие мировому социуму); *общенациональный* (онимы, являющиеся достоянием определенной нации, народа); *региональный / краеведческий*, представленный онимами областного / краевого, районного и местного масштабов (см. подробнее [Максимчук 2002, с. 110]).

В самом тексте газэлы Вячеслав Иванов использует следующие ономастические единицы: **Вардавар** (дважды), **Армения**, **Арарат**, **Суристан**, **Эвфрат**, **Тигр**, **Персида**, **Мессия**, **Фавор**, **Эдем** (здесь и далее расположены в порядке упоминания в тексте, за исключением онима Вардавар, индекс частотности которого равен двум).

Для систематизации материала представим его в виде двух групп:

- 1) общенациональные армянские имена, имеющие армянскую «прикрепленность» (с экспликацией их ассоциативно-культурного фона);
- 2) ономастические единицы общечеловеческого уровня, знание которых необходимо для более глубокого понимания содержания текста.

I. Общенациональные армянские имена – 3:

1) **Вардавар**: данный оним употреблен в тексте дважды и называет один из наиболее любимых в Армении праздников. Выше нами уже был приведен один из вариантов происхождения данного онима, связанный с розой. Другой вариант расшифровки слова предлагают исследователи Г.А. Капанцян и К.В. Мелик-Пашаян, по мнению которых, слово *вардавар* от хеттских лексем *ward* – «вода» и *arr* – «мыть», следовательно, праздник связан с культом воды [Капанцян 1940, с. 39–40]. В поддержку данной версии Е.А. Шуваева-Петросян приводит древнюю легенду, согласно которой на свете жил очень богатый человек, возмнивший себя властелином и требовавший за пользование водой отдавать ему в рабство юных красавиц. Храбрый юноша Вардан восстал против злодея и победил его, освободив несчастных девушек. Армения – жаркая, каменистая страна, поэтому в ней всегда наблюдалось трепетное отношение к воде. Вардавар празднуется в самое жаркое время, в этот день, невзирая ни на возраст, ни на общественное положение, принято обливаться и обливаться друг друга водой. Самое главное правило этого праздника: обижаться или проявлять недовольство ни в коем случае нельзя, потому что считается, что в этот день вода обладает особой, целебной силой (см. подробнее [Шуваева-Петросян 2022]).

2) **Армения**: официальное название – Республика Армения – государство в Закавказье, расположено на северо-востоке Армянского

нагорья. Древнегреческая форма названия – *Αρμενία*. По-армянски название страны звучит как *Hayk* (армянское Հայք). В Средние века место армянского топонимического суффикса –к– занял заимствованный иранский суффикс –*стан*–, и страна стала называться *Hayastan* (армянское Հայաստան). По одной из версий, название страны связывается с легендарным прародителем армян Айком, который разбил в битве войско вавилонского царя Бэла и основал армянское государство. Предположительно, это произошло в 2492 году до н.э.; данный год считается первым в древнеармянском языческом календаре. По другой версии, происхождение данного топонима связано с древним государством Хайаса (XVI-XIII вв. до н.э.). Согласно третьей версии, данный оним восходит к хурритскому названию смежной с Мелитеной области *Armi*, расположенной на Армянском нагорье; это название перешло в древнеперсидский язык и в виде *Arminiya* шесть раз встречается в Бехистунской надписи 522 года до н.э. [Фасмер 1964, с. 87].

3) **Арабат** – самый высокий вулканический массив Армянского нагорья на востоке Турции, находится в 32 километрах от границы с Арменией. Само слово Арабат отождествляют с древним государством Урарту, существовавшим на территории Армянского нагорья еще в доисторический период. Из входивших в его состав племен формировался армянский этнос. Несмотря на то, что гора находится за пределами современной Армении, она является главным национальным символом армян и считается священной горой. Изображена на гербе Армении вместе с Ноевым ковчегом. Гора знаменита не только своей неземной красотой, но и библейскими преданьями. Как утверждают исследователи, именно к Арабату причалил Ноев ковчег после снижения уровня воды, поднявшейся в результате Всемирного потопа. Многие уверены, что после спуска Ноя со святой горы началось возрождение жизни на Земле и ее новое заселение. Споры по поводу упоминания в Библии места, где «сел на мель» Ноев ковчег, не умолкают. В одних версиях говорится об Арабатских горах, в других – о горе Масис. Точных указаний на Арабат (в рамках сегодняшнего топонима) в книге нет. Русский художник армянского происхождения И. Айвазовский (Ованнес Айвазян) неоднократно изображал Арабат на своих полотнах. На вопрос на Парижской выставке, почему в своем творчестве он уделяет внимание армянским видам, мастер воскликнул: «Вот наша Армения!», указав на написанную им в 1889 году картину «Сошествие Ноя с горы Арабат». Сегодня произведение хранится в Национальной галерее Армении, в Ереване [Беляев 2001, с. 175–176].

Интересно также то, что Арабатом называется область в Армении, граничащая с Турцией и Азербайджаном; в этой области расположены одноименные город и село. Название горы носит и Ереванский коньячный завод, выпускающий целую серию коньяков под брендом «АрАрАт», а также самый известный за пределами Армении футбольный клуб Еревана,

популярное в стране радио, железнодорожная станция и множество других объектов.

II. Ономастические единицы общечеловеческого уровня – 7 (краткие комментарии для онимов взяты из электронной энциклопедии «Русская Википедия», <https://ru.wikipedia.org/wiki>, дата обращения – 03.07.2022):

1) **Суристан**: в период Сасанидов Персидской империи с 226 по 651 год нашей эры данное название использовалось для обозначения персидской провинции Сурастан (примерно такой же, как сегодняшняя Сирия), а также для наименования сасанидского города Сурэстан (сегодня Куфа в Ираке).

2) **Евфрат (Эвфрат)** – река в Турции, Сирии и Ираке, самая крупная в Западной Азии, берет начало на Армянском нагорье. Согласно Библии, из Эдемского сада вытекала река, которая разделялась на четыре реки – Фисон, Гион, Тигр и Евфрат, берущий свое начало в горах Армянского нагорья. Река Евфрат являлась западной границей государства Великая Армения (190 до н.э. – 428 н.э.) и восточной границей соседней Малой Армении (государство в 322–115 гг. до н.э., позже римская провинция). Евфрат означает «сладость», «плодородие». Евфрат называется в Библии рекой великой и составляет восточную границу Земли Обетованной, в некоторых местах Священного Писания Евфрат называется просто рекой.

3) **Тигр** – крупная река Месопотамии и Ближнего Востока, левая и самая полноводная составляющая реки Шатт-эль-Араб (второй составляющей является Евфрат). Шумерское название Idigna или Idigina, вероятно, произошло от *id (i)gina – «бегущая вода» и интерпретировалось как «быстрая река», в противоположность своему соседу, Евфрату, который из-за большого количества ила имел медленное течение.

4) **Персида**: в западных странах это название Ирана до 1935 года (по-латински Персия); это историческая область Фарс (Парс; Парсуаш) в южном Иране, на берегу Персидского залива. Название происходит от древнеперсидского слова «парса», т.е. окраина. Этноним *персы* произошел уже от названия области. После арабского завоевания Персии в 633–656 годы и распространения ислама и арабского языка область Парс была переименована в Фарс; это связано с тем, что в арабском отсутствует звук [п].

5) **Мессия** – букв. *Помазанный*. Помазание оливковым маслом (елеем) было частью церемонии, проводившейся в древности у евреев и других народов Ближнего Востока при возведении монархов на престол и посвящении священников в сан. В христианстве чаще используется греческая форма термина *машиах* – *Христос*, а также термин *Спаситель*.

6) **Фавор** – отдельно стоящая гора высотой 588 м в восточной части Израильской долины, в Нижней Галилее, в 9 км к юго-востоку от Назарета, в Израиле. В христианстве традиционно считается местом Преображения Господня; на вершине горы расположены два действующих монастыря, православный и католический. Происхождение топонима связывают с

лексемой *Тавор (табур)*, что означает «центральное выпуклое место», эта гора совершенно отделена от всей цепи гор и округлена от подошвы до вершины, отчего и получила свое название.

7) **Эдем** – райский сад в Библии, место первоначального обитания людей. Как подчеркивает религиовед Мирча Элиаде, слово *Эдем* израильтяне сближали со словом *e'den* – *наслаждение*. Географическое месторасположение трактуется Армянским нагорьем (около истоков рек Тигр и Евфрат), Месопотамией (Вавилонией) и Индией.

Кроме перечисленных и охарактеризованных выше имен собственных, необходимо обратить внимание еще на две лексемы, стоящие на границе между проприальной и апеллятивной лексикой, – *дэва (Дэва)* и *пери (Пери)* (не наблюдается единства в написании со строчной или прописной буквы):

Дэва, или **дэвата** – бог, божественное существо в индуизме; предположительно, слово происходит от праиндоевропейского **deiwos* – прилагательного, которое означает «небесный» или «сияющий»; родственно русское слово *дева*, а также армянское Սիւնիւի, что означает «демон».

Пери: по замечанию Д.Р. Шакировой, «анализ словарных дефиниций существительного *пери* позволил выявить базовые представления о передаваемом им явлении. <...> Большинство словарей дают два значения для слова *пери*: 1. Доброе волшебное существо в образе прекрасной крылатой женщины, охраняющей людей от злых духов (в персидской мифологии). 2. перен. устар. Женщина пленительной красоты, чарующего обаяния» [Шакирова 2009, с. 122]. Очевидно, что в тексте Вяч. Иванова данная лексема употреблена в первом значении.

Таким образом, представленный выше состав онимов, формирующих ономастическое пространство газзлы Вячеслава Иванова «Роза Преображения», богат и разнообразен. Он включает в себя три общенациональных армянских онима, два из которых (Армения и Арарат), на наш взгляд, можно и нужно рассматривать в масштабе не только национального, но и мирового социума, и девять имен (с учетом «пограничных» лексических единиц) общечеловеческого уровня лингвокультурологической ценности. Знание многопланового ассоциативно-культурного фона данных ономастических единиц способствует более глубокому пониманию содержания текста, поскольку имя собственное в художественном тексте – это «смысловой сгусток», квинтэссенция концептуальной идеи автора.

В заключение отметим, что описанные в настоящей работе общенациональные армянские имена собственные войдут в состав частотного ономастического словаря в рамках проекта «Электронный ресурс "Армянский текст русской поэзии": репрезентация локального текста русской литературы» с необходимыми лингвистическими

комментариями, энциклопедическими сведениями и информацией об ассоциативно-культурном фоне.

Литература

Амирханян М.Д. Армения в зеркале русской поэзии / М.Д. Амирханян : под ред. И.В. Романовой. – Ереван: Копи Принт, 2021. – 579 с.

Амирханян М.Д. Реконструкция «армянского текста» в русской поэзии XX века (опыт компьютерного исследования) / М.Д. Амирханян, Л.В. Павлова, И.В. Романова // Известия Смоленского государственного университета. – 2020. – № 2 (50). – С. 5–21.

Беляев Л.А. Арарат / Л.А. Беляев // Православная энциклопедия. – М.: ЦНЦ «Православная Энциклопедия», 2001. – Т. III. – 752 с.

Иванов Вяч. И. Собрание сочинений. В 4-х томах. Т. 2 / Вяч. И. Иванов. – Брюссель, 1974. – 850 с.

Капанян Г.А. Хеттские боги у армян / Г.А. Капанян. – Ереван: Издательство Государственного университета, 1940. – 242 с.

Максимчук Н.А. Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении. В 2-х частях. Ч. 1 / Н.А. Максимчук. – Смоленск: СГПУ, 2002. – 184 с.

Орлицкий Ю.Б. Стих и проза в культуре серебряного века / Ю.Б. Орлицкий. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. – 904 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: пер. с нем. / М. Фасмер. – М.: Прогресс, 1964. – Т. 1. – 562 с.

Шакирова Д.Р. Лексема *peri* в языке русской поэзии XIX – начала XX веков / Д.Р. Шакирова // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. – 2009. – № 1 (16). – С. 122–127.

Шуваева-Петросян Е.А. Вардавар – праздник роз и воды / Е.А. Шуваева-Петросян. – URL: <https://armeniatourism.ru/traditions/vardavar-prazdnik-roz-i-vody> (дата обращения: 01.07.2022).

*Ю.В. Гриднев, Л.Г. Гриднева,
А.В. Крючкова, Е.А. Маклакова (Воронеж)*

КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК КОМПОНЕНТ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

Аннотация: Критическое мышление в современном мире – обсуждаемое понятие и востребованный навык, напрямую связанный с психолингвистикой. Мыслительная деятельность человека завершается совершением определенных действий и поступков, которые должны подвергаться как самооценке, так и определенной реакции общества. Способность к рассуждению вырабатывается по мере накопления индивидуумом разносторонних знаний, умений, навыков и даже ошибок. Критическое мышление является проявлением социальной зрелости человека и необходимым компонентом его безопасности в окружающем мире.

Ключевые слова: психолингвистика, критическое мышление, рассуждение

Abstract: Critical thinking in the modern world is a discussed concept and a skill in demand, directly related to psycholinguistics. The mental activity of a person ends with the commission of certain actions and deeds, which must be subjected to both self-assessment and

a certain reaction of society. The ability to reason is developed as an individual accumulates versatile knowledge, skills, and even mistakes. Critical thinking is a manifestation of a person's social maturity and a necessary component of his security in the outside world.

Key words: psycholinguistics, critical thinking, reasoning

Психолингвистика является молодой дисциплиной, возникшей на стыке психологии и лингвистики. Слова, речь – уникальная особенность человека, формирующаяся в социуме в процессе его онтогенеза. Только люди как вид имеют сформированный речевой аппарат. И важно, что человек думает и мыслит словами на родном языке.

В процессе обучения индивидуума, проходящем в соответствии с его морфо-функциональным доминирующим каналом восприятия информации через зрение, слух, осязание, осмысление, люди подразделяются на визуалов, аудиалов, кинестетиков и дискретов. Кроме того, выделяют право- и левополушарных личностей соответственно с развитым воображением и конкретно-образным мышлением или склонных к абстрагированию и обобщению со словесно-логическим подходом.

Наши мысли и слова зависят от особенностей внутреннего мира индивидуума [Крючкова 2013, с. 117]. У каждого человека его нравственный, жизненный и духовный опыт находит свое отражение в его сознании и речи. Чем богаче словарный багаж индивидуума, тем значительнее его жизненные познания и шире становится восприятие окружающей действительности.

Ограниченность языка напрямую связана со скудостью мышления, а данное обстоятельство, в свою очередь, нередко бывает причиной недостойного, а иногда и агрессивного поведения. Чем полноценнее видит человек сущность любого явления, тем более богат и его язык. Человек, совмещающий в себе знание бытовой и образной речи, разумеется, воспринимает окружающую действительность во всем ее колорите и многообразии.

Язык служит главным средством человеческого общения и позволяет передавать знание и опыт из поколения в поколение [Гриднева 2015а, с. 20]. Посредством слова можно стать духовно богаче, тем самым ощутив значимость нашей жизни. Разлом языка, его обеднение, нарушает эту гармонию, провоцирует конфликты и расколы.

Благополучный современный человек, как правило, не слышит тех слов, которых слышать не хочет, он привык от них защищаться, оправдывая себя. Такова реакция на критику, различного рода замечания. В этой связи важен обучающий пример [Максимова 2012, с. 68], положительное действие без сопровождающих слов – невербальное общение.

Критическое мышление, рассуждение являются высшим проявлением мыслительной деятельности человека, которые несравненно выше понятия здравого смысла [Петракова 2021, с. 190]. Оно всегда персонализировано.

Чтобы сделать определенное индивидуальное умозаключение, необходимо не просто принять информацию, но и оценить поступившие сведения, их сопоставить и резюмировать. Здесь потребуются и академические знания, и жизненный опыт, и смекалка, и умение оценить, спрогнозировать краткосрочные и долгосрочные итоги.

Автор одной из известных работ по критическому мышлению Д. Халперн указывает, что критическое мышление предполагает «использование когнитивных техник или стратегий, которые увеличивают вероятность получения желаемого конечного результата» [Халперн 2000, с. 22]. То есть, по ее мнению, критическое мышление, в отличие от автоматического, имеет свою направленность и гибкость, что необходимо для достижения поставленных целей.

Другой исследователь А.Н. Шуман пишет, что критическое мышление «представляет собой комплекс таких логических методов, которые не самодостаточны, поскольку требуют конкретного наполнения в зависимости от поставленной перед ними практической задачи» [Шуман 2004, с. 28]. При таком подходе критическое мышление является неким стандартным набором принципов мышления и формальных правил, которые подойдут к проблемному вопросу любого содержания – от бытового, до научного.

Ссылаясь на мнение Г.В. Сориной, отметим, что критическое мышление «предполагает наличие навыков рефлексии относительно собственной мыслительной деятельности, умение работать с понятиями, суждениями, умозаключениями, вопросами, развитие способностей к аналитической деятельности, а также к оценке аналогичных возможностей других людей» [Сорина 2003, с. 106.]. Сорина предлагает обращать внимание на «внутренний» мыслительный процесс: на основании чего рассматривается, как личность приходит к определенным заключениям. Это помогает поиску возможной итоговой ошибки путем критического повторения пройденных этапов осмысления информации.

Дополнительно приведем одно из определений рассуждения, которое представляет собой «функционально-смысловой тип речи с обобщенным причинно-следственным значением, опирающимся на умозаключение» [Эффективная коммуникация 2005, с. 538]. Чаще всего для объяснения определенного утверждения или обоснования определенного тезиса (его принятия или отвержения) необходимы основное положение (мысль), аргументы (доказательная часть) и заключение. Исходя из способа мышления, выделяют индуктивный, дедуктивный или комбинированный путь, то есть или от частного к общему – индукция, или от общего к частному – дедукция. Итогом рассуждения может быть либо принятие тезиса (рассуждение-утверждение), либо доказательство его ложности (рассуждение опровержение) [Эффективная коммуникация 2005, с. 539].

Сегодня, к сожалению, размыты понятия добра и зла, хорошего и плохого, света и тьмы. Легкий доступ к не всегда правдивой и достоверной информации, безлимитный, не знающий границ и цензуры интернет, мощный, преследующий определенные цели информационный поток, требуют от людей взвешенного принятия решений.

Например, одежда. Существует профессиональная форма или аксессуары, знаки на униформе, позволяющие безошибочно распознать принадлежность их обладателя к определенным кастовым категориям. Это обязательный профессиональный атрибут. Другое дело – повседневная одежда и внешний вид человека. Они невербально символизируют о его поле, возрасте, роде занятий, претензиях и намерениях. И, подключая историческую память и критическое мышление, хочется спросить: «Куда подевались платья и юбки? Разве одежда не влияет на менталитет, образ мыслей и поведение людей?» [Гриднева 2015б, с. 115].

Если сюда добавить речь и действия конкретного человека, то постепено возникает определенная характеристика индивидуума, впрочем, своя, различная у каждого, кто окружает этого человека. Сегодня люди читают мало книг и, как следствие, редко можно услышать красивую литературную речь. Когда-то граждане жили с лозунгом: «Лучший подарок – это книга». Сейчас речь пестрит жаргонными словами, сленговыми выражениями, а нередко и матерными словечками. Грязная речь, как правило, выражает примитивные низменные желания.

Культурологи называют современный период постмодерном, то есть считается, что в наши дни не создается ничего нового, а разрабатывается, осмысливается, перерабатывается, дополняется уже существующая матрица. Мы постоянно обращаемся к наследию прошлого: у всех на слуху термин «серебряный век» (конец XIX – начало XX века), например, литературы и соответственно «золотой XIX век».

Критическое мышление отличается от банального несогласия и строптивости. Оно позволяет сохранять индивидуальность, неповторимость, личностные особенности, когда совершаются рациональные и правильные, дальновидные и обоснованные поступки. Такой подход должен дополнительно базироваться на традициях, устоях, национальных интересах.

Критическому мышлению можно воспрепятствовать извне: стремительный темп жизни, высокие требования работодателей, экологическое утомление, легко формирующаяся гаджетная зависимость, мощная информационная атака на сознание человека, ослабление социальных связей и даже внутрисемейных из-за продолжительного пребывания в соцсетях. В этой связи наиболее уязвимыми категориями становятся лица разных возрастных групп – дети, подростки и неработающие взрослые, располагающие избытком свободного времени.

Наиболее серьезное выражение осмысленного критического подхода к частному вопросу, явлению можно встретить в христианской практике. Это понятия икономии и акривии. Несмотря на противоположный подход к решению той или иной проблемы, они ориентированы на высшие духовные принципы.

Икономия предполагает такое решение вопроса, когда на первое место ставится принцип снисхождения, практической пользы от определенного поведения конкретного человека. В христианской истории классическим считается пример, когда святитель Николай Касаткин, будучи русским человеком, служивший в Японии во время русско-японской войны, благословил православных японцев воевать с русскими, молиться за японского императора, а сам ушел в затвор и молился о мире между двумя народами. Благодаря такому отношению православные храмы не только не были закрыты, но даже охранялись во время боевых действий.

Аналогичный подход присутствует и в юриспруденции, которая, как указано в Уголовном кодексе РФ, базируется на принципах гуманизма и справедливости. Так, в отношении репрессий это предполагает либо полный отказ от них при возможности их применения, либо их минимизация в случае необходимости осуществления таковых.

Напротив, акривия предполагает строгое соблюдение буквы закона в точном соответствии с прописанными понятиями, что относится к догматическим основам церкви.

Получается, что критическое мышление в той или иной форме свойственно практически всем людям. Его масштабы и результаты могут индивидуально варьировать. Представляется, что в идеале оно должно еще учитывать и высшие духовно-нравственные мотивы, опираться на непреходящие христианские ценности.

Таким образом, критическое мышление как компонент психолингвистики, является важной составляющей поведения людей, мотивации их деятельности, рассудительного отношения к любым процессам и событиям. Именно такое мышление определяет уникальность конкретного человека. Важно, чтобы каждый раз критический подход в осмыслении происходящего обеспечивал благополучие не только индивида, но и окружающей среде и находящимся вокруг этого индивида людям.

Литература

Гриднева Л.Г. К вопросу о культуре межличностных отношений / Л.Г. Гриднева, А.В. Кашин, Ю.В. Гриднев // Культурология: пересечение научных сфер: сборник статей / Отв. ред. В.Ю. Коровин. – Воронеж: ИД ВГУ, 2015а. – С. 19-21.

Гриднева Л.Г. Одежда, головной убор как компонент невербального общения / Л.Г. Гриднева, Ю.В. Гриднев // Международна научна школа «Парадигма». Лято-2015:

сборник научни стати: в 8 т. / Под ред. А.В. Берлова, Л.Ф. Чупрова. – Варна: ЦНИИ, 2015. – С. 115-118.

Крючкова А.В. К вопросу о культуре речи / А.В. Крючкова, Л.Г. Гріднева, Л.В. Барабанова, Ю.В. Гріднев // Активизация познавательной деятельности участников образовательного процесса: материалы межрегиональной научно-методической конференции с международным участием. – Старый Оскол, 2013. – С. 117-118.

Максимова И.Н. Использование методов психолінгвистики в школьной практике / И.Н. Максимова // Филологический класс. – 2012. – № 29. – С. 68-71.

Петракова И.Н. К вопросу о самостоятельности критического мышления / И.Н. Петракова // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2021. – № 2. – С. 188-197.

Сорина Г.В. Критическое мышление: история и современный статус / Г.В. Сорина // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2003. – № 6. – С. 97-110.

Халперн Д. Психология критического мышления / Д. Халперн. – СПб.: Питер, 2000. – 512 с.

Шуман А.Н. Современная логика: теория и практика / А.Н. Шуман. – Минск: Экономпресс, 2004. – 416 с.

Эффективная коммуникация: история, теория, практика: Словарь-справочник / Отв. ред. М.И. Панов. – М.: ООО «Агентство «КРПА Олимп», 2005. – 960 с.

Л.Н. Дьякова (Воронеж)

КОММУНИКАТИВНЫЕ СОБЫТИЯ В ПРИЕМНОЙ КОМИССИИ ВУЗА КАК ОСНОВА ДИАЛОГА

Аннотация: Статья посвящена классификации типов коммуникативных событий в ходе приемной кампании вуза.

Ключевые слова: эффективное общение, абитуриент, вопрос

Abstract: The article is devoted to the classification of types of communicative events during the admission campaign of the university.

Key words: effective communication, applicant, question

Приемная кампания – напряженное время для сотрудников вуза и абитуриентов.

Общение в приемной комиссии имеет свои отличительные особенности. Вопросы, поступающие на сайт и по телефону, меняются по характеру и эмоциональному содержанию в зависимости от хода приемной кампании.

Частотность обращений зависит от многих факторов: день недели и время суток, этапы сдачи ЕГЭ, получение дипломов в учреждениях СПО и аттестатов в школах, выпускных вечеров. Нас же интересуют особенности общения в приёмной комиссии ВГУ, куда ежедневно с 20 июня поступают тысячи звонков из городов и сел России, ближнего и дальнего Зарубежья.

Звонят **три категории** граждан.

Абитуриенты

В большинстве своем очень робкие, не умеют сформулировать вопрос, делают в разговоре огромные паузы, собираясь с мыслями. К деловому общению не готовы, потому что не составляют плана вопросов. Очень часто перезванивают еще 1-2-3 раза, уточняют детали, спрашивают о том, что забыли спросить ранее.

Типичный диалог с абитуриентом:

- *Э... Здравствуйте... Э... А у вас в институте юриспруденция есть?*

- *Есть.*

- *А бесплатные места даете?*

- *Да, бюджетные места есть.*

- *Э... А сколько баллов надо, чтоб поступить?...*

Абитуриенты звонят, как правило, из сел и маленьких городов. Основная же масса молодежи получает информацию из интернета.

Родители

В процентном соотношении из 100 позвонивших родителей 80% – мамы, 20% – папы. Отцы, как правило, задают конкретные вопросы, говорят коротко и по делу, характер разговора чаще спокойный, деловой.

Типичный разговор с отцом:

- *Здравствуйте, скажите, сколько бюджетных мест на бакалавриат геологического факультета, направление «Геология»?*

- *93.*

- *Я правильно понял, что документы можно подать до 25 июля?*

- *Совершенно верно.*

- *Спасибо.*

Матери же, как правило, очень эмоциональны. Многим важно не столько получить информацию, сколько поговорить, обсудить свои переживания. Они часто кричат, плачут, смеются, возмущаются, жалеют себя.

Диалоги с мамами:

- *Можно переделать договор на мужа?*

- *Можно.*

- *Ох, как хорошо! Представляете, я всю ночь из-за этого не спала, заключила договор на себя, сказала мужу, он так на меня разорался, а я ведь переживаю, сами понимаете, надо сына учить 4 года, сын поступает на экономический факультет, а у меня зарплата маленькая, у мужа-то она больше...*

Или:

- *Я уже лазила по вашему сайту, ничего не поняла, вы мне лучше так скажите...*

Или:

- *Справка нам нужна медицинская на филфак?*

- Пока не нужна.

- Значит, справка не нужна? Ох, а я думала, что нужна, а она, оказывается, не нужна. Как хорошо, что я вам позвонила. А то мы собрались в поликлинику идти справку брать, а справка пока нам не нужна. Наверное, это уж потом нас попросят справку взять. А на других факультетах справка нужна?

Бабушки и дедушки

Звонят так же часто, как мамы абитуриентов.

Представители старшего поколения очень переживают, пытаются для себя понять, какую профессию выбирают их внуки. Дедушки более сдержанны, бабушки эмоциональны.

Здесь действуют те же схемы, что и с родителями. Мужчины более конкретны, женщины – наоборот. Главной особенностью речи старшего поколения является вежливость и уважение к представителям приемной комиссии. Они извиняются, благодарят, почти не грубят (это большая редкость!), стесняются того, что не очень хорошо воспринимают информацию из интернета.

Типичный диалог с бабушкой (дедушкой):

- Здравствуйте, девушка! Как к Вам обращаться?

- Лариса Николаевна.

- Ларисочка Николаевна, растолкуйте мне, старику, что это за факультет такой – прикладная лингвистика? Кем моя внучка будет?

Или:

- Мой внук Сеня занимается плаванием, у него медалей целая стена, еще он в музыкальной школе учился, а в прошлом году работал вожатым в лагере, английский знает в совершенстве, а красавец какой, вы не представляете, рослый, глаза синие... Математику сдал на 39 баллов, но ведь у вас можно сдать экзамены.

- Нет, мы принимает только результаты ЕГЭ.

- Как?! А мне сказали, что вы экзамены свои проводите...

На первом этапе приемной кампании самыми частотными вопросами являются:

- какие ЕГЭ нужно сдать;
- сколько бюджетных мест;
- стоимость обучения;
- какие льготы
- сколько баллов дает дополнительно золотая медаль (значок ГТО, волонтерская книжка, проживание в Чернобыльской зоне);
- что такое СПО и ВУЦ;
- как получить целевое место.

На **втором этапе** вопросы меняются:

- с какого числа можно подать документы;
- перечень документов;
- о вкладыше в аттестате;
- какие фотографии (черно-белые или цветные, сколько штук, в какой одежде фотографироваться, зачем нужны фото);
- о медицинской справке;
- дни и часы работы приемной комиссии;
- где подавать документы;
- как подать документы онлайн;
- заверять ли у нотариуса документы;
- где лучше оплатить обучение.

Третий этап – самый сложный. После появления на сайте вуза рейтинговых списков начинается волна обращений подавших документы:

- почему у него меньше баллов, а он выше меня;
- кто выделен желтым, а кто серым;
- почему не высвечиваются баллы ЕГЭ;
- как поменять приоритеты;
- как заменить дневное на заочное;
- как переделать договор на мужа (жену);
- как поселиться в общежитие.

Встречаются и крайне **неожиданные вопросы**:

- Есть ли туалет в общежитии, какой?
- Нужна ли форма, какая?
- Серия в паспорте – это первые цифры?
- Какие тетради нужно купить?
- Вы заочно на массажистов не учите?

Наблюдения и выводы:

Звонят преимущественно те, кто:

- отвергает саму идею получения информации на сайте или не доверяют интернету (*там вся информация старая, там ничего не понять*);
- не доверяют себе и своим способностям (*вдруг я не тот сайт зашла, вдруг не ту кнопку нажала?*);
- лень: не хочется выходить из зоны комфорта, напрягаться, мыслить, работать с информацией, читать, осваивать новые технологии (*да не хочу я читать ваши сайты, вы мне лучше всё на словах расскажите*).

Особая категория воронежцев, которые живут недалеко от главного корпуса ВГУ, где находится приемная комиссия. Звонят много раз, задают вопросы, делают десятки уточнений, но подавать документы лично не желают. Общение – только онлайн. Был случай, когда женщина,

позвонившая раз 15 в течение двух дней, задавшая десятки вопросов, но так и не выбравшая приоритеты, в сердцах сказала: *«Ладно, я сейчас сама приду, я тут в соседнем доме живу»*.

Многие не воспринимают информацию на слух. Но читать ее в интернете не хотят. Парадокс.

Отсутствие ручки и бумаги практически у всех, кто звонит в приемную комиссию за консультацией. Две-три минуты тратится на поиск ручки, чтобы записать важные сведения. Теряется время.

Формулировка любого вопроса занимает 3-4 секунды. Но много времени тратится на преамбулу: звонящие (особенно женщины) прежде чем дойти до сути, описывают:

- **собственные переживания, чувства** (*я так нервничаю, у меня уже второй день высокое давление, мы будем подавать еще в институт N на факультет X*);

- **достоинства ребенка** (*у него две пятерки, он занимался с репетитором, учился в музыкальной школе и т.д.*);

- **описание собственного опыта, воспоминания** (*я учился на физическом факультете, но сына мне хочется отправить на математический; мой друг юности преподает в институте X, зовет нас к себе, но у нас здесь бабушка живет, мы решили учиться здесь и т.п.*).

Создается впечатление, что многим людям очень хочется поговорить, что их не столько интересует информация, сколько есть огромное желание выговориться, успокоиться и получить моральную поддержку.

Иногда человек делает долгое-долгое вступление, чтобы задать вопрос (*здравствуйте, меня зовут ..., не будете ли вы так любезны, не развеете ли наши сомнения или, может быть, напротив, вы оцените наши предпочтения, мы были бы очень благодарны, если бы вы нас направили в нужное русло*). Потом следует короткий вопрос – короткий ответ, и повисает пауза. Не поймешь, то ли разговор окончен, то ли абонент задумался, осмысливает информацию. Паузы очень мешают в деловом общении.

Большая категория людей, которые изучили сайт, всё понимают, но обязательно должны проговорить, как бы проверить себя. Разговор начинают с фразы: *«Скажите, правильно ли я понял?...»* Это самые грамотные и приятные в общении люди.

Перебивают чаще всего мамы. Они же чаще других переспрашивают, потому что, находясь на эмоциях, не всегда воспринимают информацию. Слушают, но не слышат. Вот пример такого общения:

- Скажите, а какие фото нужны?
- 3 на 4, любые.
- Черно-белые или цветные? Матовые или глянцевые?
- Любые.
- С уголком или без уголка?

- Все принимаем размером 3х4.
- А отсрочка от армии есть?
- Есть.
- О, это хорошо. А какие фото нужны?
- Вы только что спрашивали: 3 на 4.
- Ой, да, спрашивала, точно. А отсрочка от армии есть?..

Многие переспрашивают, потому что не понимают значения слов. Многим не понятно, что такое *цокольный, очно-заочное, на договор, приоритет* и др.

- В речи позвонивших встречаются типичные речевые ошибки:
- Меня зовут Сергей, я **как бы** отец вашего будущего студента.
- Меня звать Игорь, я вам **с** Тамбова звоню.
- Я хотел **вопрос спросить**...

Многие перебивают собеседника, не дослушивают ответа на свой же вопрос. Требуют подтверждения информации по несколько раз. Пример такого диалога:

- Скажите, мы проходим на договор?
- Проходите.
- Точно?
- Точно.
- Абсолютно точно?
- Абсолютно!
- Без вариантов?
- Без вариантов.
- Сто процентов?
- Сто процентов!
- Я могу вам верить?
- Можете.

Самые агрессивные собеседники – люди, не обладающие полнотой информации. Они где-то что-то услышали, но оказалось, что их сведения ошибочны. Например, они решили, что значок ГТО даст им дополнительные баллы, а в законе этого нет. Начинается стресс, приводящий к грубости: *Мне сказали, что золотой значок ГТО дает льготы... Управы на вас нет!*

Очень многие считают авторитетным мнением не официальные документы, а бытовые разговоры. Работники приемной комиссии постоянно слышат от своих посетителей и абонентов формы речи: *а мне сказали, а я слышала, а по телевизору передавали, а вот раньше...*

Еще один важный аспект – поведенческий.

Иногда создается впечатление, что родители провожают ребенка не в вуз, а в первый класс начальной школы. Мало того, что родители звонят, чтобы получить консультацию, но даже, бывает, за детей приходят подавать документы или приводят последних за руку и выбирают за них факультеты, направления подготовки. Примеры излишней опеки, граничащей с подавлением личности, работники приемной комиссии наблюдают очень часто.

В заключение отметим особую категорию людей – вечные студенты. Их не очень много, всего человек пять, но они стабильно появляются в ходе каждой приемной кампании.

- *Как к вам поступить?* (Взрослый голос)
- *Какое у вас образование?*
- *У меня два юридических, одно экономическое, есть педагогическое, но оно давнишнее, сейчас я на рекламе, но хочу бросить.*
- *А к нам куда бы вы хотели?*
- *Мне всё равно, лишь бы заочно.*

Подведем итог. Членам приемной комиссии необходимо учитывать правила и приемы эффективного общения с людьми, находящимися в экстремальной ситуации, а поступление оценивается абитуриентами и их родственниками именно в таком ключе (практически решается судьба!), терпеливо и максимально кратко, понятно, доброжелательно сообщать необходимую информацию (нередко повторяя несколько раз, выделяя ключевые моменты интонационно), а поступающим и их близким – не забывать готовиться к общению (посмотреть информацию на сайте, составить список возникших вопросов, подготовить письменные принадлежности, чтобы записать полученную информацию и др.).

А.С. Князева (Воронеж)

ИМПЛИЦИТНОЕ УТВЕРЖДЕНИЕ В МОДАЛЬНОМ ЗНАЧЕНИИ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ (на материале текстов СМИ)

Аннотация: В данной статье рассматриваются способы реализации имплицитного утверждения в текстах средств массовой информации, содержащих негативные сведения. Анализ текстов проводится с использованием методики рецептивных схем.

Ключевые слова: рецептивные схемы, семантика, имплицитный текст

Abstract: This article discusses ways to implement implicit statements in the texts of mass media containing negative information. The analysis of texts is carried out using the technique of receptive schemes.

Key words: receptive schemes, semantics, implicit text

Модальность в семантической структуре предложения представляется отношением субъекта речи к тому, что он сообщает, а также отношением сообщаемого к действительности, и дифференцируется таким образом на объективную и субъективную. Объективная модальность представляет собой отношение высказывания к действительности, а субъективная, соответственно, отношение субъекта к сообщаемому [Русская грамматика 1980].

Таким образом, модальность есть отношение к реальности или ирреальности сообщаемого. В данном контексте важным представляется определение утверждения/отрицания как модальной категории. Следует подчеркнуть, что утверждение может быть лишь имплицитно включено в общее модальное значение предложения.

Деление языковых значений на эксплицитные (явные) и имплицитные (скрытые) подчеркивает существование языковой возможности выражения смыслов различной степени экспликации. Информация в тексте представляется в виде утверждений, предположений и мнений. Так как семантическая сторона высказывания состоит из разных слоев, которые различаются по степени эксплицитности, то утверждение, соответственно, может быть эксплицитным и имплицитным. К эксплицитным, по мнению А.Н. Баранова, стоит отнести «утверждения, содержание которых устанавливается из поверхностной формы высказывания, не требующих смысловых преобразований, подобные утверждения основываются и на значении слов, которые входят в высказывание, и на значении контекста. К скрытым утверждениям стоит отнести утверждения, выявляющиеся как на основе анализа значения выражений, которые входят в высказывание, так и на основе анализа значения контекста употребления высказывания» [Баранов 2020, с. 315].

В данной статье рассматриваются способы реализации имплицитного утверждения в текстах средств массовой информации, содержащих негативные сведения («сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина либо юридического лица») [Баранов 2020, с. 315].

Материалом для исследования послужили статьи, опубликованные в Газете Юга, которая освещает новости и события в Кабардино-Балкарской Республике⁴, а также статьи, опубликованные на информационном сайте

⁴ www.gazetayuga.ru

«Блокнот», освещающем новости бизнеса, политики, культуры и спорта Воронежа⁵.

Цель статьи тесно связана с одной из главных задач лингвокриминалистики – с задачей по установлению содержания спорного речевого произведения.

Анализ текстов проводился с использованием методики рецептивных схем. Рецептивные схемы – ментальные (когнитивные) схемы восприятия скрытого смысла текста, присущие сознанию людей схемы (модели) понимания, «рецептивные схемы языкового сознания основаны на сформировавшемся в сознании этноса или отдельной социальной группы на базе когнитивного и языкового опыта носителей языка понятия равнозначности информации: некая информация, переданная определенным эксплицитным способом, рассматривается языковым сознанием как равнозначная другой информации, которая в данном конкретном случае не выражена вербально, эксплицитно» [Стернин 2011, с. 14].

Следует отметить, что имплицитное утверждение может обнаруживаться:

- в непосредственном контексте (в том же предложении),
- в широком контексте (в других частях того же текста).

Так, имплицитное утверждение в непосредственном контексте реализуется в предложении: *«Говорить о непредвзятости расследования дела Х.Ш. по меньшей мере смешно»*⁶.

В тексте усматривается скрытый смысл: *расследование было предвзятым*.

Рецептивная схема, по которой воспринимается данный смысл, имеет форму: *утверждение о том, что некоторая идея / какое-либо мнение является по меньшей мере смешной*⁷ *равнозначно утверждению о неверности данных идеи или мнения*.

Имплицитное утверждение в широком контексте реализуется в предложениях: *«Объем чистой прибыли отделения В..., полученной в этот период, составил 60,2 млн рублей. Примечательно, что эта цифра сопоставима с личным доходом гендиректора В... Е. С., заработавшего в 2010 году 52 млн рублей»*⁸.

В тексте усматривается следующий скрытый смысл: *Е.С. украл несколько миллионов рублей*. Рецептивная схема, по которой воспринимается данный смысл, может быть представлена следующим образом: *сопоставление прибыли организации и личного дохода*

⁵ bloknot-voronezh.ru

⁶ www.gazetayuga.ru

⁷ Для реализации данной рецептивной схемы принципиально наличие в составе высказывания фразеологической единицы «по меньшей мере смешно».

⁸ bloknot-voronezh.ru

руководителя равнозначно утверждению о недобросовестности руководителя при ведении финансовой деятельности.

Проанализируем еще один пример: *«Так во время проверки сотрудники прокуратуры и Контрольно-счетной палаты Воронежа не досчитались пяти компьютеров, лазерного принтера, цифровой видеокамеры и системного программного обеспечения, полученных в январе 2010 года по региональной программе «Семьи с детьми-инвалидами Воронежской области на 2009-2010 годы»⁹.*

В тексте усматривается следующий скрытый смысл: *оборудование было украдено. Актуализация выявленного скрытого смысла поддерживается как общим смыслом высказывания, так и использованием глагола «недосчитались».*

Рецептивная схема: *сообщение о том, что в проверяющие недосчитались чего-либо равнозначно утверждению о том, что недостающие объекты были украдены.*

Релевантность выявленного скрытого утверждения подтверждается также широким контекстом. В спорном тексте есть следующие высказывания: *«У детей воровать не стыдно, решили управленцы центра и начали перераспределять бюджетные средства, как душе угодно». «И последнее воровское изобретение – зачем придумывать новые схемы отъема денег у населения, если можно взять натуральными продуктами»¹⁰.*

Передача скрытых смыслов может осуществляться различными языковыми формами. В частности, вопросами. Так, вопрос: *«Позже прокуратура вынесла протест на действия мэрии, но если человек не боится даже суда, то что ему прокуратура? Ведь, наверное, кто-то у нас считает, что можно махнуть рукой и на нее?»¹¹* содержит скрытый смысл: *человек пренебрегает законом.* Высказывание позволяет построить следующую рецептивную схему: *указание на отсутствие страха перед судом равнозначно утверждению о пренебрежении законом.*

Особую роль в реализации имплицитного утверждения в тексте играют устойчивые сочетания. Пропозициональная составляющая, в которой реализуется актуальное значение устойчивых сочетаний, реализуется не автономно, а на фоне внутренней формы, которая хорошо осознается носителем языка: *«Остается лишь загадкой, почему на стадии сбора материалов и разного рода проверок, длившихся на протяжении года, от них не поступало сведений о нарушениях»¹².*

⁹ bloknot-voronezh.ru

¹⁰ www.gazetayuga.ru

¹¹ <http://chronograf.ru/articles/?num=405&a=14461>

¹² bloknot-voronezh.ru

В тексте усматривается такой скрытый смысл: *информация была преднамеренно сокрыта.*

Рецептивная схема в данном случае может иметь форму: *указание на отсутствие (неизвестность) причин, по которым некоторые сведения о нарушениях не были представлены, равнозначно утверждению о преднамеренном/непреднамеренном сокрытии информации.*

Сделаем выводы.

1. Информация, содержащая негативные сведения, в текстах СМИ представляется, как правило, в виде утверждения, предположения, мнения, которые могут быть выражены эксплицитно и имплицитно.

2. Имплицитные утверждения могут реализовываться как в непосредственном контексте (в том же предложении), так и в широком контексте (в других частях того же текста).

3. Введение скрытых утверждений может осуществляться различными языковыми средствами.

Литература

Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. Теоретические основания и практика / А.Н. Баранов. – М., 2020. – 591 с.

Русская грамматика: В 2-х т. / Редкол.: Н.Ю. Шведова (гл. ред.) и др. – М.: Наука, 1980. – Т. 2. Синтаксис / [Е.А. Брызгунова, К.В. Габучан, В.А. Цикович и др.]. – 709 с.

Стернин И.А. Анализ скрытых смыслов в тексте / И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2011. – 66 с.

Г.В. Токарев (Тула)

МОДЕЛЬ СИМВОЛИЗАЦИИ КВАЗИЭТАЛОНА ТЫЧКА

Исследование «Симболярий региональной идентичности» выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 22-28- 20342 и Правительства Тульской области (соглашение № 6 от 19.04.2022).

Аннотация: Статья посвящена апробации словаря региональной лингвокультурной идентичности. Приведена модель семантизации квазиэталона *Тычка*. Основу описания значения составила экспликация представлений, запечатленных в «Легендах о мастере Тычке» И.Ф. Панькина.

Ключевые слова: культурная идентичность, семантизация, квазиэталон

Abstract: The article is devoted to approbation of the dictionary of regional linguocultural identity. A model of semantization of Tychk's quasi-standard is given. The basis for the description of the meaning was the explication of ideas captured in the “Legends of the Master Tichka” by I.F. Pankin.

Key words: cultural identity, semantization, quasi standard

Одним из векторов развития лингвокультурологии является изучение процессов культурной идентификации, которые могут проецироваться на различные культурные страты и ареалы. Задачей нашего исследования является лексикографирование средств региональной культурной идентификации (на примере Тульской области) на современном срезе развития лингвокультуры.

Тула позиционирует себя как город мастеров. Эталоном мастерского стал образ Левши, созданный Н.С. Лесковым. С данным образом связана квазимера мастерства «Туляки блоху подковали». Имя Левши стало нарицательным, прецедентным и перешло в разряд лингвокультурных единиц – квазиэталонов, обозначающих тульского мастерского, человека с золотыми руками, искусного мастера.

Для тульской региональной культуры актуален еще один литературный образ мастерского человека – мастера Тычки, который вышел из-под пера И.Ф. Панькина. Вероятно, в силу более позднего своего появления в литературе данный образ получил меньшую известность. Тем не менее, он, как и Левша, стоит в ряду квазиэталонов тульского умельца.

«Легенды о мастере Тычке» эксплицируют все существенные признаки данной лингвокультурной единицы. Представим модель ее словарной статьи. Выделение существенных признаков осуществляется путем анализа содержания текста, выявления прототипических признаков и их объективации.

Тычка – эталон тульского мастера. *В Туле всех знатных умельцев-виртуозов за глаза называли Тычками* (Паньков «Легенды...»), символ мастерства чести, справедливости: *его имя стало символом чести, доброты и справедливости рабочего люда* (Паньков «Легенды...»).

Имя Тычки образовано от нарицательного существительного и мотивировано глаголом *тыкать*. *В давние времена на ружейном заводе тычкой называли керн – инструмент для разметки деталей. А наш веселый мастер мог не только на железе, а даже на самой плоской стороне человеческой жизни "откернить" такую деталь, которая людям запоминалась на века* (Паньков «Легенды...»).

История тульского мастерского ведется с Петровских времен, связывается с посещением Петром Первым Тулы: *приметили его при Петре I* (Паньков «Легенды...»).

Мастера Тычку символизирует колчан со стрелами. *По преданиям мужиков березового края, одна женщина-богатырь с давних пор и по сей день в своем колчане носит вместо стрел целый город с мастерскими людьми. Женщину зовут Россией, а город – Тулой, где придерживаются такого завета: «Если стрелы о себе говорят в полете, то мастера – только творением рук»* (Паньков «Легенды...»). Данный квазисимвол смыслы «труды тульских мастерских направлены на защиту Отечества».

Еще одним символом Тычки являются его руки. Мастерство проявляется в придумывании чего-то необычного, в создании ювелирной работы. *А вот мой мастер Тычка всегда свои руки держал на виду. К нему на учение тянулось столько мальцов, что если бы он взялся всех выучить, то ему не хватило бы трех жизней. А руки у него были веселые. Он ими мог рассмешить целый город* (Паньков «Легенды...»).

Символом Тычки становится и дерево. Фигурально Тычка представлен образом дерева, на котором птицы устраивают свои гнезда. Данный символ выражает стремление Тычки делать что-то не для личной славы, а для людей. *Мастер Тычка был как то дерево, на котором птицы выют гнезда. К нему всегда тянулись люди* (Паньков «Легенды...»).

Тычка — человек деловой, молчаливый, длинные разговоры воспринимает как безделье, пустую трату времени. Отсюда и его любовь к коротеньким прозвищам: *Мы, туляки, народ занятой, и зря тарабарить нам недосуг* (Паньков «Легенды...»).

Тычка скромн. *А кто любит хвалу и чтоб о нем в медные трубы дули, тому нечего делать в Туле. Так говорили наши деды, так говорим и мы* (Паньков «Легенды...»).

Тычка смел и непокорен. *Мне казалось, будто мастер Тычка все время жил среди нас. Когда я пришел на завод, то с первого же дня стал поступать так, как советовал он — о хорошем говорить хорошо, о плохом — плохо* (Паньков «Легенды...»).

Смелость проявляется не только в нежелании склонять голову перед сильными, но и в мастерстве, творчестве, в умении действовать не по шаблону, делать то, что непринято. *Хорошим мог бы стать мастером, но нет в тебе смелости. А художник без смелости — не художник. Иди-ка лучше делать замки, пока люди не научились жить без замков* (Паньков «Легенды...»).

С образом Тычки связана история, в которой рассказывается о том, что один фабрикант заказал ко дню рождения своей жены медальон. Тычка выполнил заказ, расположив в центре медальона фабриканта, сидящего в позе царя. На носу фабриканта жена рассмотрела царапины. В увеличительное стекло увидели еще одно изображение губернатора, сидящего в конуре в позе собаки. Эта история эксплицирует такие черты в характере Тычки, как смелость, независимость, обостренное чувство достоинства, презрение к богатым. Для Тычки один авторитет — мастерство. Смелость выражается не только в том, что Тычка не боится дать отпор обидчику, но и в планах, замыслах, в намерении создать что-то невероятное.

Тычка добр, открыт, желает помочь людям, передать им свой опыт и знания, он остроумен, всегда найдет ответ и сможет посмеяться, в том числе и над собой.

Большим шутником был Тычка.

Как-то мастера ружейного завода встретились в засечном лесу и расхвастались. Один мастер сказал:

– Прошлым летом я сделал такое ружье, которым убил птицу величиной с годовалого бычка. Положили ее на крыло, а другое крыло покрыло весь стол.

Тычка выслушал его и проговорил:

– Сколько я ни делал ружей, никогда не приходилось убивать таких птиц, но однажды мне тоже повезло. Иду по лесу, гляжу – у елки лежит яйцо. Разбил его. Хотел размешать ложкой желток, но вдруг уронил ее вовнутрь. Попробовал достать пальцем – не достал. Просунул руку по локоть – не достал. Пришлось нырять за ложкой.

– Откуда же в нашем лесу взялось такое яйцо? – спросил мастер.

– От той птицы, которую ты убил прошлым летом, – ответил Тычка (Паньков «Легенды...»).

Тычка творит не для собственной выгоды, а для людей.

Тульские мастеровые чем отличались от других, они слов не жили не для себя, а для памяти людей. Они жили с постоянной надеждой сделать то, что еще никто не делал и никогда не сумеет сделать. Поэтому работали много, зная, что без большого труда себя выразить нельзя. (Паньков «Легенды...»)

Тычка ценит проверенные на практике знания. Ради сохранения святости высочайшего Тульского мастерства, обретенного многими поколениями рабочих людей, они даже установили свой особый закон, в котором говорилось: «Какое бы учебное заведение человек ни закончил, а без проверки его знаний ни один завод к себе на работу не должен брать» (Паньков «Легенды...»).

Образ Тычки связан с мастерством, заводом, Тулой, страной. Тычка – не только прототип оружейников, но и других известных тульских производств: гармонщиков, самоварщиков. Как следует из приведенной семантизации, Тычка выступает не только эталоном мастерства, но и таких человеческих качеств, как смелость, принципиальность, скромность.

Вербальные единицы региональной идентичности имеют большой потенциал для брендинга. Так, квазиэталон «Левша» используется в названиях культурных учреждений, водки тульского производства. Тычка пока остается потенциальной единицей, на основе значений которой могут получить новые бренды.

Литература

Визгалов Д.В. Брендинг города / Д.В. Визгалов. – М.: Фонд «Институт экономики города», 2011. – 160 с.

Панькин И.Ф. Легенды о мастере Тычке / И.Ф. Панькин. – М.: «Детская литература», 1989. – С. 140.

Телия В.Н. Русская фразеология: семантико-прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1996. – 284 с.

ЛИНГВОКРИМИНАЛИСТИКА. КРУГЛЫЙ СТОЛ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА ИОСИФА АБРАМОВИЧА СТЕРНИНА (13 мая 2022 г.)

М.С. Саломатина (Воронеж)

ВКЛАД ПРОФЕССОРА ИОСИФА АБРАМОВИЧА СТЕРНИНА В ТЕОРИЮ И ПРАКТИКУ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Аннотация: В статье изложены основные понятия и методы, разработанные профессором. Изложен взгляд ученого на проблему разграничения бытового и юридического понятий оскорбления. Определено понятие рецептивной схемы.

Ключевые слова: неприличная форма высказывания; оскорбление; лингвистическая экспертиза текста; лингвокриминалистика; рецептивная схема

Abstract: The article outlines the basic concepts and methods developed by the Professor Iosif Abramovich Sternin. The view of the scientist on the problem of differentiation of domestic and legal concepts of offence is presented. The concept of a receptive scheme is defined.

Key-words: obscene form of the statement, offence, linguistic expertise of the text; forensic linguistics, receptive scheme

Профессор И.А. Стернин занимался разработкой понятийного аппарата лингвокриминалистики на протяжении почти 20 лет. За это время в фокусе внимания ученого оказывались различные теоретические и прикладные аспекты лингвокриминалистики. В настоящей статье мы остановимся на тех идеях И.А. Стернина, которые оказали существенное влияние на российскую экспертную практику и получили широкое практическое применение.

Задачи, которые ставил перед собой И.А. Стернин, обусловлены спецификой лингвокриминалистики как науки и прикладной области. Не совсем верно было бы говорить, что лингвокриминалистика является областью лингвистики, скорее, она представляет собой особую сферу криминалистики, где специфическим образом применяются лингвистические знания. Когда мы говорим «специфическим образом», имеем в виду, прежде всего, то, что эксперту приходится адаптировать лингвистическую методологию для ответов на вопросы, к которым лингвистическая теория в настоящее время *не совсем готова*. Например: содержатся ли в тексте языковые признаки унижения чести и достоинства

лица? Содержатся ли в тексте языковые признаки экстремизма? Очевидно, что понятия экстремизма, унижения чести и достоинства едва ли прямо соотносятся с теми или иными лингвистическими категориями. Тем не менее эксперт-лингвист должен самостоятельно выбирать, а часто и вырабатывать адекватную методологическую базу для проведения конкретного исследования. И.А. Стернин, как видно из его работ и публичных выступлений, ставил перед собой задачу выработки особого языка лингвокриминалистики, который не конфликтовал бы ни с языком права, ни с языком традиционной филологии.

Одной из активно разрабатываемых ученым проблем было разграничение бытового и юридического понятий оскорбления (см., например, [Стернин, 2006]).

В качестве основных признаков оскорбления в бытовом смысле (не подлежащего правовому регулированию) И.А. Стернин выделяет следующие:

1) в основе оскорбления в бытовом смысле лежит обида (несправедливо причиненное огорчение, а также чувство, вызванное таким огорчением);

2) обида, лежащая в основе квалификации носителем языка некоторого текста как оскорбительного, может быть нанесена собственно оскорблением, обвинением, клеветой, сравнением, оценкой, нейтральной характеристикой, констатацией факта;

3) причиной квалификации носителем языка некоторого текста как оскорбительного может быть то, что данный текст включает в себя негативные высказывания о человеке, содержащие характеристику, с которой данный человек субъективно не согласен (*дылда, урод, калека, размазня, псих, сопляк, дурак, придурок, жирный*);

4) причиной квалификации носителем языка некоторого текста как оскорбительного может быть то, что данный текст включает в себя языковые единицы, использование которых, по мнению данного носителя языка, понижает его общественный статус (фамильярное обращение на ты, нарушение норм вежливости, неуважительное общение, употребление при нем или в его адрес грубых или нецензурных слов).

Выявленный И.А. Стерниным набор признаков бытового понятия оскорбления позволяет устранить из юридического понятия оскорбления (подлежащего правовому регулированию) субъективный компонент и сделать алгоритм анализа спорного текста прозрачным, а результаты исследования – максимально объективными. Напомним, что оскорбление в юридическом смысле предполагает обязательное одновременное наличие следующих характеристик спорного текста:

1) негативный характер сообщаемых о лице или организации сведений;

2) отнесенность негативных сведений к лицу или организации;

3) публичность сообщения негативных сведений, наличие факта

распространения негативных сведений;

4) информационный характер спорного текста (направленность спорного текста главным образом на передачу информации, а не выражение эмоции);

5) фактологический характер негативных сведений. Данный параметр предполагает, что негативные сведения о лице или организации являются утверждениями (в отличие от мнения, оценки, предположения) о конкретных фактах, которые могут быть проверены на соответствие действительности.

Одним из самых спорных понятий лингвокриминалистики является понятие неприличной языковой формы. Названное понятие упоминается в статье 5.61 КоАП РФ Оскорбление: «Оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме <...>» (КоАП РФ). Квалификация той или иной языковой формы как неприличной служит одним из ключевых параметров анализа спорного текста на предмет наличия в нем языковых признаков оскорбления.

И.А. Стернин дана интерпретация понятия неприличной языковой формы [Стернин 2006]. При определении обсуждаемого понятия он опирается на идею табуированности языковых средств, исключая из разряда неприличной в юридическом смысле грубую лексику: «Юридическое понимание неприличной языковой формы достаточно однозначно: это негативная характеристика лица с использованием непристойных, то есть нецензурных слов и выражений, которые оскорбляют общественную мораль, нарушают нормы общественных приличий. <... > С юридической точки зрения оскорбительной языковой формой является только форма нецензурная (непристойная)». В одной из своих работ И.А. Стернин также определил круг нецензурных языковых единиц: «К нецензурной лексике в современном русском языке следует однозначно отнести пять слов – нецензурные обозначения мужского и женского половых органов (две единицы – на п. и на м...), нецензурное обозначение процесса совокупления и нецензурное обозначение женщины распутного поведения на б..., а также все образованные от этих слов языковые единицы, то есть содержащие в своем составе данные корни» [Стернин 2013, с. 16].

Вслед за профессором А.Н. Барановым И.А. Стернин продолжил изучение ментальных моделей восприятия текста, введя понятие рецептивной схемы и определив ее следующим образом: «Рецептивные схемы – присущие сознанию людей схемы (модели) понимания, используемые в процессе восприятия (рецепции) текста. Рецептивные схемы языкового сознания основаны на сформировавшемся в сознании этноса или отдельной социальной группы на базе когнитивного и языкового опыта носителей языка понятии равнозначности информации:

некая информация, переданная определенным эксплицитным способом, рассматривается языковым сознанием как равнозначная другой информации, которая в данном конкретном случае не выражена вербально, эксплицитно» [Стернин 2011, с. 14].

Проиллюстрируем примером:

Текст. *В офисе компании «Ваш ремонт», по слухам, изъяли финансовую документацию. Представители компании от каких-либо комментариев отказались.*

Р.С. *Информация об отказе того или иного лица, учреждения от комментариев по поводу какого-либо негативно оцениваемого общественностью факта, нарушения или события равнозначна утверждению о возможной причастности этого лица или учреждения к данному негативному факту* [Там же].

Изучение работ И.А. Стернина, посвященных проблеме рецептивных схем, позволяет выявить такие основные их признаки, как воспроизводимость / регулярность реализации. Названные свойства рецептивных схем делают полученные экспертом результаты верифицируемыми, а также дают возможность избежать упреков в субъективности интерпретации текстового материала.

Изложенные идеи профессора И.А. Стернина активно применяются при проведении лингвистических экспертиз по искам об унижении чести и достоинства, умалении деловой репутации, оскорблении, клевете. Тем самым высокая практическая значимость предложенных И.А. Стерниным идей подтверждена деятельностью российского экспертного сообщества.

Литература

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 11.06.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2022).

Стернин И.А. Анализ скрытых смыслов в тексте / И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2011. – 66 с.

Стернин И.А. Выявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста / И.А. Стернин, Л.Г. Антонова, Д.Л. Карпов, М.В. Шаманова. – Ярославль: Канцлер, 2013. – 35 с.

Стернин И.А. Оскорбление и неприличная языковая форма как предмет лингвистической экспертизы (бытовое и юридическое понимание) / И.А. Стернин // Стернин И.А. Лингвокриминалистика. Избранные статьи 2006-2012. – URL: <https://rusexpert.ru/public/guild/9.pdf>. Дата обращения: 30.06.2022.

ВЫЯВЛЕНИЕ РЕЧЕВЫХ ПРИЗНАКОВ НЕДОСТОВЕРНОСТИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация: Статья посвящена анализу понятия «недостоверность информации» при проведении лингвистической экспертизы. Рассматриваются возможности использования результатов, полученных с помощью полиграфа, при определении достоверности информации подозреваемого и свидетеля преступления.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, достоверность информации, полиграф

Abstract: The article is devoted to the analysis of the concept of "unreliability of information" during linguistic expertise. The possibilities of using the results obtained with the help of a polygraph in determining the reliability of information of a suspect and a witness of a crime are considered.

Key words: linguistic expertise, unreliability of information, polygraph

В последнее десятилетие возникают многочисленные споры о допустимости доказывания достоверности показаний в рамках судебной экспертизы. Это связано с развитием науки и техники, используемой в криминалистике. Изначально достоверность утверждений допрашиваемого начали определять в Комитете государственной безопасности СССР, проводя специальные психофизиологические исследования с использованием полиграфа. С 1993 г. такие исследования стали широко применяться в оперативно-розыскной деятельности, в следственной практике и кадровом скрининге [Машиностроение и компьютерные технологии 2015].

Феномен детекции лжи с применением полиграфа заключается в том, что стимул, несущий в себе информацию, запечатленную в памяти лежащего, представляет для него высокую ситуационную значимость и устойчиво вызывает физиологические реакции, выраженность которых достоверно превышает реакции на другие аналогичные, но не запечатленные в памяти обследуемого стимулы [Иванов 2014]. Следовательно, не ложь сама по себе является причиной возникновения физиологических реакций, а личностные переживания. При этом на изменение физиологических показателей может повлиять как внезапное ухудшение самочувствия обследуемого, так и не соблюдение специалистом, проводящим исследование, методики.

Тем не менее с начала XXI века одним из средств доказывания виновности становятся психофизиологические исследования с применением полиграфа, которые ложатся в основу обвинительных приговоров. Позднее официально появляется новый род экспертиз – психофизиологические, предполагающий исследование психологии и психофизиологии человека. Однако множество юристов выступают против

использования полиграфа в доказывании, мотивируя нарушением ст. 74, 75, 80 УПК РФ. Более того, А.О. Машовец указывает на то, что применение полиграфа в судебном процессе противоречит основным принципам правосудия: «Ставить вопрос о легализации применения полиграфа для получения показаний в суде могут только люди, не понимающие сущности – гуманистической – правосудия, стандарта «отсутствия разумных сомнений», принципиального значения оценки доказательств судьей по внутреннему убеждению, презумпции невиновности и пр. Именно по причине противоречия этим принципам проект Федерального закона «О применении полиграфа» был отвергнут Экспертно-консультативным советом при Комитете Совета Федерации по конституционному законодательству» [Машовец 2015].

В свою очередь суды формулируют отказ от приобщения результатов психофизиологических экспертиз следующим образом: «Вопреки доводам жалоб суд обоснованно отказал в удовлетворении ходатайств об исследовании результатов проверки показаний осужденных с помощью полиграфа, поскольку вопросы достоверности полученных доказательств относятся к исключительной компетенции суда и не могут быть разрешены путем привлечения специалиста или эксперта» [Апелляционное определение № 5-АПУ19-80].

Оценка достоверности/недостоверности показаний относится исключительно к компетенции суда. Однако феномен лжи реализуется исключительно в речи, которая является продуктом психической деятельности человека. Следовательно, криминалистической экспертизе должны подвергаться не только материальные следы, которые могут либо подтверждать, либо опровергать показания свидетеля, но сами показания свидетеля, являющиеся идеальным следом.

Таким образом, следует разграничить юридическое и лингвистическое содержание понятия «недостоверность».

Рассмотрим, как Закон РФ определяет понятие недостоверности:

«Ложность» означает полное несоответствие информации действительному положению дел.

Искаженность – интерпретация хозяйствующим субъектом информации о существующем или состоявшемся факте, действии, событии применительно к хозяйствующему субъекту – конкуренту в такой форме, которая приведет к ее неверному, негативному восприятию третьими лицами, включая потребителей.

Неточность – распространение хозяйствующим субъектом информации о хозяйствующем субъекте – конкуренте не в полном (намеренно ограниченном) объеме, что не позволяет всесторонне ее воспринять, получить исчерпывающе верное представление об излагаемых факте, действии или событии применительно к данному хозяйствующему субъекту» (<Письмо> ФАС России от 28.06.2018 № АД/48621/18).

С точки зрения юриспруденции недостоверность не всегда абсолютна, она имеет разные степени полноты. И даже достоверная информация, представленная не в полном объеме (неточность) или в неправильной форме (искаженность) может приравниваться к недостоверности. Тем не менее закон говорит о фактах/информации, которую можно проверить на соответствие действительности, проведя специальные мероприятия.

Когда речь идет о признаках психологической достоверности или языковых маркерах лжи, рассматриваются совершенно другие явления, которые не противоречат принципам правосудия и правилам сбора доказательств.

Психологические признаки достоверности / недостоверности – это совокупность характеристик вербального и невербального поведения свидетеля, определяющая его сотрудничающую или противодействующую стратегию во взаимодействии со следствием [Моисеев 2019].

Психологические признаки достоверности/недостоверности диагностируются через изменения в поведении человека, обусловленные комплексом взаимовлияющих психологических факторов: индивидуально-психологическими свойствами лица, его эмоциональным состоянием, познавательной сферой, отношением к событию и его участникам и др.

Н.Н. Панченко определяет «достоверность» как «сложное когнитивное образование, в концептуальное пространство которого входят три базовых концепта – истина, искренность, доверие, взаимосвязанные между собой и коррелирующие с компонентами прагматической структуры дискурса: условие искренности соотносится с субъектно-авторским началом, установкой говорящего на правдивое поведение; условие доверия – с адресатом, потенциалом восприятия информации; отражаемая в речи действительность связана с условием истинности, соответствием содержания высказывания действительности» [Панченко 2010].

Таким образом, признаки недостоверности сообщаемой информации с точки зрения говорящего будут реализованы через моторную функцию речи, на уровне выбора слов, грамматического оформления высказывания, смысловой структуры речи, текстопорождения [Бельская 2015]. Следует отметить, что речевая достоверность/недостоверность субъективна и зависит от намерения говорящего сообщить правду либо ввести в заблуждение.

Lina Zhou, проведя анализ текстов интернет-коммуникации, отмечает, что ложные высказывания содержат больше слов, глаголов, словосочетаний и предложений. В ложных сообщениях содержатся больше простых предложений, когда правдивые сообщения содержат сложные предложения, но в меньшем количестве. Ложные сообщения более эмоциональны, чем правдивые, и содержат больше опечаток. Автор ложного сообщения использует больше модальных глаголов и частиц.

[Lina Zhou 2004]. Эти языковые маркеры лжи подтвердили и в исследовании Newman M.L., Pennebaker J.W., Berry D.S., Richards J.M., проведенном позднее.

Несмотря на то, что российские лингвисты активно занимаются исследованием феномена лжи, языковые маркеры недостоверности до сих пор не найдены. Существующие методики оценки информации, которые приводят А.М. Багмет, А.Н. Гусев, В.Ф. Енгальчев, Г.К. Кравцова, В.И. Седин, Е.Н. Холопова, В.А. Шаповалов, основаны лишь на гипотезе и наблюдениях [Багмет 2017; Шаповалов 2016].

При расследовании преступлений, которые длятся несколько лет и в основе доказательств которых отсутствуют какие-либо материальные следы, прибегают к использованию в доказывании идеальных следов, то есть показания свидетелей. И здесь необходимо различать информацию, которая является фактической, соответствующей действительности, от информации, которая является продуктом размышлений свидетеля. Использование вышеописанных специальных знаний из области психологии и лингвистики помогли бы решить, возникающие у следствия вопросы.

Отечественным исследователям предстоит проделать большой труд для того, чтобы выявить и доказать наличие в поведении и в речи признаков лжи. В дальнейшем автор статьи намерен исследовать материалы устных сообщений, отмечая в них вышеуказанные языковая маркеры лжи, найденные в зарубежных и отечественных исследованиях, с целью создания единой методики и дальнейшей ее апробации.

Литература

Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13.11.2019 N 5-АПУ19-80 URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=606447#Ce01HATCHjCWbvkq> [дата обращения: 30.06.2022].

Афонин А.И. Исследования с применением полиграфа в МГТУ им. Н.Э. Баумана / А.И. Афонин, М.П. Сычев, Ю.И. Холодный // *Машиностроение и компьютерные технологии.* – 2015. – №9. – С. 392-403.

Багмет А.М. Методика выявления признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства (по видеозаписям следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий): научно-практическое пособие / А.М. Багмет, А.Н. Гусев, В.Ф. Енгальчев, Г.К. Кравцова, В.И. Седин, Е.Н. Холопова. – М.: ФГБУ ГНЦ ФМБЦ им. А.И. Бурназяна ФМБА России, Академия СК России, 2017. – 130 с.

Бельская Н.С. Методологические основания лингвистической диагностики достоверности сообщаемого как дискурсивной когнитивно-коммуникативной категории в рамках проведения психолого-лингвистической экспертизы / Н.С. Бельская // *Известия ВГПУ.* – 2015. – №8. – С. 134-141.

Иванов Р.С. Индивидуальный симптомокомплекс как инструмент интерпретации результатов психофизиологического исследования с применением полиграфа / Р.С. Иванов // *Национальный психологический журнал.* – 2014. – №3. – С. 86-89.

Колоколов Н.А. Полиграф Полиграфович / Н.А. Колоколов // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – №8. – С. 111-113.

Машовец А.О. К вопросу о допустимости применения полиграфа для получения показаний в судебном следствии / А.О. Машовец // Общество и право. – 2015. – №1. – С. 182-186.

Моисеев А.В. К вопросу о выявлении признаков достоверности / недостоверности показаний в ходе допроса / А.В. Моисеев, Н.А. Сотников, Т.Р. Кучерук, П.Ю. Пимкина // Вестник Омского государственного университета. Серия: Психология. – 2019. – №1. – С. 46-56.

Панченко Н.Н. Достоверность как коммуникативная категория: монография / Н.Н. Панченко. – Волгоград, 2010. – 322 с.

Письмо ФАС России от 28.06.2018 № АД/48621/18 «О применении статьи 14.1 ФЗ «О защите конкуренции» (План методической помощи на 2018 г., п. 8).

Психофизиология: учебник для вузов / Под ред. Ю.И. Александрова. – СПб.: Питер, 2022. – 5-е изд. – 482 с.

Шаповалов В.А. Методы психологической оценки достоверности сообщаемой информации: методическое пособие / В.А. Шаповалов. – Киев: Освита України, 2016. – 168 с.

Lina Zhou. Automating Linguistics-Based Cues for Detecting Deception in Text-based Asynchronous Computer Mediated Communication // https://www.researchgate.net/publication/226999149_Automating_Linguistics-Based_Cues_for_Detecting_Deception_in_Text-Based_Asynchronous_Computer-Mediated_Communications.

М.Е. Новичихина (Воронеж)

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ

Аннотация: Работа посвящена проблеме лингвистической экспертизы товарных знаков и поиску путей оптимизации этой процедуры. В статье обсуждаются некоторые спорные моменты, возникающие в ходе регистрации и экспертизы товарного знака. Намечаются пути совершенствования алгоритмов регистрации и экспертизы товарных знаков.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, товарный знак, сходство до степени смешения

Abstract: The work is devoted to the problem of trademark linguistic expert examination and the search of ways to improve this process. The article discusses some controversial issues arising in the course of registration and linguistic examination. The ways of improvement of algorithms of registration and examination of trademarks are outlined.

Key words: linguistic expert examination, trademark, confusing similarity

Действующее законодательство определяет товарный знак как обозначение, служащее для индивидуализации товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей. В наши дни товарный знак все чаще становится объектом лингвистического исследования, в т.ч. и объектом экспертной оценки. Однако в научной литературе вопросы

лингвистической экспертизы товарного знака рассматриваются чрезвычайно редко, несмотря на то, что исследования подобного рода наметили целый ряд дискуссионных вопросов, связанных с лингвистической экспертизой товарных знаков и требующих своего разрешения в научном сообществе (см. подробнее в: [Новичихина 2018, с. 151-153]).

Основными из таких вопросов, по нашему мнению, являются следующие.

До сих пор не разработаны четкие критерии, на основании которых товарный знак может быть признан ложным или вводящим потребителя в заблуждение относительно товара и его изготовителя. Можно ли, например, считать товарный знак «Коркунов» вводящим в такое заблуждение? С одной стороны, товарный знак стилизован под дореволюционный, назван в дореволюционных традициях (использование имени собственного в названии – типичный способ именования коммерческих объектов и товаров на рубеже XIX-XX вв.), содержит изображение фамильного герба, что еще больше усиливает ассоциацию с дореволюционной историей товара. С другой стороны, известно, что товарный знак «Коркунов» был зарегистрирован для кондитерских изделий ЗАО «Торговый дом "АРС"», основанного в 1999 году. Иными словами, потребители конфет «Коркунов» потенциально были введены в заблуждение. Тот факт, что подобный вариант заблуждения был проигнорирован, свидетельствует об уже отмеченном выше отсутствии четких критериев признака «вводящий в заблуждение».

Определенные трудности в процессе экспертизы создает также исследование визуального сходства обозначений; в процессе такого исследования предписывается осуществить анализ общего зрительного впечатления, вида шрифта, характера букв, алфавита, буквами которого написано слово, цвета или цветового сочетания и др. Нисколько не оспаривая необходимости такого исследования, хотелось бы особо отметить, что оно представляется целесообразным лишь в случаях нестандартного графического решения (нестандартный шрифт, нестандартное цветовое решение, выполнение обозначения буквами «чужого» алфавита и т.п.). В ситуации же стандартной визуальной подачи подобное исследование визуального сходства неизбежно приведет к выводу о смешении абсолютно всех слов одного языка, выполненных одним и тем же шрифтом с одним и тем же черным цветовым решением и другими сходными стандартными внешними признаками. Сформулированный подобным образом вывод будет противоречить как здравому смыслу, так и логике восприятия визуальной составляющей лексических единиц. Между тем нередко одной из причин отказа в регистрации товарного знака становится именно визуальное сходство, например, отмечается, что сопоставляемые обозначения выполнены

буквами одного алфавита и т.п. С нашей точки зрения, данный аргумент не выдерживает никакой критики.

Целый ряд трудностей вызывает анализ звукового сходства исследуемых обозначений. Так, достаточно часто приходится устанавливать звуковое сходство/несходство обозначений, одно из которых (или оба) выполнено в латинском шрифте или является иностранным словом со своим специфическим произношением в языке-оригинале. Как, например, следует сопоставлять в звуковом отношении обозначения «ГОДВИЛЬ GODVILLE» и «GOODWILL» (подобное исследование проводилось нами в 2012 г.)? Думается, что в условиях функционирования обозначения в среде потребителей-носителей русского языка следует подвергать анализу соответствующие русские звуковые аналоги. Однако необходимость анализа соответствующего русского звукового аналога нигде не прописана и поэтому нередко игнорируется.

До сих пор является предметом споров вопрос о звуковом сходстве товарных знаков, различающихся единственным (однако ударным) звуком; практика некоторых решений ФИПС вступает здесь в явное противоречие с логикой звукового восприятия носителя языка, для которого оказываются дифференцируемыми и становятся абсолютно различимыми в звуковом отношении все лексические единицы, различающиеся ударным звуком. Хотелось бы особо оговорить, что в случае семантически незнакомых единиц вывод о смешении подобных обозначений вполне закономерен. Подчеркнем между тем, что семантически различимые единицы в этой же ситуации не становятся предметом смешения (ср., например: *лес* и *лис*, *крик* и *крюк*, *стол* и *стул*, *белка* и *булка* и т.п.). Подобные обозначения могут смешиваться лишь носителями других языков (нами, например, был проведен эксперимент со студентами-иностранцами – носителями китайского языка; этот эксперимент показал, что в 68% случаев такое смешение действительно возникает). Что же касается носителей родного языка, то обсуждаемое смешение не возникает в принципе.

Еще одна трудность лингвистической экспертизы связана с попыткой сопоставить обозначение-отдельное слово и обозначение-словосочетание. Всегда ли правомочно говорить о сходстве слова и словосочетания с аналогичным элементом? К примеру, можно ли говорить о смысловом сходстве исследуемых обозначений «Взгляд» и «Взгляд доктора Черниковой»? (Исследование на предмет установления сходства данных обозначений до степени смешения было проведено нами в 2013 г.). Думается, что вопрос о сходстве/несходстве подобных обозначений может быть поставлен лишь в том случае, когда областью их возможного сходства становится элемент словосочетания, на который падает логическое ударение. В этом случае имеет смысл осуществлять сопоставление исследуемого элемента с логически выделенным элементом

словосочетания. В противном же случае формулировать вывод о сходстве обозначений некорректно.

Заметим далее, что определенную трудность в процессе лингвистической экспертизы создают так называемые комбинированные товарные знаки (в частности, представляющие собой различные сочетания словесных и изобразительных элементов). Здесь нередко возникает вопрос: как действовать лингвисту-эксперту, если результаты анализа визуальной составляющей противоречат результатам исследования вербальной составляющей? Заметим сразу, что данный вопрос получает неодинаковые ответы в различных странах.

Так, в России сложилась практика интерпретации словесного элемента как доминирующего в комбинированном обозначении. Например, в свое время ФИПС вынес решение об отказе в регистрации обозначения «Белый корвет» по причине того, что он сходен до степени смешения с товарным знаком «Развлекательный комплекс Корвет» (к исследованию упомянутых обозначений автор статьи привлекался в 2015 г.). Визуальные составляющие этих знаков отличны, однако в мотивации отказа была приведена ссылка на «Методические рекомендации по проверке заявленных обозначений на тождество и сходство» [Методические рекомендации... 2009], а также на «многолетнюю практику экспертизы товарных знаков», из которой следует, что «при восприятии потребителем комбинированного обозначения, состоящего из изобразительного и словесного элементов, его внимание, как правило, акцентируется на словесном элементе».

Европейский опыт демонстрирует иные варианты решения проблемы. В свое время компания «Пума АГ» оспаривала правомочность регистрации товарного знака «Забель», представлявшего собой сочетание словесного элемента и изображения. Знаки были интерпретированы как сходные лишь в визуальном плане. Однако суд, подчеркнув роль изобразительной составляющей, оценил роль словесной составляющей как подчиненную и удовлетворил иск.

Выявленные различия в интерпретации сходства обозначений требуют как совершенствования методики проведения экспертизы товарного знака, так и обоснованного ответа на вопрос об условиях возможного доминирования той или иной составляющей в поликодовом сообщении, в частности, в комбинированном товарном знаке.

Ни в одном документе не прописывается, каким образом решать вопрос о сходстве/несходстве товарных знаков, если один из них содержит графические элементы (например, арифметические знаки), правомочно ли в процессе экспертизы таких обозначений заменять графический элемент его звуковым аналогом. Например, правомочно ли говорить о сходстве обозначений «Взгляд» и «Взгляд +»? Допустимо ли в процессе экспертизы таких обозначений заменять графический элемент его звуковым аналогом

(«Взгляд Плюс»)? Опыт проведенной нами в 2015 г. экспертизы названных обозначений подсказывает нам положительный ответ на поставленные вопросы, между тем следует признать определенную долю субъективности такого вывода.

До сих пор не ясно, насколько правомочно говорить о сходстве некоторых букв и цифр (или других знаков), используемых в анализируемых товарных знаках (например, буква «О» и цифра «0» (ноль), буква «З» и цифра «3», буква «Э» и цифра «3», латинская буква «I» и восклицательный знак, буква «х» и знак умножения и т.п.). Нерешенность этой проблемы явилась в свое время поводом для судебного разбирательства в связи с обозначениями «03» (ноль три) и «О3» (О три – формула озона). Между тем, ни один документ ФИПС до сих пор не разъясняет потенциальному эксперту стратегию поведения в процессе экспертизы обозначений с подобными элементами, и в результате разные эксперты отвечают на вопрос о сходстве/несходстве таких обозначений различным образом. Унификация же поведения эксперта в подобных сложных ситуациях, бесспорно, упростило бы процедуру лингвистической экспертизы.

В целом же представляется, что в условиях стандартизации экспертиз разных видов назревает потребность поиска путей стандартизации и такого вида лингвистической экспертизы как экспертиза товарного знака.

Литература

Методические рекомендации по проверке заявленных обозначений на тождество и сходство (утв. приказом Роспатента от 31.12.2009 г. №197 «Об утверждении Методических рекомендаций по проверке заявленных обозначений на тождество и сходство»). М., 2009 г. URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-rospatenta-ot-31122009-n-197-ob/> (дата обращения 29.06.2022).

Новичихина М.Е. О некоторых лингвистических аспектах несовершенства процедур регистрации и экспертизы товарных знаков / М.Е. Новичихина // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – Воронеж, 2018. – № 3. – С. 151-153.

И.В. Пономаренко (Воронеж)

ВОЗРАСТНАЯ АТРИБУЦИЯ ТЕКСТА: МАРКЕРЫ, ПРОБЛЕМЫ

Аннотация: В статье представлен проект учебного пособия по лингвокриминалистике, позволяющее научиться выявлять языковые маркеры возраста автора исследуемого текста.

Ключевые слова: лингвокриминалистика, речевой маркер, возраст, текст

Abstract: The article presents a draft textbook on linguocriminology, which allows you to learn how to identify language markers of the age of the author of the text under study.

Key words: linguistic criminalistics, speech marker, age, text

В рамках исследовательских работ группой воронежских ученых, возглавляемых профессором Иосифом Абрамовичем Стерниным, была разработана методика диагностической экспертизы, цель которой – определение авторства текста. Были описаны общие принципы определения языковых и экстралингвистических маркеров текста, которые позволяют выявить групповые признаки автора текста. Результатом этой работы стало появление учебного пособия «Гендерная атрибуция текста» [Пономаренко 2020], которое содержит методические материалы для определения гендерных признаков исследуемого текста.

В настоящий момент совместно с профессором Иосифом Абрамовичем Стерниным нами подготовлен проект учебного пособия «Возрастная атрибуция текста», предназначенного для студентов и магистрантов, обучающихся по магистерской программе и специализации «Лингвокриминалистика» и содержащего методику, позволяющую эксперту осуществить возрастную атрибуцию спорного текста – ***предположить возраст автора текста.***

Выявление возраста автора или исполнителя текста является обычно наиболее важной составной частью диагностической экспертизы (в случае анонимного авторства), а возрастные особенности речи изучены еще явно недостаточно.

Имеются многочисленные работы, исследующие возрастные особенности речи, в рамках социолингвистики, но они чаще всего касаются речи детей. Исследователи изучают следующие проблемы:

- онтогенез языковой компетенции, т.е. модели освоения ребенком умений, связанных с овладением социальными правилами коммуникации;
- процесс социализации: процесс освоения ребенком социальных правил общения, речевого этикета;
- усвоение детьми языка в условиях многоязычия и т.д.

Кроме того, замечено, что в последние годы в социолингвистике возникла тенденция уделять все больше внимания языку пожилых. Исследователей интересуют: изменения языка во времени; неизбежный упадок, разрушение речи; воздействие возраста на способность коммуникации и т.д.

На данный момент существуют лишь отдельные наблюдения и исследования диагностических маркеров текста, но нет специальных обобщающих исследований. Можно предположить, что подобные исследования малочисленны ввиду трудности их проведения. Одна из трудностей заключается в том, что текст должен быть достаточно большим, чтобы можно было проанализировать разнообразие использованной лексики и синтаксических конструкций (речевых маркеров).

Поэтому в основе пособия лежат методические рекомендации по проведению автороведческих экспертиз различных министерств и служб РФ (ФСКН, МВД, ФСБ и МЮ), разработанные на основании анализа

нормативной базы и обширного литературного материала, в том числе материалов интернет-переписки.

Кроме того, пособие опирается на результаты открытых публикаций по возрастной атрибуции текстов, а также на результаты собственных экспериментальных исследований авторов и их учеников (курсовые, дипломные работы, магистерские и кандидатские диссертации).

Нами выделены для исследования три возрастных периода как наиболее диагностируемые:

- *молодость* (18-30 лет),
- *зрелость* (31-65 лет),
- *старость* (65+).

Таким образом, в настоящем пособии речевые маркеры для молодежи (18-30 лет), взрослых людей (31-65 лет) и представителей старшего поколения (65+) – это «слова, обороты, конструкции, свойственный/несвойственные по возрасту предполагаемому автору; орфографические ошибки возрастного характера; использование стиля, характерного для определенного возраста, возрастных лексических единиц и оборотов» [Стернин 2018, с. 99].

Необходимо иметь в виду, что языковые средства, используемые автором любого текста, зависят

- от темы текста,
- ситуации создания текста,
- предшествующих тексту высказываний третьих лиц или собеседника,
- эмоционального состояния автора,
- его личных языковых навыков,
- его образования,
- наличия аудитории,
- его культуры речи,
- цели высказывания,
- уровня владения языком,
- любимых выражений,
- многих других факторов, которые с трудом поддаются учету (а часто просто неизвестны эксперту) при анализе языковой формы текста и его возрастной атрибуции.

Все это делает любую диагностическую атрибуцию текста, в том числе возрастную, всегда **вероятностной** [Стернин 2018, с. 99]:

1) у специалистов экспертов имеется лишь представление о том, что те или иные языковые маркеры статистически чаще используются представителями той или иной возрастной, социальной, гендерной и т.д. группы;

2) конкретный носитель языка может не быть носителем ярких черт той или иной группы;

3) автор текста может также камуфлировать свою групповую принадлежность;

4) данные о возрастных особенностях речи носителей языка быстро устаревают, так как динамичные процессы развития общества приводят к быстрому изменению мышления людей, а значит, и их коммуникации, словаря, используемого в общении, тематике общения разных возрастных групп и др.

Однако, как отмечает в своей монографии «Основы лингвокриминалистики» проф. И.А. Стернин, «если других источников диагностической информации у эксперта нет, критерий частотности в коммуникативной практике может быть использован экспертом, но при этом важно, чтобы лингвистических маркеров конкретной группы было выявлено несколько, тогда объективность выводов эксперта существенно повышается» [Стернин 2018, с. 97].

Приведем примеры речевых маркеров, указывающих на молодой возраст автора исследуемого текста. Среди них выделяются такие параметры, как 1) лексика; 2) грамматика; 3) текстопостроение; 4) эмоции, мнения, оценки; 5) орфография и пунктуация; 6) поднимаемые и обсуждаемые в тексте проблемы.

МОЛОДЕЖЬ (18-30 лет)

ЛЕКСИКА

✓ Жаргонно-фамильярный характер высказываний (*кишка тонка, рот закрой – диафрагму простудишь, пургу гонишь* и т.д.)

✓ Использование архаизмов, книжно-окрашенной лексики как средства для передачи иронического, саркастического, юмористического отношения к чему-либо (*мастер (оператор) машинного доения – работник ГАИ; мал бизнес, да дорог* и т.д.)

✓ Наличие вводных слов и вставных конструкций, подчеркивающих динамичный характер речи (*короче, конкретней, по делу* и т.д.)

✓ Отсутствие эмоциональной окрашенности нецензурных слов, употребление их как простой замены нормативной лексики (*это на х... не нужно никому; порядочной бывает и б...* и т.д.)

✓ Сокращенно-упрощенное наименование объектов, учреждений, районов (*Васька – Васильевский остров в Санкт-Петербурге; ГЧ – ТЦ Галереи Чижова, МП – ТЦ «Молодежный проспект» в Воронеже* и т.д.)

✓ Частое употребление жаргонизмов, возникших относительно недавно (*чекать, челлендж, чилить, хайп* и т.д.)

✓ Ошибки, искажения в употреблении религиозной лексики, библейских выражений (*любите и обряцете, не планом единым, запретил есть соль земли, папа изгнал дьявола из блудного сына* и т.д.)

✓ Использование молодежной лексики

✓ Использование, в основном, элементов разговорного стиля речи (*спать **нимишает*** (отсутствие разделения слов), *я фсе понял **прально*** (выпадение букв), *меня **бувкой** кормили* (копирование физических дефектов), *выпей **йаду*** (транскрипция), *есть **канешна** минусы* (блатное растягивание слов), *А **що ви усе-таки** знаете за **больницу?*** (копирование говоров) и т.п.)

ГРАММАТИКА

Морфология

✓ Частое употребление модальных слов, с помощью которых автор оценивает свое высказывание в целом или его части с точки зрения их отношения к объективной действительности (*без базара, железно, по чесноку* и т.д.)

ТЕКСТОПОСТРОЕНИЕ

✓ Конкретность, предметность в изложении фактов, событий (*Получив инструкции он должен немедленно начать их выполнять. Передача денег срывается, если: 1) вместо денег КУКЛА; 2) радиомаяк; 3) деньги не все; 4) они обработаны изотопами и ультрафиолетом; 5) будет слежка* и т. п.)

✓ Краткость суждений (*Единственный вопрос, возникший у вас, кто мы. Мы – простые смертные. Кстати, подумаем о самообороне.*)

✓ Отсутствие отклонений, побочных ассоциаций, не связанных с линией повествования

✓ Требование опубликовать письмо в средствах массовой информации

✓ Частое использование суждений ультимативного характера (*Чтобы этого не произошло, нужно собрать к 20 ноября шестьсот купюр по 500 евро каждая и 300000 руб. по 5000 руб. Другие купюры нельзя. Также ни в коем случае их ничем не обрабатывать.*)

✓ Чрезмерная жесткость планируемых акций (*Мы представляем вашему вниманию отрезанные головы нерусской национальности в районе детского сада. Это будут не муляжи в лифтах, а разрушенные дома и мертвые люди.*)

ЭМОЦИИ, ОЦЕНКИ, МНЕНИЯ

✓ Повышенная эмоциональность изложения (*ОООООО ДА! Как фикрайтер я в восторге!*)

✓ Склонность к выражению эмоций одним, семантически опустошенным словом (*дерьмо, пипец, улёт* и под.)

✓ Проявление негативного отношения к прошлому страны, неуважение к нему и непонимание его идеалов

(Все деньги уходили только на военную мощь государства, а страна в это время stagnировала.

СССР распался из-за неправильных действий его руководства. Люди хотели избытка и разнообразия? Это можно было устроить и без смены строя.

Человек – это личность, а не винтик в механизме государства. Но в те времена считалось иначе. Человек живет, чтобы трудиться. На благо Родины. Его личные интересы вторичны. Первично не Я ХОЧУ, а Я ДОЛЖЕН! Коллектив, а не семья. Разве можно принять такой строй?).

✓ Преклонение перед Западом

(Не стоит осуждать молодежь, которая рвется в Европу. Пожить какое-то время в цивилизных условиях и вернуться на родину более культурным (только это слово на ум приходит) человеком – ничего плохого в этом нет. Молодые люди рвутся на Запад, потому, что хотят нормально заработать, накопить деньги и быть независимыми.

Многие вполне себе хорошо устраиваются и довольны уровнем жизни, медициной, едой, образованием, возможностями для детей – словом, всем тем, что нужно человеку, который хочет лучшего своей семье, жене и детям. Который хочет иметь нормальную, а не нищенскую старость.

А у нас остаются недалекие, совсем бедные и идиоты (простите, по другому назвать таких людей я не могу).

✓ Демонстрация излишней уверенности в своих способностях (*Я знаю, как решить этот вопрос! Я прав и точка! Спорим, я смогу!*)

✓ «Юношеский максимализм» в оценке описываемых событий (*постоянно лезут со своими нравоучениями; вечно что-то не нравится; кайф ломают; вот я на пенсии спать буду; чего ходить туда сюда? Отдыхать надо!*)

ОРФОГРАФИЯ И ПУНКТУАЦИЯ

✓ Наличие ошибок при постановке запятой в конструкциях с прямой и косвенной речью (*Он спросил пойдё ли я с ним.*)

ПОДНИМАЕМЫЕ И ОБСУЖДАЕМЫЕ В ТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ

- ✓ учеба (вуз, колледж);
- ✓ получение знаний, профессии;
- ✓ нахождение своей социальной группы;
- ✓ профессиональные интересы;
- ✓ планирование развития, карьеры;
- ✓ соперничество;
- ✓ гражданская и социальная ответственность;
- ✓ увлечения: аниме, фильмы, рисование, фотография, спорт;
- ✓ времяпрепровождение, развлечения;
- ✓ компьютер, Интернет, социальные сети;

- ✓ выбор супруга (и);
- ✓ планирование/создание семьи, планирование/рождение и воспитание детей, планирование/ведение домашнего хозяйства;
- ✓ психическое и физическое состояние

При определении возраста предполагаемого автора текста необходимо учитывать следующее: если языковые маркеры возраста отсутствуют или выглядят противоречиво, например, количество маркеров, указывающих на молодой или средний возраст примерно совпадает или различается незначительно, то следует сделать вывод об отсутствии возможности на основании имеющегося в распоряжении эксперта материала осуществить возрастную атрибуцию.

Литература

Безрукова А.И. Комплексная методика производства автороведческих экспертиз: методические рекомендации / А.И. Безрукова, Е.И. Ермолова, М.П. Захаров, И.В. Огорелков, И.И. Рубцова. – М.: ЭКЦ МВД России, 2006. – 250 с.

Ермолова Е.И. Определение пола и возраста автора анонимного текста по письменной речи: методические рекомендации / Е.И. Ермолова, И.В. Огорелков, И.И. Рубцова. – М.: ЭКЦ МВД России, 2008. – 250 с.

Казьмина Е.К. Возрастные особенности русской лексики: магистерская диссертация: на правах рукописи / Е.К. Казьмина. – Воронеж: ВГУ, 2013. – 102 с.

Методические рекомендации по проведению автороведческих экспертиз по материалам интернет-переписки: пособие для экспертов / Под ред. к.ф.н. Т.И. Голощаповой – М.: ЭКУ 9 Департамента Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков, 2014. – 109 с.

Пантелеева А.В. Возрастные маркеры текста: магистерская диссертация: на правах рукописи / А.В. Пантелеева. – Воронеж: ВГУ, 2018. – 220 с.

Пономаренко И.В. Гендерная атрибуция текста: учебное пособие по лингвокриминалистике / И.В. Пономаренко, И.А. Стернин. – Воронеж: Издательство РИТМ, 2020. – 81 с.

Серегин В.В. Почерковедение и почерковедческая экспертиза: курс лекций / В.В. Серегин, М.В. Бобовкин, Т.Г. Шаова и др.; под ред. В.В. Серегина. – Волгоград: ВА МВД России, 2002. – 228 с.

Стернин И.А. Основы лингвокриминалистики: учеб. пособие / И.А. Стернин; Воронежский государственный университет. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2018. – 304 с.

Е.В. Рыжкова (Воронеж)

ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Аннотация: Статья содержит анализ представления языковой политики в российском законодательстве. Приведен краткий анализ нормативных правовых актов, принятых в сфере защиты и поддержки русского литературного языка.

Ключевые слова: языковая политика, законодательство, русский язык, словари

Abstract: The article contains an analysis of the representation of language policy in Russian legislation. A brief analysis of the normative legal acts adopted in the field of protection and support of the Russian literary language is given.

Key words: language policy, legislation, Russian language, dictionaries

На одном из заседаний Совета по русскому языку при Президенте Российской Федерации было заявлено, что государственная поддержка русского языка является частью борьбы за государственную безопасность и отвечает стратегическим интересам России. Таким образом была четко обозначена позиция органов государственной власти по отношению к русскому языку и определены меры защиты и поддержки государственного языка.

Следует отметить, что традиционно нормализаторские функции в отношении русского языка (отслеживание норм, фиксация в словарях, справочниках и т.д.) осуществлялись силами научного сообщества страны, в частности, Институтом русского языка им. В.В. Виноградова РАН в Москве и Институтом лингвистических исследований РАН в Санкт-Петербурге. Но процессы демократизации, разрушения устоявшихся норм и попытки создать новые ориентиры, происходящие в обществе начиная с 90-х годов XX в., отражались в первую очередь в языке. Изменение сложившейся системы цензуры, упразднение факультета редакторов привело к массовым ошибкам в использовании русского литературного языка в средствах массовой информации: *Ветеран обоих чеченских войн. Чечня претендует на звание самого туристического города. Следователи решили, что подозреваемые отмазываются от обвинения. Срок эксплуатации иссяк. Местный герб населенного пункта. Граждане Воронежской области. Пункты связи ликвидируются только в трудноудаленных районах. Одержать сокрушительную победу.*

В таких условиях возникает необходимость в узаконивании норм русского языка, их закреплении для обязательного использования в официальных сферах общения на юридическом уровне. В этом направлении со стороны государства были предприняты огромные усилия, и на данном этапе языковое законодательство Российской Федерации стало одним из самых разработанных, значительных и масштабных в мировой юридической практике наряду со старейшим в мире французским языковым законодательством.

Впервые правовой статус русского языка как *общегосударственного* зафиксирован в 1906 году в Своде законов Российской империи. Было определено, что в армии, во флоте, во всех общественных установлениях обязательно употребление именно русского языка.

Как ни странно, но в СССР русский язык какого-либо правового статуса не получил, хотя являлся языком межнационального общения. Только в 1990 году был принят Закон СССР «О языках народов СССР», в

котором русский язык наделялся статусом *официального* (часть 2 статьи 4: «С учетом исторически сложившихся условий и в целях обеспечения общесоюзных задач русский язык признается на территории СССР официальным языком СССР и используется как средство межнационального общения»).

Язык – это один из важнейших инструментов консолидации, стержень, вокруг которого можно объединить общество. И это очень хорошо понимается на уровне официальной власти. Подтверждением тому является более 100 законодательных актов, касающихся русского языка как государственного языка Российской Федерации, т.е. регулирование норм русского языка берет на себя само государство.

В конце 1991 года русский язык впервые объявляется *государственным* языком Законом РСФСР от 25 октября 1991 года «О языках народов РСФСР», в который в 1998 году были внесены изменения, и он в новой редакции был принят Государственной Думой как Закон Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации».

Статус русского языка как государственного был провозглашен статьей 68 Конституции Российской Федерации 1993 года: «Государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык». Значимость русского языка как «языка государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации» была подчеркнута в 2020 г. принятием поправок к Конституции Российской Федерации, внесших изменение, в том числе, и в 68 статью. Включение в Основной закон страны данного положения свидетельствует об объективном признании роли русского народа в образовании российской государственности, продолжателем которой является Российская Федерация.

Следующей важнейшей вехой в развитии российского языкового законодательства явилось принятие Федерального закона от 1 июня 2005 года № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации», направленного на четкое определение сфер *обязательного использования* государственного языка Российской Федерации (деятельность органов государственной власти, в том числе ведение делопроизводства; избирательная система; судопроизводство; опубликование международных договоров Российской Федерации, а также законов и иных нормативных правовых актов; написание наименований географических объектов, нанесение надписей на дорожные знаки; реклама и т.д.).

С 1 июля 2014 года вступил в силу Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 101-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового регулирования в сфере использования русского языка», принятие которого инициировано депутатом

Государственной Думы Говорухиным С.С. Указанный Федеральный закон ввел запрещающую норму о том, что при использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается использования слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка (в том числе нецензурной брани).

Одной из последних законодательных инициатив, активно обсуждаемых научной общественностью, является разработка проекта федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации», предусматривающего создание государственной информационной системы «Национальный словарный фонд». Планируется, что в открытом доступе на цифровой платформе будет порядка 30 словарей и что данная информационная система станет еще одним источником информации о нормах русского языка и его использовании в различных сферах деятельности государства и общества. Законопроектом предусмотрено, что в Национальный словарный фонд включается информация о содержании словарей русского языка, нормах и правилах русского языка, а также иная информация, необходимая для сохранения, распространения и развития государственного языка Российской Федерации.

Во исполнение положений Федерального закона от 1 июня 2005 года № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» (часть 3 статьи 1: «Порядок утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации определяется Правительством Российской Федерации») в 2006 году было принято постановление Правительства Российской Федерации «О порядке утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации» (23 ноября 2006 года № 714), в котором устанавливалось, что список грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, утверждает Министерство образования и науки Российской Федерации. В 2009 году приказом Минобрнауки России «Об утверждении списка грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации» (8 июня 2009 года № 195) этот список был утвержден. В него вошли:

1. Орфографический словарь русского языка. Букчина Б.З., Сазонова И.К., Чельцова Л.К. – М.: «АСТ-ПРЕСС», 2008. – 1288 с.

2. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. Зализняк А.А. – М.: «АСТ-ПРЕСС», 2008. – 794 с.

3. Словарь ударений русского языка. Резниченко И.Л. – М.: «АСТ-ПРЕСС», 2008. – 943 с.

4. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. Телия В.Н. – М.: «АСТ-ПРЕСС», 2008. – 782 с.

Несмотря на то, что постановлением Правительства Российской Федерации от 8 августа 2020 года № 1198 полномочие по утверждению указанного списка было закреплено за Правительством Российской Федерации, приказ Минобрнауки России действует до сих пор и новый список составлен не был. Следует также обратить внимание на значительное расширение полномочий высшего органа исполнительной власти в сфере сохранения и защиты русского языка. Тот же нормативный правовой акт наделяет Правительство Российской Федерации правом утверждать требования к составлению словарей, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, а также концепцию государственной языковой политики Российской Федерации, а изменения, внесенные в статью 3 Закона Российской Федерации от 25 октября 1991 года № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации», к полномочиям Правительства Российской Федерации относят также и порядок утверждения норм языков коренных малочисленных народов Российской Федерации, правил орфографии и пунктуации этих языков.

Приведенный краткий анализ нормативных правовых актов, принятых в сфере защиты и поддержки русского литературного языка, показывает четкое понимание органами государственной власти всей важности сохранения на законодательном уровне русского языка как одной из главных составляющих культурного поля, великого наследия наших предков и ведущего элемента консолидации современного общества.

ИНФОРМАЦИЯ О КОНФЕРЕНЦИЯХ, СБОРНИКАХ

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
Воронежская психолингвистическая ассоциация
Центр коммуникативных исследований
Филологический факультет
Кафедра общего языкознания и стилистики

Уважаемые коллеги! Приглашаем Вас принять участие
в *VIII Всероссийской научной конференции*

«Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка»

28-29 октября 2022 года

г. Воронеж, пл. Ленина, 10, гуманитарный корпус ВГУ №2

Цель: разработка подходов и методик описания семантики слова как феномена языкового сознания

Задачи:

- Разработка концепции значения слова как феномена актуального языкового сознания
- Разработка методик описания значения как феномена языкового сознания
- Подготовка словарей языкового сознания

Предполагаемые секции:

- Языковое сознание носителя языка
- Проблемы описания семантики слова
- Лексикографические проблемы описания лексических единиц
- Экспериментальные методы в исследовании семантики слова
- Психолингвистическая лексикография
- Психолингвистические проблемы дискурса и др.

Условия участия

До **10 октября 2022 г.** в оргкомитет необходимо прислать заявку на участие в работе конференции и статью (материалы доклада) для публикации в одноименном сборнике по электронной почте: a-rudakova@list.ru Рудаковой Александре Владимировне. После 10 октября 2022 г. материалы не принимаются.

Участие в работе конференции и публикация материалов для авторов **бесплатны** – за счет средств гранта РФФИ.

Все расходы за проезд и проживание – за счет направляющей организации.

Заявка и материалы должны быть присланы ДВУМЯ отдельными файлами в ОДНОМ письме (Иванов_заявка, Иванов_тезисы) на электронный адрес, указав в теме сообщения «Конференция Значение как феномен...».

ВНИМАНИЕ: оргкомитет оставляет за собой право отбора присланных материалов.

Сборник будет выпущен к началу работы конференции. Информация о сборнике будет размещена в РИНЦ, сборнику присвоен ISBN.

При необходимости пересылка сборника материалов осуществляется за счет авторов (стоимость 100 рублей – указать в заявке).

Предполагается очно-дистанционный формат работы конференции.

Требования к оформлению материалов

- объем — 5-10 стр., шрифт Times New Roman, кегль — 14, абзац — 1 см, межстрочный интервал — 1; в таблицах – 12-14 кегль;
- поля – все по 2,5 см;
- без нумерации страниц;
- на первой строке — инициалы и фамилия автора, в скобках город (начертание — полужирный курсив, выравнивание по правому краю);
- отступ — одна строка;
- на третьей строке — название статьи (начертание полужирное, прописными буквами, выравнивание по центру);
- отступ — одна строка;
- аннотация на русском и английском языках – 200-500 знаков;
- ключевые слова на русском и английском языках – 3-5 слов;
- текст статьи;
- иллюстративный материал выделяется *курсивом* без кавычек, анализируемые единицы в тексте — **полужирным** шрифтом;
- ссылки на литературу оформляются согласно ГОСТу 7.0.5–2008: [Иванов 1989], [Иванов 1989, с. 215; Петров 2009, с. 105];
- после текста статьи – список использованной литературы «Литература», включающий не более 10 источников; оформление согласно ГОСТУ 7.0.5–2008.

Образец

А.В. Рудакова (Воронеж)

ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ СЕМАНТИКИ СЛОВА

Аннотация: ... 200-500 знаков

Ключевые слова: 3-5 слов

Abstract: ...

Key words: ...

Текст. Текст. Текст....

Литература

Иванов И.И. Название: монография / И.И. Иванов. – Саратов: издательство, 2020. – 100 с.

Петров П.П. Название / П.П. Петров // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2020. – №2. – С. 1-10.

Заявка на публикацию статьи

№	Сведения об авторе	
1.	Фамилия, имя, отчество	
2.	Название статьи	
3.	Исследование выполнено в рамках гранта (номер, название гранта)	
4.	Ученое звание	
5.	Ученая степень	
6.	Место работы	
7.	Должность	
8.	Телефон (с кодом города или мобильный)	
9.	E-mail	
10.	Почтовый адрес	
11.	Необходимость пересылки сборника статей	

Контакты научного редактора сборника:

Адрес: г. Воронеж, площадь Ленина, д. 10, ауд. 32а (кафедра общего языкознания и стилистики), ауд. 12а (Центр коммуникативных исследований)

Рудакова Александра Владимировна – к.ф.н., доцент кафедры общего языкознания и стилистики, директор Центра коммуникативных исследований

Телефон: +7(905)0515198, e-mail: a-rudakova@list.ru

НАШИ АВТОРЫ

Базарбаева Зейнеп Муслимовна – д.ф.н., профессор филологии, академик НАН РК, академик РАЕ, главный научный сотрудник отдела фонетики, Институт языкознания им. А. Байтурсынова МОН РК

Боронин Александр Анатольевич – д.ф.н., профессор кафедры теории и практики английского языка факультета романо-германских языков Института лингвистики и межкультурной коммуникации, государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области Московский государственный областной университет

Бубнова Нина Викторовна – к.ф.н., доцент кафедры русского языка, Военная академия войсковой противовоздушной обороны Вооруженных Сил Российской Федерации имени Маршала Советского Союза А.М.Василевского (г. Смоленск)

Бурносова Владислава Юрьевна – магистрант филологического факультета ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Гриднев Юрий Васильевич – к.ф.н., доцент кафедры иностранных языков, Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова

Гриднева Лариса Григорьевна – канд. мед. наук, ассистент кафедры организации сестринского дела, Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко

Дьякова Лариса Николаевна – к.ф.н., ведущий специалист управления по довузовской работе и набору студентов ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Елифанова Валентина Валерьевна – к.ф.н., старший преподаватель кафедры сопоставительного изучения языков, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Журацкая Марина Евгеньевна – соискатель научной степени ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Заварзина Галина Анатольевна – д.ф.н., доцент, заведующий кафедрой русского языка, современной русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет»

Картавцев Владимир Николаевич – к.ф.н., преподаватель кафедры английского языка гуманитарных факультетов ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Князева Альбина Султановна – магистрант филологического факультета ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Козельская Наталья Алексеевна – к.ф.н., доцент кафедры общего языкознания и стилистики ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Колесникова Екатерина Игоревна – аспирант филологического факультета ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Кружилина Татьяна Владиславовна – к.ф.н., доцент кафедры иностранных языков, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск)

Крючкова Анна Васильевна – канд. мед. наук., зав. кафедрой, доцент кафедры организации сестринского дела, Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко

Кузьменко Павел Борисович – к.ф.н., преподаватель кафедры английского языка гуманитарных факультетов ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Лапицина Александра Владимировна – магистрант филологического факультета ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Левицкий Андрей Эдуардович – д.ф.н., профессор кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Литвинова Альбина Викторовна – студентка 1 курса филологического факультета ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Маклакова Елена Альбертовна – д.ф.н., зав. кафедрой, доцент кафедры иностранных языков, Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова

Махаев Маирбек Русланович – к.филос.н., заведующий лабораторией филологии и культурологии, Комплексный НИИ Российской академии наук, Московский международный университет

Морозова Ираида Алексеевна – к.ф.н., доцент кафедры социальных и гуманитарных дисциплин, Борисоглебский филиал ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Новичихина Марина Евгеньевна – д.ф.н., профессор кафедры связей с общественностью факультета журналистики ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Новоселова Ольга Владимировна – к.ф.н., доцент кафедры теории языка и межкультурной коммуникации, Тверская государственная сельскохозяйственная академия

Павлова Татьяна Юрьевна – магистр филологии ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Пономаренко Ирина Валентиновна – магистр филологии ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», лингвист-эксперт

Рудакова Александра Владимировна – к.ф.н., доцент кафедры общего языкознания и стилистики ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Рыжкова Елена Викторовна – консультант отдела правовой и лингвистической экспертизы правового управления Воронежской областной Думы

Рыжук Наталья Сергеевна – доцент кафедры английского языка №1, МГИМО (У) МИД России

Саломатина Мария Сергеевна – к.ф.н., доцент кафедры общего языкознания и стилистики ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Свиридова Анастасия Геннадьевна – магистр филологии ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Селезнева Кристина Олеговна – к.ф.н., старший преподаватель, Краснодарского высшего военного авиационного училища летчиков; доцент кафедры социальных и гуманитарных дисциплин Борисоглебский филиал ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Стернин Иосиф Абрамович – д.ф.н., профессор кафедры общего языкознания и стилистики ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», руководитель Воронежской психолингвистической ассоциации

Суворова Дарья Константиновна – студентка 1 курса филологического факультета ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Талл Уссейну – к.ф.н., заведующий кафедрой русского и славянских языков Дакарского государственного университета, Республика Сенегал

Токарев Григорий Валериевич – д.ф.н., заведующий кафедрой документоведения и стилистики русского языка, ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого»

Торубарова Ирина Ивановна – к.ф.н., старший преподаватель кафедры иностранных языков, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко»

Фененко Наталья Александровна – д.ф.н., доцент, профессор кафедры французской филологии ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Фролова Любовь Сергеевна – студентка 4 курса факультета романо-германской филологии РГФ ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Шабанова Лидия Александровна – магистрант филологического факультета ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Шляпина Юлия Константиновна – магистрант филологического факультета ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

СОДЕРЖАНИЕ

От научного редактора	3
-----------------------------	---

Удивительный Ученый, Педагог, Просветитель, Человек... СТЕРНИН ИОСИФ АБРАМОВИЧ	4
---	---

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

<i>Бурносова В.Ю.</i> Гендерная специфика психолингвистического значения слова <i>ДЯТЕЛ</i> в языковом сознании школьников	9
<i>Журацкая М.Е.</i> Лексема <i>ЧЕСТЬ</i> в языковом сознании и юриспруденции	15
<i>Козельская Н.А., Свиридова А.Г.</i> Экспериментальное изучение семантики паронимов	24
<i>Колесникова Е.И.</i> Психолингвистическое исследование гендерных особенностей семантики слова	29
<i>Кружилина Т.В.</i> Психолингвистический взгляд на проблему когнитивного и речевого дефицитов при функциональной неграмотности	34
<i>Литвинова А.В.</i> Гендерные особенности психолингвистического значения слов ЛСГ «Образование»	40
<i>Махаев М.Р., Стернин И.А.</i> Психолингвистическая семантика топонима <i>ДАГЕСТАН</i> (результаты ассоциативных экспериментов)	47
<i>Морозова И.А., Селезнева К.О.</i> Сопоставительный анализ психолингвистических значений лексем <i>ОБРАЗОВАНИЕ</i> и <i>ВОСПИТАНИЕ</i> (по результатам направленного ассоциативного эксперимента)	55
<i>Павлова Т.Ю.</i> Ассоциативные связи у детей с дизорфографией (пилотный эксперимент)	64
<i>Рудакова А.В.</i> Психолингвистическое описание групповых семантических различий	71
<i>Шабанова Л.А.</i> Сравнительный анализ ассоциативных полей однокоренных слов-стимулов <i>ОТВЕЧАТЬ/ОТВЕТ</i>	81
<i>Шляпина Ю.К.</i> Ирония как понятие в языковом сознании (экспериментальное исследование)	85

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЙ СЕМАНТИКИ СЛОВА

<i>Кузьменко П.Б., Картавцев В.Н.</i> Прямые и переносные значения глагола <i>STRUGGLE</i> в зеркале его лексикографического описания	90
---	----

<i>Левицкий А.Э.</i> Динамика лексического фонда языка: вопросы семантики и функционирования	95
<i>Новоселова О.В.</i> Содержательный объем вербальной угрозы	100
<i>Рыжук Н.С.</i> Когнитивный и семантический аспекты корреляции «часть – целое» (на материале английского и русского языков) ...	104
<i>Суворова Д.К.</i> Семантика наименований десерта в русском языке	112
<i>Талл У.</i> Основные понятия лексикологии и лексикографии	120
<i>Торубарова И.И.</i> Речевые ошибки в научных медицинских текстах	123
<i>Фененко Н.А., Фролова Л.С.</i> Французские неологизмы периода пандемии 2020	131

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

<i>Епифанова В.В.</i> Принципы демонстрации сочетаемости в русско-немецких и немецко-русских словарях комбинаторного типа	143
<i>Заварзина Г.А.</i> К вопросу об архитектонике и композиционных элементах словаря актуальной лексики русского языка новейшего периода	152

ДИСКУРС И ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ НОСИТЕЛЕЙ ЯЗЫКА

<i>Базарбаева З.М.</i> О происхождении просодической системы языка и ее связи с семантикой	162
<i>Боронин А.А.</i> О некоторых аспектах дискурсивной лакунарности как коммуникативной универсалии	171
<i>Бубнова Н.В.</i> Ономастическое пространство текста Вячеслава Иванова «Роза преображения»	175
<i>Гриднев Ю.В., Гриднева Л.Г., Крючкова А.В., Маклакова Е.А.</i> Критическое мышление как компонент психолингвистики	183
<i>Дьякова Л.Н.</i> Коммуникативные события в приемной комиссии вуза как основа диалога	188
<i>Князева А.С.</i> Имплицитное утверждение в модальном значении предположения (на материале текстов СМИ)	194
<i>Токарев Г.В.</i> Модель символизации квазиэталоны <i>ТЫЧКА</i>	198

ЛИНГВОКРИМИНАЛИСТИКА. КРУГЛЫЙ СТОЛ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА ИОСИФА АБРАМОВИЧА СТЕРНИНА (13 мая 2022 г.)

<i>Саломатина М.С.</i> Вклад профессора Иосифа Абрамовича Стернина в теорию и практику лингвистической экспертизы	202
---	-----

Лапишина А.В. Выявление речевых признаков недостоверности при проведении лингвистической экспертизы: к постановке проблемы	206
Новичихина М.Е. Дискуссионные вопросы лингвистической экспертизы товарных знаков	210
Пономаренко И.В. Возрастная атрибуция текста: маркеры, проблемы	214
Рыжкова Е.В. Отражение языковой политики в российском законодательстве	220
Информация о конференциях и сборниках	225
Наши авторы	228

ИЗДАТЕЛЬСТВО «РИТМ»

Подписано в печать 07.09.2022. Формат 60х84 1/16 Бумага офсетная Ballet.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,5 Тираж 300 экз. Заказ № 026

Текст и иллюстрации предоставлены автором.

Текст печатается в авторской редакции.

115419, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Донской
ул. Шаболовка, д. 34, стр. 2, помещ. 1, ком. 14

Отпечатано ИП Богатырев В.И.

Липецкая обл., Усманский р-н, с. Пригородка, ул. Есенина, 7

<http://www.i-ritm.ru> Тел.: 8(473) 290-24-53